

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
1987

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

5
1987

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

Идеи Октября бессмертны	3
<i>Бутенко А. П., Киселев В. П.</i> Революционная стратегия обновления социализма	7
<i>Будагова Л. Н.</i> Вдохновляющая сила Октября (о природе аналогий в социалистической литературе)	19
<i>Бирман М. А.</i> Кирков и революционная Россия в 1917 году	31
<i>Цыбенко Е. З.</i> Некоторые закономерности польско-русских литературных связей во второй половине XIX века (после 1864 г.)	42
<i>Богатырев К. К.</i> Реликты праславянских акцентных отношений в системе поморского глагола: долготные <i>i</i> -глаголы	50
<i>Головачева А. В.</i> Проблемы моделирования конструкций с именами частей тела (на материале западнославянских и русского языков)	59
<i>Орел В. Э.</i> К реконструкции праславянского словарного состава	73
Говорят наши гости (Интервью в номер)	80

Новая рубрика	85
-------------------------	----

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

<i>Пол И. И. Е. Voráček. Československo-sovětské hospodářské vztahy. 1945—1948</i>	92
<i>Фрейдзон В. И. В. Паскалева. Средна Европа и земите по Долния Дунав през XVIII—XIX в. (социално-икономически аспекти)</i>	93
<i>Мочалова В. Е. Sarnowska-Temierusz. Zarys dziejów poetyki. Od starożytności do końca XVII w.</i>	94

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Задорожнюк Э. Г. Г. П. Мурашко. Политическая борьба в Чехословакии в 1944—1948 гг. и национализация средств производства</i>	96
<i>Лабунцев Ю. А. Книга Беларуси: 1517—1917. Зводны каталог</i>	98
<i>Медведева О. Театр и дух времени</i>	101
<i>Жук В. А. Studia polono-slavica-orientalia. Acta litteraria IX</i>	103

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Колесов Вл. Международная конференция «Изменения социально-классовой структуры общества в переходный от капитализма к социализму период»</i>	105
<i>Досталь М. Ю. Рабочая встреча специалистов по истории исторической науки европейских социалистических стран</i>	107
<i>Нещименко Г. III Международный симпозиум богемистов</i>	109

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. К. Кавко (главный редактор), В. А. ДЪЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69,

Трубниковский пер., д. 30^а

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

© Издательство «Наука»,
 «Советское славяноведение» 1987 . .

ИДЕИ ОКТЯБРЯ БЕССМЕРТНЫ

Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. **В. И. Ленин.** *Детская болезнь «левизны» в коммунизме (май 1920 г.). — Полн. собр. соч., т. 41, с. 3.*

Польское пролетарское движение идет по тому же пути, что и наше, идет к диктатуре пролетариата, но не так, как в России... Один из лучших товарищей польских коммунистов, когда я ему сказал: «Вы сделаете иначе», ответил мне: «Нет, мы сделаем то же самое, но сделаем лучше, чем вы». Против такого довода я решительно ничего не мог возразить. Надо предоставить возможность исполнить скромное желание — сделать Советскую власть лучше, чем у нас. **В. И. Ленин.** *Доклад о партийной программе [на VIII съезде РКП(б)]. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 161—162.*

Мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирно-историческую эпоху, эпоху политического господства пролетариата, пришедшую на смену эпохе господства буржуазии. Этого тоже назад взять уже нельзя, хотя «доделать» советский тип государства удастся лишь практическим опытом рабочего класса нескольких стран. **В. И. Ленин.** *Заметки публициста (февраль 1922 г.). — Полн. собр. соч., т. 44, с. 417.*

Русские пролетарии своей обильно пролитой кровью расчистили путь к освобождению трудящегося человечества. Чествуя их великое историческое дело, болгарские пролетарии будут еще усиленнее готовиться к достойному выполнению своего долга — обеспечить победу коммунистической революции в своей собственной стране. **Г. Димитров.** *Третья годовщина русской революции (3 ноября 1920 г.). — Избр. произв. Т. I. М., 1957, с. 83.*

Воздействие Октябрьской революции на Балканы было необычайно сильным. Она, как луч прожектора, прорезала ночной мрак войны на балканских фронтах. Как путеводная звезда, она указала балканским народам и миллионным массам рабочих и крестьян путь к миру и свободе. **Г. Димитров.** *Октябрьская революция и Балканы (18 ноября 1927 г.). — Избр. произв. Т. I. М., 1957, с. 280.*

Пролетарский интернационализм не только не противоречит борьбе трудящихся отдельных стран за национальную, социальную и культурную свободу, но и обеспечивает благодаря международной пролетарской солидарности и боевому единству *поддержку*, необходимую для победы в этой борьбе. *Лишь в теснейшем союзе* с победившим пролетариатом великого Советского Союза рабочий класс капиталистических стран может победить. *Лишь борясь рука об руку с пролетариатом империалистических стран* колониальные народы и угнетенные национальные меньшинства могут добиться своего освобождения. *Лишь через революционный союз рабочего класса империалистических стран с национально-освободительным движением колоний и зависимых стран* лежит путь победы пролетарской революции в империалистических странах, ибо, как учил нас *Маркс*, «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы». [...]

Мы — враги всякой схематичности. Мы хотим учитывать конкретную обстановку в каждый момент и в каждом данном месте, а не действовать по определенному шаблону везде и всюду, не забывать, что в разных условиях позиция коммунистов не может быть одинаковой.

Мы хотим трезво учитывать *все этапы* в развитии классовой борьбы и в росте классового сознания самих масс, уметь находить и разрешать на каждом этапе *соответствующие* этому этапу конкретные задачи революционного движения. **Г. Димитров.** *Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма (2 августа 1935 г.). — Избр. произв. Т. I. М., 1957, с. 440—441, 450.*

Дружба с Советским Союзом — это гарантия мира, так как именно Советский Союз идет во главе народов в их борьбе за прочный, демократический мир. ...

Дружба с Советским Союзом — это гарантия свободы и национальной независимости нашей родины. ...

Для болгарского народа дружба с Советским Союзом так же жизненно необходима, как солнце и воздух для всякого живого существа. **Г. Димитров.** *Пусть пребудет в веках болгаро-советская дружба (21 ноября 1946 г.). — Избр. произв. Т. II. М., 1957, с. 314—315.*

... Первое в мире социалистическое государство — путеводная звезда и вдохновитель всего прогрессивного человечества!

Без Советского Союза не было бы вообще свободы и независимости народов Юго-Восточной Европы и процветания народной демократии, идущей по пути социализма. **Г. Димитров.** *Октябрьская социалистическая революция открыла человечеству путь к подлинной демократии, к социализму (3 ноября 1948 г.). — Избр. произв. Т. II. М., 1957, с. 572.*

Нашу народную революцию исторически подготовила Великая Октябрьская социалистическая революция и неизмеримо важный для нас факт освобождения нашей страны победоносной освободительной армией социалистического государства, не только вызволившего нас из рабства, но и оказавшего нам братскую всестороннюю помощь в возрождении нашей жизни и строительстве нового общественного строя.

... Укрепляя дружбу и братство с народами Страны Советов — страны победившего социализма, мы тем самым наилучшим образом служим делу мира, делу расцвета нашей Родины. **Б. Берут.** *Отчетный доклад ЦК ПОРП II съезду партии 10 марта 1954 г. М., 1954, с. 18, 122.*

Польша возродилась как независимое государство в новых справедливых границах благодаря претворению в жизнь принципов пролетарского интернационализма, благодаря союзу и дружбе с Советским Союзом, благодаря вступлению ее на путь социализма. **Вл. Гомулка.** *Отчетный доклад ЦК ПОРП III съезду ПОРП 10 марта 1959 г. М., 1959, с. 133 — 134.*

Идеи Октябрьской революции проникли во все революционное рабочее движение, а творческая теория марксизма-ленинизма стала идеологическим фундаментом современного коммунизма, объединяющего в своих рядах десятки миллионов борцов за социальное и национальное освобождение. Международный коммунизм вырос в самое могущественное политическое движение нашей эпохи, являющееся авангардом всех сил прогресса, демократии и свободы народов. [...]

История — это самый лучший учитель народов. Опыт минувших бурных десятилетий глубоко преобразил сознание польского общества, связал наши народы узами глубокой дружбы и братства, утвердил чувство общности основных интересов и стремлений, распростиранил убеждение в том, что могущество и расцвет Советского Союза служат также нашей мощи и нашему благополучию. В любой исторической обстановке польско-советский союз, выкованный в тягчайших военных испытаниях, испытанный на общем пути социалистического развития, отвечает самым жизненным интересам обеих наших стран. Это — вечный союз братских народов, которые идут в авангарде человечества по одному и тому же историческому

пути. **Вл. Гомулка.** *Великая годовщина (29 октября 1967 г.). — Избр. статьи и речи. М., 1968, с. 609, 620.*

Не в том ли глубочайшее значение русской революции, что, порвав с эпохой «варварства», которую в будущем историки будут датировать, может быть, от 30-летней войны до 1917 года ..., она создает новые условия взаимодействия между Востоком и Западом? (Ю. Мархлевский. Письмо от 29 декабря 1921 г.). *Marchlewcki J. O sztuce. Warszawa, 1957, s. 393—494.*

Лозунг мира был одним из главных лозунгов, начертанных на знамени рабочих и крестьян капиталистической России, совершивших ... Октябрьскую социалистическую революцию. Одним из первых великих деяний нового, Советского правительства, рожденного Октябрьской революцией, было предложение всем воюющим нациям и государствам заключить мир. Так Октябрьская революция впервые в истории прорвала кровавый круг, в котором билось тогда почти всё человечество. **К. Готвальд.** *Мирная политика Советского Союза (1937 г.). — Избр. произв. Т. I. М., 1957, с. 504.*

...Только союз с Советским Союзом и остальными славянскими нациями является прочной гарантией спокойного будущего и независимости Чехословакии. **К. Готвальд.** *Ослабить наш союз с СССР — значит изменить Родине (24 августа 1947 г.). — Избр. статьи и речи. М., 1970, с. 161.*

Судьба нашей народной демократии, революционных завоеваний, так же как и самое существование народа и государственная свобода, тесно связана с судьбой нашего союза с СССР. От него зависит, будем ли мы существовать или погибнем, ибо только этот союз дает нам возможность иметь свое свободное государство и строить его в соответствии со свободным волеизъявлением народа. [...]

Мы избрали путь свободы, самостоятельности, народной демократии плечом к плечу с нашим освободителем и лучшим другом — Советским Союзом. **К. Готвальд.** *Теснее, чем когда-либо, в союзе с СССР (22 февраля 1948 г.). — Избр. статьи и речи. М., 1970, с. 186.*

Мы знаем своих друзей, знаем, на кого можем положиться в радости и в беде. Это прежде всего наш великий освободитель и союзник — Союз Советских Социалистических Республик. Мы знаем, за что благодарны Советскому Союзу. Мы знаем, кто стоял на нашей стороне во время Мюнхена, в дни рокового марта 1939 года, в черные дни оккупации и войны. Мы знаем, кто больше всех пролил крови, чтобы вернуть нам свободу, знаем, откуда пришла свобода в памятном 1945 году. Мы знаем, кого благодарить за бескорыстную помощь при строительстве республики и в преодолении послевоенных трудностей. А поскольку мы всё это знаем, никто и ничто не сможет оторвать нас от Советского Союза. Советский Союз не только является гарантией нашей национальной свободы и государственной независимости. Советский Союз стоит также во главе тех, кто борется за сохранение и укрепление мира во всем мире, который столь дорог и нам, гражданам Чехословакии. Сохранение мира — одно из условий нашего пути к социализму. **К. Готвальд.** *Вперед, к построению социализма в нашей стране (25 мая 1949 г.). — Избр. произв. Т. II. М., 1957, с. 325—326.*

Да, мы хорошо знаем, что лишь потому наш трудовой народ победил, лишь потому мы свергли капитализм, что мы шли путем Ленина. Лишь потому мы можем успешно строить социализм, что идем путем Ленина и что для нас надежной защитой является могучая страна Ленина — Советский Союз. Только на этом пути мы можем одерживать новые победы, сделать наше отечество богатым и счастливым и сохранить мир для наших домов. Это обязывает нас всегда и при всех обстоятельствах оставаться верными ленинскому знамени. **К. Готвальд.** *Ленинским путем к социализму (21 января 1953 г.). — Избр. произв. Т. II. М., 1957, с. 465—466.*

В дни великой борьбы за жизнь и свободу народов мы вспоминаем о двух великих днях прошлого, которые нам указывают направление и освещают путь в будущее: 7 ноября 1917 года — начало Великой социа-

листической революции народов России, и 28 октября 1918 года — день нашего национального освобождения.

Это сопоставление дат не случайно. Между ними глубокая внутренняя связь, закономерная историческая связь: если бы не было 7 ноября, не было бы и не могло быть нашего 28 октября. В ноябре 1917 г. в страшном грохоте войны, потрясшей весь мир, с востока раздался голос свободы: конец войне, конец порабощению народов и эксплуатации человека человеком, которая приводит к войнам. Мы устанавливаем новый строй свободы и справедливости, воплощающий высшие идеалы человечества. Трудящиеся всех стран, мы показываем вам пример!

Это был голос, который потряс весь мир, поколебал в Европе основы многих старых институтов, подорвал их устои, освободил в европейских странах революционные силы и указал перспективу борьбы. **Ю. Фучик**. *28 октября и 7 ноября (ноябрь 1941 г.)*. Цит. по: *Писатели мира: Октябрь и литература*. М., 1978, с. 64.

Если учение Маркса и Энгельса было маяком, который освещал противоречия капиталистической общественной системы и пути рождения новых, лучших общественных отношений, то Великая Октябрьская революция была тем пламенем, которое зажгло революционный дух в сердцах многих сотен миллионов эксплуатируемых и угнетенных всего мира. [...]

Без Великой Октябрьской революции и ее завоеваний, без победы антигитлеровской коалиции над гитлеровскими армиями во второй мировой войне, в которой Советская Армия — детище Октябрьской революции — вынесла главную тяжесть, и сегодня не было бы строительства социализма в странах народной демократии и в Югославии. Народы этих стран не имели бы ни условий, ни возможности сами, каждый самостоятельно, изменить старую общественную систему и решать вопросы своего развития и форм общественного устройства без сильного морального и революционного влияния Великой Октябрьской революции и страны социализма — Советского Союза. Это исторические факты, которые никогда не следует забывать. **И. Броз Тито**. *По поводу 40-й годовщины Великой Октябрьской революции (7 ноября 1957 г.)*. — *Избр. статьи и речи*. М., 1973, с. 19, 23.

Дух Октября и гениальное учение Ленина были и остаются революционной путеводной звездой для миллионов угнетенных и поработанных в борьбе за права человека, за более справедливые общественные отношения, за свободу и независимость. **И. Броз Тито**. *Речь на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции (4 ноября 1967 г.)*. — *Избр. статьи и речи*. М., 1973, с. 47.

БУТЕНКО А. П., КИСЕЛЕВ В. П.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ ОБНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА

Практика 70-летнего развития социализма является бесценным достоянием всего мирового революционного движения. Особое место в истории этой практики займут 80-е годы XX столетия, когда возникла потребность в качественном подъеме строя на новую ступень, в разработке и осуществлении новой стратегии. Суть её — в перестройке системы общественных отношений с целью обеспечить ускорение социально-экономического развития. Разработка этой стратегии явилась главной и чрезвычайно сложной задачей, потребовавшей модернизации всех средств ее реализации: от радикальной реформы хозяйственного механизма до изменений в политической системе, правовых норм, обновления духовной жизни. Экономические задачи новой стратегии определяются необходимостью удовлетворять растущие потребности трудящихся, повышать жизненный уровень в принципиально изменившихся внутренних условиях развития, в условиях ухудшившейся конъюнктуры на мировых рынках, осложнения международной обстановки.

Нравственные и политические задачи определяются требованиями дальнейшего воплощения принципа социальной справедливости, природой нового строя, а решение их является своеобразной проверкой способности правящих партий быть руководящей силой общества, его стратегом.

Естественно, что потребовалось уточнение концепции социализма, закономерностей его функционирования и развития, углубление представлений об общественной собственности, механизмах экономического и политического самоуправления, исследование «человеческого фактора», причин социальных деформаций и т. д.

В этой связи в предлагаемой статье рассмотрен ряд идеологических, политических и экономических аспектов стратегии перестройки, которые, на наш взгляд, раскрывают ее революционный характер.

В каком же смысле перестройка носит революционный характер?

Вначале могло казаться, что отождествление перестройки с революцией — красивый образ, позволяющий ярче и убедительнее раскрыть сложность и основательность перемен, которые предстоит осуществить в советском обществе. Ясно, что перестройка — это не революция в плане переворота, изменяющего власть и социально-экономический строй. Для определения перестройки в качестве революционной имеется по меньшей мере несколько взаимосвязанных причин.

Во-первых, перестройка означает, что предстоит не только решительно, радикально изменить систему общественных отношений, но и выработать новое философское и политическое мышление.

Перестройка всей системы общественных отношений не может быть революционной без обновления идейно-теоретического арсенала, избавления от предрассудков и догм, без опоры на ленинизм, его творческую методологию. Не случайно в «Декларации о советско-польском сотрудни-

честве в области идеологии, науки и культуры» в качестве общей задачи выдвинуто «творческое развитие марксизма-ленинизма, преодоление косности, инерции и догматизма, проявлений технократического подхода и вульгарного экономизма в общественных науках» [1, 1987, 22 IV]. Потребность в решении этой задачи велика, так как длительное время «творческие представления о социализме во многом оставались на уровне 30—40-х годов», а «развивающийся социализм, диалектика его движущих сил и противоречий, реальное состояние общества не стали объектом глубоких научных исследований» [2, с. 8]. Накопленный опыт и стратегия обновления требуют именно всестороннего использования и умножения идейного богатства, которым располагают коммунисты, так как «между сформировавшимися ранее и во многих случаях идеализированными, а иногда и иллюзорными представлениями о социализме и сегодняшней действительностью существует различие» [3, с. 43].

Перед обществоведами стоит задача «самопознания социализма», т. е. рассмотрения его в широком историческом контексте мировой, европейской и, в частности, славянской культуры, внесшей немалый вклад в общечеловеческую цивилизацию. Возникают сложные вопросы изучения исторической обусловленности выбора теми или иными народами нового строя, его соотносительности с национальными традициями, всем предшествующим развитием. Причем это касается не только достижений, но и серьезных деформаций при осуществлении социалистического идеала. Так, трудно уйти от исследования вопросов, связанных с культом личности, в условиях которого, не успев взрасти, растаптывались ростки свободы творчества личности, ее духовной суверенности, подчас подрывались основы вековой культуры, недооценивались или прямо отвергались многие прогрессивные культурные традиции. При этом нельзя забывать о том, что одновременно утверждалась всеобщая грамотность, открывались принципиально новые возможности освоения массами достижений мировой цивилизации.

С одной стороны, социализм провозгласил принципы солидарности, поставил и во многом решил задачу ликвидации «атомистичности» общества, тех его условий, при которых происходит эксплуатация человека человеком. С другой стороны, через семьдесят лет мы констатируем в СССР, да и в ряде других социалистических стран нарастание общественной апатии, расширение потребительского подхода к жизни, стяжательство, усиление бюрократизма, коррупции и т. д. Более того, появилась социальная разобщенность, центробежные устремления и даже происходит ослабление общественной значимости многих моральных качеств, которые испокон веков присущи трудящимся: доброта, отзывчивость, взаимопомощь, сострадание и т. д.

Одна из причин этого — во многом упрощенное, а точнее вульгарно-экономическое понимание нового строя, сведение процесса его строительства вначале к огосударствлению средств производства, а затем лишь к их наращиванию. Это привело к технократическому подходу к культуре, к обеднению нравственного облика социализма, а, значит, к деформации гуманистического качества его экономических и социальных структур. Возникла недооценка сущности социализма как этапа очеловечивания действительности. Частично это выразилось и в том, что социализм как система исследовался лишь различными научными областями (политэкономией, научным коммунизмом, социологией и т. д.), а целостное его изучение еще остается задачей.

Внимание к духовному развитию, к культуре приобретает особое значение при социализме, ибо он ориентирован на всестороннее развитие человека как конечную цель. Но эту цель следует понимать не как априорно вытекающую из идеологических постулатов, как нечто преддeterminedное сверху, а как объективную нужду человека в своем непрерывном развитии. Поэтому-то многие качества всестороннего развития — трудолюбие, самообразование, нравственный рост, общение с природой и красотой и т. д. — должны быть осознаны каждым человеком как потребность, выстраданы им. Без собственных душевных усилий, без сострадания к лю-

ням, без принятия на свои плечи части ответственности за настоящее, собственной борьбы за социальную справедливость и будущее человек не может быть хозяином жизни: как подлинным гражданином своего Отечества, так и сознательным участником международных отношений вообще, социалистических в особенности.

Особое значение для революционной перестройки приобретает формирование научного мировоззрения, т. е. целостного понимания законов развития природы и общества, в том числе и социалистического.

Направленность теоретической работы на исследование и преодоление реальных противоречий, возникающих трудностей, заставляет признать и многообразие и сложность духовной, идейной жизни в братских странах. «*Политика дает нужные результаты, когда она строится на точном учете интересов классов, социальных групп, личности, — говорил М. С. Горбачев. — Если это верно с точки зрения управления обществом, то тем более верно в идеологическом, воспитательном плане*» [4, с. 87]. Требование учета идейного многообразия прозвучало и с трибуны XIII съезда ВСРП: «*Наше общество еще не едино в своем мировоззрении. Существует единство в вопросе основных целей социализма, но это не снимает с нас обязанности вступать в спор с чуждыми нашим идеям взглядами*» [3, с. 42]. Поэтому коммунисты видят смысл идеологической работы не только в формировании научного, коммунистического мировоззрения, но и в том, чтобы, по словам Э. Хонеккера, «*вовлекать всех граждан, независимо от их социального происхождения, мировоззрения и религиозных убеждений, в решение общественных проблем*» [1, 1986, 18 IV].

Обеспечить идейное единство на основе социалистических ценностей можно только через преодоление апологетического характера марксистской идеологии, самодовольства у ее носителей, избавление от разрыва между словом и делом, реализм в оценке достигнутого новым строем.

На развитии современного общественного сознания в социалистических странах негативно сказываются идеологические стереотипы, чуждые идеалам нового строя ценностные ориентации, перешедшие «по наследству» от прежних формаций, различного рода предрассудки. Многие из них порождаются и собственным развитием социализма — ожесточенностью классовой борьбы, издержками революционной ломки прежней общественной системы, догматическим отношением к утвердившимся формам социальной жизни. Последнее частично объясняется чрезмерной зависимостью теории от политики, понимаемой в свою очередь подчас как решение сиюминутных задач. Требуется освободить теоретическую мысль от подчиненного положения, от роли служанки политики, а политику очеловечить духовным содержанием идеологии. В этом — путь преодоления догматизма и застывших, безжизненных схем как в теории, так и пропаганде. Идеология дает ориентиры политической практике, обеспечивая оптимальный, с точки зрения идеала, выбор решения из множества вероятных. «... „Идеолог“ только тогда и заслуживает названия идеолога, — писал В. И. Ленин, — когда идет в п е р е д и стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые „материальные элементы“ движения стихийно наталкиваются» [5, т. 5, с. 363].

В то же время нельзя превращать научные истины в идеологические догматы, а отношение к ним в средство проверки политической лояльности. Освободить научную теорию от крайностей политической опеки, а политическую практику от бесплодной доктринерской схоластики — одна из плодотворных задач перестройки. Страх перед свободой мысли, перед «пожаром идей» (К. Маркс) — не есть ли наиболее яркое выражение духовной слабости тех, кто претендует на монополию в области науки? Социализм не сможет познать самого себя, если над обществоведением и дальше будет довлеть, по словам секретаря ЦК КПСС А. Н. Яковлева, «*боязнь прикоснуться к проблемам, которые еще не входят составной частью в политические решения, и оно в отношении последних будет «оставаться на уровне комментаторства*» [6]. В большинстве случаев в экономике, в решении культурных задач многовариантность, альтернатив-

ность предложений являются единственным средством отыскания правильных решений. Созыательность, в том числе в области идей, является нормальным состоянием человеческой духовности. Эта созыательность может и должна касаться и области идей по поводу устройства общества в целом, его политических и других структур.

Вместе с тем идейные поиски не означают «всеядности», абсолютного произвола в выборе методологии и отстаивании принципов. Критерий здесь — социалистичность мировоззрения и патриотичность общественной позиции.

Масштабные и сложные задачи, связанные с перестройкой, могут быть решены лишь тогда, когда полнее будет задействован человеческий фактор, развит и рационально использован весь идейный и духовный потенциал общества. Добиться данной цели можно, если все виды духовной деятельности обретут новаторский характер, будут способны не только адекватно, без промедления откликаться на перемены, происходящие в обществе, но и подготавливать их. Важно, чтобы все более широкие слои трудящихся участвовали как в рождении новых социальных идей, так и в их усвоении¹. Может быть, наибольшее значение для оценки проходящей перестройки в качестве революционной имеет расширение свободы творчества, распространение самоуправленческих начал на область идейной жизни, где особенно недопустимы авторитарные методы управления, чиновничий контроль над мыслью. «Социализм, — указывал В. И. Ленин, — не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс» [5, т. 35, с. 57]. Широкое и свободное участие трудящихся в духовной жизни нового строя, в формировании его идеалов (как идеала общественного устройства, так и идеала самого человека) — непрменный атрибут подлинного социализма.

Поиски новых идей, способствующих экономическому, социальному и духовному подъему социализма в СССР, имеют и будут иметь стимулирующее значение для всего социалистического содружества, для прогресса во всем мире. Действия КПСС, — отмечал Г. Гусак, — «являются примером творческого развития ленинизма в деле решения ключевых теоретических и практических вопросов социалистического строительства в наше время» [1, 1987, 11 IV]. Эту же мысль выразил В. Ярузельский, назвавший преобразования в СССР «творчески вдохновляющим способом мышления и стиля деятельности» и отметивший «полное созвучие политики социалистического обновления и реформ в Польше и советской стратегии перестройки и ускорения» [1, 1987, 22 IV].

Во-вторых, перестройка — это подъем социализма на новую ступень, а, следовательно, изменение и обогащение природы социализма. Фактически речь идет о переходе к социализму с новой сущностью, с одной стороны, опирающемуся на уже достигнутое и завоеванное, с другой, очищающемуся от искажений и деформаций прошлого.

Следует отказаться от представлений о неизменной сущности социализма, его какой-то «чистой» природе. Такой подход утвердился тогда, когда под природой социализма понимался узкий набор ее черт, своеобразный скелет, определенный раз и навсегда. Иначе говоря, природа социализма рассматривалась не в развитии, в обогащении качеством, а упрощенно, однолинейно. «Произошла своего рода абсолютизация сложившихся на практике форм организации общества, — отмечалось на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС. — Более того, подобные представления, по сути дела; отождествлялись с сущностными характеристиками социализма, рассматривались как неизменные и преподносились в качестве догм, не оставляющих места для объективного научного анализа» [2, с. 8]. «Застывший образ» природы социализма естественно приводил и к утверждению о том,

¹ В свое время А. Грамши писал, что создание новой культуры означает и «...критическое распространение уже открытых истин, их, так сказать, „социализацию“ и тем самым превращение в основу практической деятельности людей, в элемент их духовного и нравственного уклада» [7, с. 14].

что она независима от превратностей и искажений, как бы непроницаема для жизни. Природа социализма сама по себе, а жизнь сама по себе.

Но содержание социализма (включая его сущность) развивается, как развивается и его концепция: нельзя рассматривать теорию нового строя как окостеневшую совокупность догматов, а классиков научного коммунизма в качестве их апостолов. Дистиллированное и весьма скудное определение социализма делало его безжизненным, а все пороки и деформации заставляло связывать лишь с субъективными просчетами, да происками империализма.

Такое понимание истории социализма не только не способно выявить подлинные причины нынешних его деформаций, но теоретически оправдывает их. Более того, оно как бы консервирует деформации социализма, как якобы неизбежный спутник субъективизма и вражеских диверсий. Думается, что именно здесь истоки включения разных типов организации общества в мировую социалистическую систему лишь на основании внешних форм, нескольких общих признаков, прежде всего, например, господства государственной собственности на средства производства.

В-третьих, революционность перестройки и в том, что она осуществляется в результате социальной борьбы, как преобразование проводимое «сверху и снизу», как поворот, инициируемый руководством партии и государства, направляемый им, но совершаемый самими трудящимися и не мыслимый без их самостоятельных действий, поворот, ломающий сопротивление отживших сил, механизм торможения, преодолевающий противоборство сил застоя, не желающих перемен и препятствующих им.

Разумеется, было бы неправильно рассматривать социальную борьбу вокруг перестройки — за и против нее — как классовую борьбу. В этом смысле все советское общество по одну сторону баррикад, однако нельзя не видеть, что бюрократы и консерваторы, догматики и очковитатели, казнокрады и поборники уравниловки — это реальные социальные силы, выступающие против перестройки, за сохранение старых порядков, и борьба с ними предстоит длительная и упорная.

Наконец, в-четвертых, перестройка носит революционный характер, так как создает возможность резкого рывка к новому качеству социализма, избавляет от застоя, дает принципиальный выигрыш в средствах и сроках решения стоящих задач, обеспечивая ускорение социально-экономического развития. Суть же ускорения не только в повышении темпов экономического роста, но и в новом его качестве. Речь идет о всемерной интенсификации производства на основе научно-технического прогресса, структурной перестройке экономики, эффективных форм управления, организации и стимулировании труда. Воплотить в жизнь новую стратегию развития — значит раскрыть творческие возможности социализма, решить его дальнейшую судьбу, именно поэтому трудящиеся СССР, братских стран рассматривают перестройку как продолжение революции 1917 г., а себя в качестве ее прямых наследников. Перестройка общественных отношений революционна потому, что она обогащает содержание социализма, развивает разнообразие интересов, потребностей, способностей людей во имя движения вперед.

Смысл ее как революционного процесса нельзя понять без анализа связи с классическим наследием в области теории научного коммунизма, прежде всего с вкладом Ленина в концепцию социализма. Перестройка не отказ от достигнутого, завоёванного, а его переделка, обновление, реконструкция. Поэтому радикальность замыслов и дел не может не базироваться на преемственности в развитии социализма.

Социалистическое общество — первое в истории общество, развивающееся сознательно, т. е. на основе познания своих объективных закономерностей, что позволяет предвидеть, создавать и изменять общественные структуры, совершенствовать их. Так, до возникновения социализма было известно, что в ходе его революционного становления и развития будет власть трудящихся, демократия, социалистическая собственность, кооперация, классы и т. д. Но в работах Маркса, Энгельса и Ленина не было и не могло быть детального прогнозирования конкретных форм организации

социалистического устройства, не говоря уже о его современном состоянии. У них мы не найдем, например, социализма с самоуправлением народа в условиях государства, многоуровневой общественной собственностью на средства производства, с действием закона стоимости.

В самом деле, когда, например, говорят, что мол Маркс предвидел современное социалистическое самоуправление народа, то допускают существенную неточность. Маркс действительно предвидел переход общества от государственно-политического управления к самоуправлению, к «власти народа посредством самого народа». Но он исходил из того, что уже на первой фазе коммунизма — при социализме — не будет классов и политики, не будет государства, поэтому управление таким обществом — это неполитическое, безгосударственное, общественное самоуправление. Для К. Маркса и Ф. Энгельса безусловной аксиомой было отождествление новой системы управления после революции с системой самоуправления. Не имея достаточного исторического материала, основоположники научного коммунизма анализировали на основании опыта Парижской Коммуны не столько детали будущего социального устройства, сколько его исходные принципы, его природу.

Замена буржуазной государственной машины общественным самоуправлением и, вместе с тем, исчезновение иллюзий «будто административное и политическое управление — это какие-то тайны, какие-то трансцендентные функции, которые могут быть доверены только обученной касте, состоящей из государственных паразитов, щедро оплачиваемых сифофантов и любителей синекур, касте, вплывающей в себя образованные элементы масс — на высоких постах и направляющей их против самих же масс — на низших ступенях иерархической лестницы» [8, т. 17, с. 549], — такова суть Коммуны. К. Маркс делал упор на то, что «Коммуна по самому существу своему была безусловно враждебна замене всеобщего избирательного права иерархической инвеститурой» [8, т. 17, с. 344], «полностью уничтожила государственную иерархию» [8, т. 17, с. 549] и представляла собой не что иное, как «народ, действующий сам и для самого себя» [8, т. 17, с. 525].

Подчеркивая, что «Коммуна — это обратное поглощение государственной власти обществом», К. Маркс выделял ее самоуправляющийся характер, когда «самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней» [8, т. 18, с. 615—616].

То обстоятельство, что «старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинции» [8, т. 17, с. 343] и дало основание Ф. Энгельсу для противопоставления нового политического устройства использовать понятие «община». В письме А. Бебелю он сделал важный вывод о том, что следовало бы «бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле слова» [8, т. 19, с. 5]. «Когда государство наконец-то становится представителем всего общества, — писал Ф. Энгельс, тогда оно само себя делает излишним... Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства» [8, т. 20, с. 292]. Не случайно Ф. Энгельс критиковал Дюринга, который полагал, что в будущем коммунальном устройстве сохранятся и армия, и полиция, и жандармы [8, т. 20, с. 327].

Опыт Коммуны, использованный К. Марксом и Ф. Энгельсом, показал, что организация власти рабочим классом создает социально-политические предпосылки непосредственно общественного характера труда, ибо государство выступает в этом случае не как особый разветвленный аппарат, стоящий над народом, а как организация самих трудящихся в виде той или иной системы самоуправления. Дешевое, находящееся под постоянным контролем со стороны трудящихся, правительство для выполнения центральных функций и повсеместное самоуправляющееся

общество — такова самая общая картина государства рабочих, которое по мере ликвидации системы классового угнетения лишится политической направленности своих функций, и на место управления людьми встанет управление вещами и руководство производственными процессами, иначе говоря, государство (в его политической форме) отомрет.

Таким образом, раз К. Маркс и Ф. Энгельс видели в государстве самоуправляющийся рабочий класс (коммунальное устройство сохранит государственный, т. е. политический характер только по отношению к классовым врагам), то, по их мнению, труд избавляется от опосредованных форм, а государство выступает лишь в виде политического гаранта превращения частной собственности в общенародную. С этим связано и отсутствие в работах Маркса и Энгельса специального анализа экономических функций социалистического государства, ибо экономически будущий социализм рассматривался как ассоциация кооперативных обществ.

К. Маркс был прав, когда не ставил вопроса о системе товарно-денежных отношений в условиях такого государства, но историческое развитие показало, что именно такое государство оказалось практически невозможно создать. В основе марксистских представлений о характере будущего государственного устройства лежали взгляды на социализм как на ассоциацию свободных производителей, лишённую опосредованных отношений. Другой причиной такого представления о будущем государственном устройстве было предположение об одновременной победе революции в ряде развитых капиталистических государств, где культурный уровень трудящихся будет достаточен для самоуправления. Сыграло свою роль и отсутствие длительной практики, так как опыт Коммуны был кратким и ограничивался, по существу, одним городом.

В дореволюционный период В. И. Ленин также понимал государство как организацию, необходимую для подавления эксплуататоров и для полного уничтожения классов, выполнение функций которой ложится на весь трудовой народ, иначе говоря не как государство чиновников, а как государство вооружённых рабочих² [5, т. 33, с. 97]. Однако после революции, и особенно введения НЭПа, эти же функции управления были возложены на особый чиновничий аппарат из представителей народа, а переход от рабочего контроля к рабочему управлению не стал рассматриваться в качестве ближайшей задачи. Важнейшей причиной изменения В. И. Лениным своих взглядов было отсутствие внешних и внутренних (как экономических, так и культурных) предпосылок для перехода всех трудящихся к непосредственному управлению общественной жизнью. Видоизменилась в связи с НЭПом и функция хозяйственного, экономического строительства — на государство была возложена задача регулирования торговли и денежного обращения в связи с переводом государственных предприятий на систему хозрасчёта.

Возведя товарно-денежные отношения в ранг существенного элемента концепции социализма, В. И. Ленин естественно изменил свои представления о государстве — от самоуправления к большей роли чисто государственных, аппаратных звеньев. Именно с этим связаны мучительные раздумья вождя революции в последние годы о том, как в этих условиях обеспечить контроль трудящихся над аппаратом власти. Рассчитывая, что государство овладеет стихией рынка, вождь революции сознавал и грозную опасность бюрократизма. «Госаппарат вообще: из рук вон плохо, и и ж е буржуазной культуры», «аппарат чужой» [5, т. 45, с. 441, 432], — часто повторял Ленин. Все его помыслы были направлены на борьбу с бюрократическими извращениями. Как и НЭП, государственное устройство создавалось методом проб и ошибок. «Мы должны иметь мужество сказать, — писал Ленин, — что мы создаем свой аппарат стихийно» [5, т. 45, с. 250].

Слабость рабочего класса и его частичная деклассированность, задача укрощения мелкобуржуазной стихии, попытки реставрации капитализма

² Безусловно, В. И. Ленин видел необходимость чиновничьего аппарата, но социалистическое государство, по его мнению, должно было быть устроено так, чтобы общество могло начать немедленно переходить к самоуправлению, к ликвидации всякого чиновничества [5, т. 33, с. 48—49].

(внутри и извне), недостаток демократической культуры и политического опыта у масс, низкая грамотность, ненависть к прошлому, радикализм и нетерпение в переделке мира, многовековая традиция подчинения деспотизму и его мифологизация, задача индустриализации, угроза войны, изрядная доля утопизма — все способствовало укреплению аппарата и повлияло на его функционирование. А это сделало его во многом самодовлеющим и бюрократическим. Процесс обобществления во многом был сведен к огосударствлению.

Проблема взаимоотношений между теми структурами, которые олицетворяют общество как целое, и трудящимися (включая их коллективы) стала, таким образом, центральной проблемой общественного развития (экономической, политической, правовой и нравственной) после победы социализма. Социалистическое государство как собственник — гарант начала процесса непосредственного обобществления. Для выражения и защиты общественных интересов государство должно укреплять роль центра как стратегического звена, барьера против стихийности (в том числе стихийности рынка), ведомственности, местничества и т. д. В то же время оно должно широко использовать стоимостные формы, вне которых невозможно выявить и обеспечить интересы индивидов, коллективов, регионов и т. д. Ленин искал механизмы укрепления дисциплины, роста производительности труда, работал над созданием новой системы стимулов к труду, которая бы свела на нет внеэкономическое принуждение. Он обдумывал принципы хозрасчета, самоокупаемости и безубыточности работы трестов, предприятий. «Мы знали, видели, говорили: нужен „урок“ у „немца“, организованность, дисциплина, повышение производительности труда, — пишет он. — Чего не знали? Общественно-экономическая почва этой работы? На *почве* рынка, торговли или *против* этой почвы? ...Товарообмен предполагал ...некий непосредственный переход без торговли, шаг к социалистическому продуктообмену. Оказалось: жизнь *сорвала* товарообмен и поставила на его место *куплю-продажу*» [5, т. 44, с. 470 — 471].

Несмотря на широкую известность этого вклада Ленина в концепцию социализма, уроки опыта, десятки лет в СССР шли дискуссии о природе социалистического закона стоимости, о его месте в системе других законов нового строя, его правомерности. Длительное время со стороны ряда теоретиков и практиков социализма сохранялось пренебрежение товарно-денежными отношениями, как якобы неизбежным злом, с которым социализм вынужден временно мириться. Это пренебрежение законом стоимости, а и подчас его противопоставление социализму как чужеродного приводило к волюнтаристским подходам в экономике, к недооценке хозрасчета, уравниловке в оплате труда, порождало субъективизм в ценообразовании, диспропорции в соотношении спроса и предложения.

XXVII съезд КПСС взял курс на возвращение к ленинскому наследию в экономической теории и хозяйственной практике — превращению полного хозрасчета в основу хозяйственной деятельности.

В связи с новым пониманием активной роли товарно-денежных отношений при социализме, почти во всех братских странах сейчас обращается серьезное внимание на полное использование связанных с ними таких категорий, как деньги, цена, себестоимость, прибыль, кредит, проценты, налоги и т. д. Эти категории постепенно превращаются в действенные рычаги управления народным хозяйством, в факторы экономического воздействия на производителей, в средство регулирования производства и материального стимулирования трудящихся и их коллективов. Большое значение придается социалистическому рынку, его функциям, присущим ему договорным отношениям между производителями и потребителями, вплоть до договорных отношений между предприятиями и управленческими звеньями — министерствами, комитетами по труду, ценам, Госпланом, реформа которых также предстоит. Ставятся вопросы о введении платы за основные производственные фонды — землю, воду, рабочую силу — с целью экономического стимулирования противозатратного механизма. Предстоят реформы планирования кредитно-финансовой системы, оптовых

цен в связи с введением свободной оптовой продажи средств производства. Цель всего этого — преодолеть диктат производителя над потребителем, использовать состязательность и даже конкуренцию в качестве двигателя социально-экономического прогресса.

Современная жизнь в социалистических странах потребовала конкретизации общих принципов управления народным хозяйством, признания действия закона стоимости наряду с действием закона планомерного развития, отыскания способов разрешения противоречий между рынком и планом. «Наша система управления экономикой развивается в рамках социалистического планового хозяйства, опирается на сочетание народно-хозяйственного плана с существующими в социалистической экономике товарно-денежными отношениями, учитывает активную роль рынка, дает возможность предприятиям принимать самостоятельные, ответственные решения» [3, с. 33], — говорилось на XIII съезде ВСРП. На XVII съезде КПЧ также шла речь об усилении самостоятельности и ответственности предприятий, о переводе их на полный хозрасчет, о необходимости «повысить роль цен, договоров, нормативов, банковской и финансовой системы, открыть простор социалистической предприимчивости» [1, 1986, 25 III]. В этом же направлении движется и экономическая реформа в Польше, где наряду с повышением эффективности центрального планирования усиливается роль таких экономических рычагов, как применение финансовых санкций, ценовых, налоговых и кредитных инструментов и т. д. [9, с. 22—23].

Так как государство опосредует общественные отношения, существует возможность отрыва его от трудящихся масс, искажения их воли, что проявляется в бюрократических извращениях в системе управления в некоторых социалистических странах. Для того, чтобы эта возможность не становилась действительностью, необходим контроль общества над государственными институтами как «превращенной» формой общественных связей, система конституционных гарантий, последовательное осуществление принципа демократического централизма, широкая гласность, регулярная сменяемость управленческих кадров, обогащение форм связи с массами, многообразные способы защиты индивида от бюрократических структур, в том числе экономические. Значение приобретают такие формы социалистической демократии в области производства, о которых специально шла речь на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС. Это выборность руководящих кадров предприятий, повышение уровня и эффективности контроля «снизу», систематическая отчетность всех избираемых и назначаемых должностных лиц перед трудовыми коллективами и населением, совершенствование законодательства, обновление кадровой политики и т. д.

Немаловажную роль в деле контроля трудящихся над госаппаратом играют социалистические товарно-денежные отношения. Очевидно, что в той мере, в какой закон стоимости при социализме сохраняет свое значение в качестве регулятора общественных отношений, одной из его функций является оценка экономической эффективности деятельности всех звеньев государственного аппарата. Игнорирование закона стоимости способствует волюнтаризму и субъективизму в работе государственного аппарата, ибо исчезает возможность реального измерения управленческого труда, следовательно, экономического контроля со стороны трудящихся над ним.

Известно, что В. И. Ленин обращал внимание на возможность бюрократического извращения социалистического государства и подчеркивал обязательность строжайшего контроля со стороны трудящихся за аппаратом власти. Полезно также вспомнить ленинский анализ бюрократизма в первые годы социалистического строительства. Давая характеристику исторического развития бюрократических извращений, присущих еще молодой власти рабочего класса, В. И. Ленин в числе таких корней бюрократизма, как раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, неграмотность, называл и «отсутствие *оборота* между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними» [5, т. 43, с. 230]. «Оборот...», — отмечал В. И. Ленин, — нам полезен в той мере, в которой поможет бороться с распыленностью

мелкого производителя, а до известной степени и с бюрократизмом» [5, т. 43, с. 244]. Не случайно Ленин обдумывал, как поставить оплату всех совслужащих в зависимость от эффективности экономики [5, т. 45, с. 153—154; т. 44, с. 425, 429].

Хотелось бы обратить внимание на то, что функция социалистических товарно-денежных отношений по осуществлению контроля над эффективностью и целесообразностью тех или иных звеньев управления не может не встречать противодействия и даже сопротивления с их стороны в тех случаях, когда длительное время такого экономического контроля не существовало, либо он был незначителен. Именно здесь следует искать истоки тех противоречий между предприятиями и высшими звеньями планирования и управления, которые наблюдаются в связи с проведением реформ в странах социализма.

Одним из направлений дальнейшей демократизации социалистических обществ является осуществляемое в ряде стран перераспределение части прав распоряжения собственностью от госаппарата к предприятиям. В этом случае со стороны государства не ослабевает контроль за общими интересами, а изменяются лишь его формы, так как центр тяжести смещается на хозрасчетные рычаги. Наоборот, освобождение центральных ведомств от мелочной регламентации и контроля по отношению к хозяйствующим организациям позволит сосредоточить усилия на стратегических задачах, на выражении подлинно всенародных интересов, о чем шла речь на Июньском (1987) Пленуме ЦК КПСС.

Полный хозрасчет — это, по существу, способ возрождения адекватных социализму отношений собственности. Фактически будет происходить переход от узколобой ведомственности к хозяйским отношениям тружеников в рамках единой социалистической собственности, создаваться основа для массовой инициативы, самостоятельности, делового риска, преодолеваться уравниловка в оплате труда, поощряться талант, трудолюбие, профессиональная компетентность.

Ускорение социально-экономического развития братскими партиями тесно увязывается с широкими социальными программами, с совершенствованием всех условий социалистического образа жизни — труда, быта, политической системы, культуры. Без серьезного обновления всей общественной жизни, радикальной перестройки всех ее сфер не может быть и речи о выполнении поставленных стратегических задач.

«Курс на ускорение, — подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, — ... предусматривает проведение активной социальной политики, последовательное утверждение принципа социалистической справедливости» [4, с. 21]. Такая установка тем более важна, что, решая сложнейшие экономические и политические задачи, подчас вынужденно форсируя переустройство общественной жизни, мы волей или неволей, независимо от провозглашаемых целей, отодвигали развитие самого человека на второй план, на «потом». Оправданием этому служили и объективные трудности нашего пути и убеждение, что все преобразования служат человеку, делаются ради него. Тем самым обеднялось марксистское представление о человеке как главном факторе, об обратной зависимости всех наших успехов от вложений в человека. Сегодня такой подход к образу жизни, к утверждению социальной справедливости более нетерпим.

Коммунисты братских партий видят главные задачи социальной политики в неуклонном улучшении условий жизни и труда, в дальнейшем сближении классов, социальных слоев и групп, в преодолении существенных различий между работниками умственного и физического труда, жителями города и деревни, в совершенствовании национальных отношений. К важной области социальной политики относится и проблема соединения критериев экономической эффективности с присущими социализму принципами равенства и справедливости, преодоления противоречий между ними. Выдвижение в политике партий вопросов социальной справедливости — выражение объективной потребности в происходящих сейчас глубоких, качественных изменениях. В этом смысле обеспечение социальной справедливости выступает не только нравственным

требованием социалистического общества, но и осью всей социальной, экономической и культурной политики, способом разрешения назревших противоречий.

Преодоление тех форм социальной несправедливости, которые противоречат сути социализма, его основному принципу «от каждого — по способностям, каждому — по труду» — двигательная сила нынешних преобразований в большинстве европейских стран социализма. Грубые нарушения фундаментального принципа социализма, по мнению Т. Живкова, «ведут к застою, деформациям» [1, 1986, 3 IV].

Распределение и потребление должны быть строго пропорциональны количеству и качеству трудового вклада каждого; социализму противоречат как нивелировка, уравнительность в оплате труда, так и нетрудовые доходы, в том числе необоснованные привилегии. «Серьезным нарушением социалистических принципов являются различные негативные явления, такие, как спекуляция, нетрудовые доходы», — говорил Г. Гусак на XVII съезде КПЧ [1, 1986, 25 III]. Оценка уравниловки в оплате труда — как глубоко несправедливой, выступающей «своего рода формой эксплуатации, более того, паразитизма» [9, с. 14] прозвучала в докладе ЦК ПОРП X съезду партии.

Большое значение в ускорении экономического развития имеют внешне-экономические связи, прежде всего, социалистическая экономическая интеграция. Сегодняшняя цель — перенести центр тяжести с торгового обмена на производственную и научно-техническую кооперацию, сделать интеграцию более глубокой, всеохватывающей и эффективной, надежно обеспечивающей дальнейшее развитие и укрепление национальных экономик стран СЭВ.

По существу, КПСС вместе с братскими правящими партиями в настоящее время работает над задачей создания нового хозяйственного механизма сотрудничества братских стран. Назрела необходимость широкого развития прямых связей между предприятиями, научными организациями, создание совместных фирм, серьезного совершенствования работы СЭВ, чему была посвящена 43 сессия этой организации. Революционные процессы и здесь нуждаются в смелом экспериментировании, преодолении бюрократических и ведомственных барьеров, устаревших стереотипов мышления, повышении эффективности сотрудничества.

Приняты новые документы по совершенствованию механизма реформ, в том числе закон о социалистическом предприятии. Идет работа и над десятками других проектов законов, принятие которых резко повысит правовые и политические гарантии необратимости революционных перемен, гарантии социалистического развития.

Нашим странам необходима такая перестройка общественных систем, которая бы создавала возможность их непрерывной адаптации в соответствии с меняющимися условиями. В самом механизме строя должны быть заложены способности к саморегуляции, к гибкой и быстрой реакции на потребность обновления.

Главный вывод из перемен, начатых более двух лет назад в СССР, — действует и набирает силу важнейший фактор перестройки — непрерывное и всестороннее расширение демократии, открытие простора «самой могучей силе социализма — свободному труду и свободной мысли в свободной стране» [2, с. 25].

Задача революционного обновления — создать формы организации труда, способствующие широкому вовлечению трудящихся в управление производством. Обеспечить органическое соединение исполнительских, организаторских и контролирующих функций и на этой основе способствовать преодолению профессиональной ограниченности работников, иждивенчества, негативного отношения к труду. Расширить социальные горизонты каждого труженика, связать его интересы с интересами трудового коллектива, государства. Источники этого — в развитии самоуправления, в гласности, в новых требованиях к кадровой политике партии. Могучей гарантией успешности перестройки и ускорения является направленность их на благо народа. О нашей политике, о перестрой-

ке люди будут судить — и чем дальше, тем строже — по осязаемым результатам в практическом улучшении условий труда и жизни миллионов.

Глубокие перемены, происходящие в СССР, других странах социализма подтверждают способность социализма к реформам, его творческий потенциал. Одновременно ни в коей мере нельзя обольщаться достигнутым — нельзя принимать начало за весь путь. «Кто борется за *все*, за полную победу, тому нельзя не остерегаться, как бы мелкие приобретения не связали рук, не сбили с пути, не заставили забыть о том, что еще сравнительно далеко и без чего все мелкие завоевания — одна суета сует», — говорил В. И. Ленин [5, т. 10, с. 197].

ЛИТЕРАТУРА

1. Правда.
2. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27—28 января 1987. М., 1987.
3. XIII съезд Венгерской социалистической рабочей партии. М., 1986.
4. Материалы XXVII съезда. М., 1986.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
6. Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки.— Коммунист, 1987, № 8, с. 10.
7. Грамши А. Избр. произв. Т. 3. М., 1959.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
9. Ярузельский В. Задачи партии в социалистическом развитии и упрочении Польской Народной Республики. Доклад ЦК X съезду партии. М., 1986.

БУДАГОВА Л. Н.

ВДОХНОВЛЯЮЩАЯ СИЛА ОКТЯБРЯ (о природе аналогий в социалистической литературе)

Спустя десять лет после победы Великой Октябрьской социалистической революции в газете чехословацких коммунистов «Руде право» [1] появилась статья совсем молодого тогда Юлиуса Фучика, о воздействии этого события на жизнь, общество, культуру. «Культура — особо тонкий инструмент, — развивал свою мысль автор. — Она завершает пирамиду, ее надстройку, она сильно удалена от основания и реагирует на революционное потрясение далеко не сразу и весьма дифференцированно. Но если все же реагирует — это показатель огромной вдохновляющей силы революции. Исходя из этого, мы можем подтвердить значение русской пролетарской революции и справедливость мнения о том, что ее влияние распространилось далеко за пределы Советского Союза... Русская революция вдохнула новую жизнь в марксизм... Она приобщила к нему культуру... Ленин, метко названный „социальным инженером“, не просто воспет в стихах поэтов-коммунистов; пафос революции, которую он возглавил, пронизывает современную культуру до самых корней. Это не минутная мода, это движущая сила искусства, его программа» (цит. по: [2]). Под влиянием Октября, считал Фучик, рождался и новый творческий метод, определявший «принципы современного искусства, его цели и критерии» [2].

Мысли эти были высказаны молодым чешским критиком задолго до I съезда советских писателей, сформулировавшего положение о социалистическом реализме как методе нового революционного искусства. Данное теоретическое положение было доказано практикой развития советской и прогрессивной зарубежной литературы, не оставшейся в стороне от революционных обновительных процессов.

То, что у Фучика звучало как своего рода предвидение, подтвердилось со временем. Основываясь на опыте своей родной литературы, М. Саболчи в конце 70-х годов писал, схватывая по существу самую примечательную из особенностей прогрессивного искусства XX столетия: «Мы вправе сказать, что Октябрьская революция и свершившаяся под ее влиянием пролетарская революция в Венгрии, приведшая к созданию Советской республики 1919 г. оказывала мощное и долговременное, в полном смысле формирующее воздействие. Выдвинутые Октябрем кардинальные вопросы о возможности революционного преобразования общества, о передаче власти народу, о перспективах создания социалистического общества — жили в творчестве прогрессивных художников как мобилизующие и организующие факторы. Именно это широкое и глубинное влияние и нужно исследовать, если мы хотим определить подлинную роль, участие Великой Октябрьской социалистической революции в формировании венгерской литературы» [3].

В том же духе воздействовала на мировой литературный процесс и советская литература, соотечественница Октября. Выступая своеобраз-

ной посредницей между новой Россией и зарубежным читателем, рассказывая о рождении первого в мире государства рабочих и крестьян, она как бы ускоряла влияние революционной советской действительности на мировую общественность, служила проводником этих влияний, действовала в унисон с ними. Плодотворная роль советской литературы в становлении прогрессивного общественного сознания и в формировании социалистического искусства — общепризнана и убедительно доказана.

Но несмотря на «однаправленность» этих влияний, идущих от самой действительности и от литературы, их отождествление представляется методологически неправильным, смазывающим реальную картину процесса формирования зарубежного социалистического искусства. Разграничение жизненных импульсов и литературных воздействий необходимо и для того, чтобы, не подменяя жизненные влияния литературными, точнее определить функцию тех и других, и для того, чтобы осознать силу непосредственного вмешательства в жизнь факта революции и идей Октября, воспринимавшегося как поворотный рубеж всемирной истории, как важнейшая веха в судьбе каждого народа. «Что бы ни думали о большевизме, неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков — явление мирового значения», — писал 1 января 1919 г. Джон Рид [4]. Недаром в красном знамени, поднятом над Кремлем, увидел Ю. Мархлевский «символ освобождения не только пролетариата России, но пролетариата всех стран». В «Открытом письме Стефану Жеромскому» (1919), когда автор «Бездомных», поддавшись «внушению ... капиталистической прессы обоих полушарий», «бросил ряд тяжелых обвинений в адрес большевизма», он написал: «Русская революция — решающее явление в истории человечества. С нее будет датироваться новая эпоха, эпоха освобождения трудящихся масс, эпоха новой культуры... Победа русского пролетариата — это великое потрясение, подрывающее мир капитала, и только благодаря ему вырисовывается то начало мира труда, ради которого рабочий класс принес столько жертв... Чей пророческий взгляд в состоянии предвидеть, какими сокровищами духа обогатит нас это движение!» [5].

«Все, что происходит в России — грандиозно, впечатляюще, справедливо, разумно, необходимо, неизбежно... Там столько рождается нового!» [6, s. 7] — такие впечатления вынес из поездки в Москву весной 1920 г. один из будущих основателей КПЧ Б. Шмераль. Чешский писатель И. Ольбрахт вспоминал об атмосфере, царившей в те времена в революционных кругах Чехословакии: «Все жили надеждой на скорое освобождение рабочего класса. Слова — Ленин! Ленин! Ленин! и — Россия! Россия! Россия и — советы, и коммунизм! — были у всех на устах» [6, s. 11].

Разумеется, Октябрьская революция и Страна Советов возбуждали и прямо противоположные чувства. Но они не могли подавить горячих симпатий пролетариата и революционной интеллигенции к единственному, по словам С. К. Неймана, отечеству, за которое стоит бороться.

Радиус непосредственного воздействия Октябрьской революции на сознание людей был настолько широк, что она получает почти одновременное художественное отражение как на местах событий, так и далеко за их пределами.

Чуть ли не с первым залпом «Авроры» не только в русской, но и в зарубежной литературе (и прежде всего в поэзии) рождаются темы Октябрьской революции, Ленина, России. Став одним из распознавательных знаков нового направления, симптомом идеологической переориентации прогрессивного искусства за рубежом, темы эти пришли в него из жизни. Об их независимом от литературных импульсов происхождении свидетельствуют и датировка произведений на эти темы — они возникали в разных странах почти одновременно, раньше, чем успевали появиться переводы с русского, — и характер этих произведений.

Советские поэты исходят, в основном, из самых непосредственных впечатлений, добываясь такой достоверности деталей, какая возможна лишь, когда «художник, — как писал А. Н. Толстой, — впитывает в себя

явления», когда «сквозь глаза, уши, кожу вливается в него окружающая жизнь и оставляет в нем след...» [7, с. 515]. Поэма «Двенадцать» (1918) А. Блока соткана из реальных частиц действительности, наполнена характерными штрихами, уличными сценками, звуками, лозунгами, куплетами того далекого времени. Она пронизана снегом и ветром, тревогами и надеждами октябрьских дней, дыханием поздней русской осени, предвещавшей наступление «весны человечества». «Революция была для него чудом, хотя в ней стреляли, и свирепствовала жестокость, бедность, смерть. Поэма „Двенадцать“ — самое прекрасное, что есть о революции в русской поэзии, — писал в 1925 г. Э. Уркс. — „Двенадцать“ — это образ революции. Революцию, как таковую, во всех ее деталях, нельзя назвать прекрасной, но в конечном итоге она ведет к богу, т. е. к очищению, к радости, к миру» [8].

При всем эпохальном значении исторических событий в России, свидетелям и участникам трудно было писать их одними розовыми красками. Ведь только предельная достоверность, только отражение реальных противоречий трудного времени делало в глазах российского читателя убедительной позитивную оценку событий, помогая раскрыть все величие революции, неизбежной и прекрасной, несмотря ни на что. Да и самим поэтам важно было пропустить революционный вихрь сквозь собственное сердце, объяснить себе и другим «грубость» восставшего народа, разглядеть в ней святую ненависть к старому миру, рвущую оковы рабства:

Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ,
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет...

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда...

(В. Брюсов «Только русский», 1919).

Свободную жизнь «новых людей» олицетворяют в стихах советских авторов, к примеру, такие бытовые штрихи, как ликующая песнь «народного баяна», певучий гул сирены вместо «проклятого стога» заводского гудка, т. е. совсем иное звучание некогда безрадостных фабричных окраин, доступное лишь слуху соотечественника (см. стихотворения В. Нечаева «Гудок» 1919, С. Дрожжина «Баян» 1923 и др.).

Произведения зарубежных поэтов-интернационалистов были менее непосредственными, более отвлеченными и возвышенными. У зарубежных авторов был не только другой круг впечатлений и другие изобразительные возможности: они опирались на общие представления о революции, на сообщения и рассказы о событиях в России; перед ними стояли и свои специфические задачи. Они стремились, в первую очередь, дать яростный отпор буржуазной пропаганде, клевете на революцию. Абстрагируясь от подробностей и деталей, они стремились раскрыть ее историческое значение, выразить безоговорочную солидарность со свершившим ее народом, показав его в героико-романтическом свете. Поэтому благородным Прометеем, легендарным защитником смертных, предстает, к примеру, русский народ в поэзии Х. Смирненского («Русский Прометей»).

Стихи обобщающего характера, где были показаны величие и смысл революционных перемен, писали и русские поэты. И тогда возникали точки наибольших сближений между зарубежными и советскими авторами, прорисовывающие структурные особенности нового типа стихотворения-приветствия: одически торжественная интонация, использование возвышенно-литургической лексики и образов, символизирующих светочность Октября. К подобному типу стихов можно отнести и «Приветствие» С. К. Неймана (начало 20-х годов), и «Привет немецкого поэта Рос-

сийской Советской Федеративной Республике» И. Бехера (1919), и стихотворение «России» (1920) В. Брюсова. В каждом из них систему образов определяет мотив столкновения света и тьмы, где ярко запылал факел новой жизни. Неймана и Бехера объединяет и стремление вслушаться в музыку слов, из которых складывается название нового государства, земли обетованной. Бехер в упомянутом стихотворении выносит его в заголовок:

С востока льется свет! Навстречу свету
Поэт раскинул крылья. Скройся ночь!
Мрак побежден, и небо в синь одето.
Да, эту силу им не превозмочь!
Серп золотой и молот! Все блистает!
Разлив зари в колосьях отражен.
Дрожит буржуй и в страхе поникает,
Буржуй колени ваши обнимает,
Невиданным сияньем ослеплен.

(Перевод В. Нейштадта.)

Нейман в «Приветствии» создает из него стихотворную строку:

Советская Русь,
живи и здравствуй!
Над стонущим миром, что душит
всех нас, рабочих и работниц,
живи и здравствуй,
святая!...
И ты живешь,
прекрасная, святая,
сияя на все стороны света
словно пылающий факел костра словом «свобода»...
Мать наша,
Российская Социалистическая Федеративная Советская Респу-
блика, учительница и защитница, надежда наша,
оплот будущего,
единственная звезда на темном небе,
здравствуй!

(Перевод мой.— Л. Б.)

И тот же свет, то же сияние, тот же нимб над символическим образом Советской России в стихотворении В. Брюсова:

В стосветном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукротенных бурь,—
Твой облик реет властной чарой;
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь...
И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,—
Огня твоя хлебнула грудь,—
Всех впереди страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Утверждая величие ленинских идей («Растет из бурь октябрьских Ленин на рубеже, как великан» — В. Брюсов «Ленин», 1924 г.), советские поэты, и прежде всего В. Маяковский, очень рано создают традицию индивидуализированного изображения Ленина в искусстве, отмечая такие его черты, как простота, скромность, человечность. Не вязавшиеся с

каноническими представлениями о гениях и героях истории, они прояснились в практике живого общения с Ильичем, подтверждая истинный демократизм народного вождя.

Для зарубежных поэтов Ленин прежде всего символ революции. Его реальный облик пока ускользает от них. К полнокровному воплощению образа Ленина зарубежная литература придет позже. А пока она успешно отражает суть ленинских деяний. Заглядывая в будущее, пророчески предсказывает бессмертие ленинского дела В. Незвал в стихотворении «Памяти Николая Ленина»¹ (1924).

Прочтите потом обрывки листовок
и вы будете удивляться Ленину
станете оплакивать этот день
в календаре грядущего летоисчисления.

(Перевод мой. — Л. Б.)

Тысяча лет пройдет, как проходит день,
Но и тогда
Не устанут повторять имя
«Ленин».

(И. Р. Бехер. «Тысячелетний Ленин», перевод В. Нейштадта.)

Тяга к конкретности и недостаток конкретных впечатлений для первых поэтических откликов на перемены в России, заставляет зарубежных авторов опираться на советскую эмблематику (см. уже цитировавшееся «Приветствие» И. Бехера — «Серп золотой и молот...», или стихотворение Я. Сейферта «Добрая весть» из сб. «Город в слезах» (1921): «Там на востоке вдали возникает виденье — восходит ржаных колосьев сноп — молот и серп»), или на советское изобразительное искусство, на его способы наглядной агитации. Так, чешский поэт И. Гора, побывавший в 1927 г. в СССР, вводит в стихи русского цикла не только запомнившиеся детали русских пейзажей, но и плакатно-лубочную фигуру пахаря, «берущего левой рукой железо, олово и сталь», а «правой рукой раздающего хлеб», и олицетворяющего союз рабочих и крестьян, смычку города и деревни (стихотворение «Русь», сб. «Струны на ветру», 1927).

Уникальным по редкой для зарубежной поэзии 20-х годов непосредственности в воплощении советской тематики стало знаменитое стихотворение Х. Смирненского «Красные эскадроны» (1920).

Вспомним:

Это утро новой эры, рдеет факел новой веры.
Грозен натиск эскадронов в их походе боевом.
Словно хищные орлицы, словно вспугнутые птицы
Обжигает их шрапнельный низвергающийся гром.
Конь под всадником взметнулся на дыбы, и покачнулся
И упал на землю мертвым храбрый воин молодой.
Конь на миг остановился и быстрее устремился
Эскадрону вслед и скоро стал, как равный в общий строй.

Поэт, никогда в России не бывавший, сумел силой таланта увидеть страну революции не из своего далека, а как бы с места событий. Он так ярко передал характерную для гражданской войны картину кавалерийской атаки, переросшую в символическую картину сражения со старым миром, будто сам был на поле боя.

...Разметались коней гривы, и, когда над сжатой нивой,
словно вихрь, за эскадронам пролетает эскадрон,
серой тучей даль покрыта — то взметают пыль копыта
и сверкающий, как бронза, затмевают горизонт.

¹ Так называли В. И. Ленина зарубежные телеграфные агентства, и это имя, вероятно, вошло в сознание Незвала из газет.

Вдруг огонь из ружей скрытых, притаившихся в ракетах,
хлещет кровь, и от пожаров над полями черный чад.
Это буря без пощады, стали звон — удары градом
но недолог бой, и снова эскадроны полетят.

...Ах, летите эскадроны! Взор огромный, взор миллионов
К вам надеждою прикован и огнем любви живым.
Руки крепкие сплетая, о свободе мир мечтает,
Потрясен и очарован вашим кличем боевым...

(Перевод С. Городецкого).

Но таких примеров в зарубежной революционной литературе 20-х годов немного. Своим вживанием в атмосферу революционной России Х. Смирненский как бы предвосхитил более поздние произведения на советские темы зарубежных авторов, которые много раз бывали или подолгу жили в СССР, имея возможность непосредственно ощутить атмосферу этой страны.

Не только рождение молодого государства «в бурях сечи», его первые трудные шаги, но и дальнейшие этапы его биографии привлекают постоянное внимание зарубежных литератур. Параллельно с произведениями советских писателей о преобразовании города и деревни, общественных отношений и человеческой души, рядом с «Поднятой целиной» (1932) М. Шолохова, «Гидроцентралью» (1931) М. Шагинян, «Страной Муравией» (1936) А. Твардовского и других, возникает поэма И. Бехера «Великий план. Эпос социалистического строительства» (1931), поэма Л. Арагона «Ура, Урал» (1934) с главами «Вальс Челябинского тракторостроя», «Магнитогорск», «Надеждинск», романы Б. Ясенского «Человек меняет кожу» (1933), П. Илемницкого «Звенящий шаг» (1930), «Компас в нас» (1937) и т. д.

Советскую страну отделяло от других государств не столько пространство — силы тяготения к ней помогли преодолеть преграды расстояний — сколько время. Название футуристических репортажей «В стране, где наше завтра уже стало вчерашним днем» (1931) довольно точно отражало отношение к СССР, как к будущему миру, как к стране осуществленной мечты.

Зарубежная литература выходила на прямую связь с советской действительностью, как бы взаимодействуя с ней один на один. «Социально-исторические события одной страны могут непосредственно влиять на литературу другой страны, расширяя сферу типологических процессов в мировой литературе», — пишет Д. Ф. Марков [10]. Функция же советской литературы в мировом литературном процессе определялась отнюдь не экспортом советской тематики в зарубежное искусство. Ее импульсы развивали способность глубоко, в духе социалистической идеологии, осмысливать свой, национальный материал.

Примечательно, например, что несмотря на большую популярность «Двенадцати» Блока и «Левого марша» Маяковского в болгарской и чехословацкой поэзии начала 20-х годов, там трудно найти поэтический аналог этим произведениям. Блок и Маяковский воссоздали в них твердую поступь победившей революции, слышанную обоими в разногласии гуле тех лет. В основе событийной канвы и «Двенадцати» и «Левого марша» — довольно типичная картина послеоктябрьских дней: власть уже перешла к народу, остро встал вопрос о защите революционных завоеваний, и красные патрули, отряды матросов и красногвардейцев открыто зашагали по России, готовые к охране порядка, к отпору контрреволюции и интервентам. Именно из этих послереволюционных впечатлений вырастают поэма Блока и стихотворение Маяковского.

Классовая борьба в капиталистических странах Запада не давала еще оснований для аналогичных сюжетов. Зарубежные поэты, показывая силы революции, пишут о толпах и массах («Песня толп», «Не спи так долго, толпа!» С. К. Неймана; «Толпа, люблю тебя» Я. Р. Поничана; «Завтрашний день», «Мы», «Толпы» Х. Смирненского и т. д.), тематически тяготея к «150 000 000» Маяковского, где показана грозная мощь народа,

уже приступившего к штурму старого мира, но еще не победившего его. И неслучайно, что Гео Милев, переведивший и «Двенадцать» Блока и отрывки из «150 000 000» использует в своем «Сентябре» (1924) коллизию из поэмы Маяковского, а не Блока, вероятно в большей мере отвечавшей впечатлениям болгарского поэта.

Антифашистское восстание у Милева, как и революция в поэме Маяковского — это неукротимый натиск обездоленных и угнетенных, чья чаша терпения переполнилась, чей гнев заполнил землю, вырвался из лагун и домов на площади и улицы, собирая голодных и рабов под революционные знамена. В поэме Маяковского идут «сотни губерний, со всем, что построилось, стоит, живет в них, все, что может двигаться и все что не движется... миллионы трудящихся, миллионы работающих и служащих, ...из квартир, со складов, из пассажиров, пожаром озаренных, ...с гор, ...из леса, ...от полей, годами глоданных... Миллион скотов, одичавших, тупых, голодных... Миллионы безбожников, язычников,¹ атеистов». Автор будто расшифровывает, наполняет конкретным содержанием понятие «революционное движение», создает картину физического движения людей и предметов. Их множественность — наглядное воплощение масштабов всенародной борьбы. К аналогичному впечатляющему приему, который позволяет совместить реальный и символический плачи, прибегает и Гео Милев. В его «Сентябре» из «лагун и хибарок... фабрик, портов, пароходов, гаваней, мельниц, заводов... рванулись вперед... от жары загрубевшие, трудом изуродованные, босые, увечные, косматые, ...гневные, бешеные, ...не со шпагами и мечами, с дубинками и жердями ... крестьяне, работницы, грузчики, батраки, неимущие». (Перевод М. Павловой.)

«Марш Красного Интернационала» В. Незвала, впервые опубликованный в «Руде право» 6 ноября 1932 г., напомним одновременно и «150 000 000» и «Левый марш» Маяковского. С одним произведением его сближает символическая картина похода варваров-пролетариев всех частей света, готовых сокрушить «грозым бунтом» Европу. С другим — жанр и однотипный рефрен (*kračí, kračí, kračí proletariat*).

Тема варварства, олицетворяющего грубую силу угнетенных, вызывает отдаленные ассоциации со «Скифами» А. Блока, хотя трудно сказать, знал ли тогда Незвал это стихотворение. Возможно его привлек не столько смысл, сколько звучание слова «варвар» (чеш. *barbar*). Оно определило звуковую тональность стихотворения, подсказало автору такой характер ассонансов и аллитераций (*б, р, а* — самые основные звуки этих стихов), которые позволили автору передать раскатистую барабанную дробь.

Выражая искреннюю солидарность с борющимся пролетариатом, веру в революцию, Незвал, решив попробовать себя в непривычном ритмико-стилевом ключе, создал намеренную стилизацию «под» Маяковского. Но такие явные подражания Маяковскому были чрезвычайно редки в чешской поэзии тех лет. Марксистская критика не раз отмечала незначительность «внешних влияний — жанровых и формальных» советской литературы на писателей Чехословакии, но подчеркивала ее принципиальное, глубинное воздействие не столько, может быть, на произведения, сколько на сознание авторов, на их мироощущение, на выбор пути. И именно это составляет суть взаимодействий советской литературы с зарубежными литературами в послеоктябрьский период. «Используя свое национальное художественное достояние и западноевропейские традиции... говоря на своем прекрасном родном языке, мы всегда будем связаны с советской литературой тем великим и вечным, что она дала миру: социалистический по духу гуманизм, дорогу которому проложили советская литература и искусство», — писал в 30-е годы Б. Вацлавек (цит. по: [10]).

Каждое литературное направление, использующее к тому же общий творческий метод, — это, в известной мере совокупность разного рода аналогий и повторений, в которых проступают опознавательные знаки, специфические особенности данного направления.

Революционно-пролетарская литература, интенсивно формирующаяся во многих европейских странах после 1917 г., отличается от других направлений, помимо всего, несравненно большим внутренним (а на каких-то этапах и внешним) единством. Ее представители довольно дружно обращаются к тем пластам жизни, где особенно четко прорисовываются социальные конфликты. В ней есть свои «бродячие» сюжеты и образы, в ней много разного рода переключек и аналогий, явившихся, вероятно, одной из причин мифа об «унифицированности» социалистического искусства, якобы насаждаемого с востока и подчиняющегося строгому регламенту.

«Общее», свойственное представителям любого направления, в социалистическом реализме особенно явно, ощутимо. И важно в этой связи раскрывать первичную, жизненную природу этого общего. Его основа — «общие условия», сложившиеся в ряде европейских стран в эпоху империализма, сила и масштабы революционного движения, вдохнувшего жизнь в новое искусство, глобальный, сквозной характер общественных процессов, требовавших художественного осмысления. Мощным консолидирующим началом была сама действительность с ее наболевшими вопросами, а кроме того — сходные представления о функциях искусства в новую эпоху, сближающие прогрессивных писателей мира. Иными словами, истоки однотипных явлений в новом искусстве следует искать прежде всего в реальной действительности. Именно обращение к однотипному материалу, общим проблемам и темам (особенно частое на первом, межвоенном этапе) и решение злободневных задач с единых мировоззренческих позиций и приводило нередко к сходным творческим результатам. Характер этих сходств и совпадений мог быть очень разным. Они могли быть скрытыми и явными, могли формировать определенные типы социалистического искусства, а могли касаться лишь каких-то отдельных эпизодов и деталей разнотипных произведений.

К принципиальным, «типообразующим» аналогиям можно, к примеру, отнести сходства между сборниками зарубежной поэзии, возникшей в период революционного подъема, острых классовых битв конца 10-х — начала 20-х годов. Книги стихов Х. Смирненского «Да будет день» (1922), С. К. Неймана «Красные песни» (1923), Я. Р. Поницана «Живу, чувствую, вижу» (1923) сближает резкость интонаций и красок, контрастное распределение свето-теней, ярко выраженное публицистическое начало. Каждый из авторов обнажает социальную структуру бытия, показывает расстановку классовых сил, развенчивает эксплуататоров, героизирует пролетарские массы. Иногда эта графическая прямолинейность, отсутствие психологизма, полутонов рассматривается как известная художественная незрелость молодого искусства, еще только набирающего силу. На мой взгляд — это особый тип поэзии, взявшей на себя задачу оперативно и наглядно выразить открывшиеся истины. Ее публицистичность — вполне оправданная, «функциональная», присущая искусству переломных исторических моментов.

Потребность проследить сам процесс постижения этих истин, процесс приобщения к сознательной борьбе разных общественных слоев, дает жизнь «роману социального воспитания» личности и масс. К этому типу прозы можно отнести «Прекраснейший мир» (1923) и «Сирену» (1935) М. Майеровой, «Анну-пролетарку» (1925) И. Ольбрахта, «Облик дня» (1934) В. Василевской, показавших революционизацию пролетариата и угнетенных непролетарских слоев; «Люди на перепутьи» (1937) М. Пуймановой — о путях в революцию рабочих и интеллигентов; исторические романы Л. Кручковского «Кордиан и хам» (1932), «Павлиньи перья» (1935) — о становлении классового сознания у польского крестьянства. Сходный процесс, но уже на современном авторам материале, раскрывают В. Василевская в «Родине» (1935), П. Илемницкий в «Поле невспаханном» (1932) и в «Куске сахара» (1934), М. Кранец в «Оси жизни» (1935). Революционизация солдатской массы и сознательных представителей офицерства становится темами романов «Добердоб» (1932—1940) Прежихова Воранца и «Добердо» (1937) Матэ Залки.

Все это очень разные произведения: у каждого автора свой материал, свой угол зрения, своя творческая манера. В книгах охвачены различные исторические периоды. Л. Кручковский, например, ушел в глубины прошлого, в исследование «крестьянского вопроса в Королевстве Польском накануне ноябрьского восстания 1830 г.» [11] и первой мировой войны (в «Павлиньих перьях»). М. Пуйманова, И. Ольбрахт, П. Илемницкий сосредотачиваются на современности. Огромный хронологический этап охватывают М. Майерова в «Сирене» и В. Василевская в «Родине», создавая своеобразные социалистические саги о жизни кладненских шахтеров и о горькой доле польского батрачества. Авторы рассказывают то об одной человеческой судьбе, то об истории нескольких поколений, каждое из которых олицетворяет определенную ступень в становлении революционного сознания (отец и сын Кшисяки в «Родине» Василевской, Гудец-отец и Гудец-внук в «Сирене» Майеровой, Марко-отец и его младший сын Тинек в «Оси жизни» Краньца). Если большинство писателей показывают развитие личности, то Кручковский, в основном, использует принцип самораскрытия уже сложившихся характеров и олицетворяющих разные социальные силы. Одни авторы выделяют главных героев из числа действующих лиц, следуя сложившимся традициям. Другие предпочитают создавать некий коллективный портрет многоликой массы, как в «военном романе словенского народа» [12], или в «Куске сахара» Илемницкого, этом «романе воспитания больших социальных групп» [13].

Сквозные темы раскрываются с учетом национальной специфики. Неслучайно, развенчивая общество эксплуататоров, польские писатели разоблачают и буржуазный национализм. Особенности польской истории вынуждают их остро ставить проблему «панской» и «мужицкой» родины, противопоставляя буржуазно-националистической концепции отечества — классовую, и рассматривая преодоление национализма, как важнейшее условие духовного роста польского народа.

Различия между произведениями естественны, как естественны различия в характере, жизненном опыте и почерке писавших их людей. Но какие-то единые закономерности отражаемого бытия, проступающие на разном материале и под разным углом зрения, предопределили не только их проблемно-тематическую, но и известную структурную общность. Например, сходство композиционных ходов, некоторых образов, мотивов, эпизодов. Почти всюду исходные характеры меняются под воздействием обстоятельств, обретая способность и волю воздействовать на них, вмешиваться в течение жизни. В каждом произведении круг и взаимоотношения действующих лиц воспроизводят объективную расстановку и противоборство общественных сил в реальности.

Эволюции героев в ряде повествований способствуют их контакты с людьми, которые стоят на более высокой ступени революционного сознания, выполняют просветительскую роль. Это — рабочий Тоник в «Анне-пролетарке» Ольбрахта, сын батрака Ендрусь Карч с его «радикально-политическими убеждениями» и социалистка панна Збышевская, помещицья дочь с беспокойной совестью интеллигента, вставшего в оппозицию к своему классу, в «Павлиньих перьях» Кручковского, адвокат Гамза в «Людах на перепутьи» Пуймановой и др.

Почти во всех произведениях огромную роль играют известные исторические события. всюду они служат не фоном повествования, не пассивными приметами эпохи, а включены в сюжет, помогают становлению и раскрытию характеров, дают героям возможность проявить себя и подсказать читателю действенные формы протеста.

В массовых выступлениях кладненских шахтеров, в стихийном бунте 1889 г. и в организованной забастовке 1900 г., вошедшей в историю, участвуют герои майеровской «Сирены». Битва за Народный дом в Праге в 1920 г. и Краковское восстание 1923 г. — это кульминация и разрешение темы в «Анне-пролетарке» Ольбрахта и в «Облике дня» Василевской. Финал «Добердоба» Прежихова — участие маршевой роты Семнадцатого полка в Юденбургском восстании 1918 г.

Разные произведения властно зовут к протесту против укоренившихся

порядков, доказывают его неизбежность. Фрагменты, взятые из текстов чешских, польских, словенского писателей, естественно складываются в единую обвинительную речь против старого мира. «Батрацкий голод обращался для усадьбы в золотую пшеницу, батрацкая нищета алела для усадьбы крупными яблоками в саду, становилась шелковым платьем помещицы, золотыми рамами картин в ее покоях» (В. Василевская «Родина») [14]. «Разве естественно, чтобы один пожирал другого и высасывал из него кровь?» (М. Майерова «Сирена») [15]. «Простой человек приравнен к скотине и живет в позоре и унижении» (Л. Кручковский «Кордиан и хам») [11, с. 214]. «Нельзя допустить, чтобы люди и дальше жили на земле, как живут теперь» (М. Майерова «Прекраснейший мир») [15, с. 172]. «На свете ничего не происходит само, кроме смерти, и свобода тоже сама не явится. Если мы хотим чего-нибудь добиться, нужно получше засучить рукава и поплевать на ладони» (Прежихов Воранц «Добердоб») [12, с. 323].

Родоначальником темы становления революционного сознания у трудовых низов можно по праву считать Горького. С Горьким некоторых представителей зарубежной пролетарской прозы сближает и пристальное внимание к женским судьбам, к судьбам людей очень далеких от политики, которым как бы самой природой предназначено покорно сносить тяготы жизни, но которые тоже не остаются в стороне от борьбы, как героини известных произведений Ольбрахта, Майеровой, Василевской, Илемницкого.

Некоторые исследователи выводят родословную подобных литературных персонажей из «Матери» Горького, переоценивая литературные влияния и недооценивая влияния жизни. Но проникновение революционных идей в самую гущу народа, приобщение к борьбе таких идейно отсталых, но нравственно полноценных его элементов, как женщины — пролетарки и матери пролетариев, которым материнский инстинкт помогает почувствовать, что правда на стороне революции, — стало в начале века заметным и повсеместным явлением. Горький лишь прежде других разглядел его, одним из первых ввел в литературу.

Связь между Ниловной — с одной стороны, и Гудцевой («Сирена» Майеровой), батрачкой Баленткой («Кусок сахара» Илемницкого), Скворьоньской, матерью рабочего Анатоля («Облик дня» Василевской) — с другой, скорее типологическая, чем контактная. «Когда я писала „Облик дня“, я еще не знала романа Горького, — признавалась В. Василевская. — Мать Анатоля была просто матерью Анатоля, живым человеком с определенным именем, фамилией, и адресом» (цит. по: [16]). Аналогичное признание сделал в свое время и Ольбрахт, подчеркивая литературную самостоятельность своей героини из романа «Анна-пролетарка».

Среди лежащих на поверхности аналогий, обычно наводящих на мысль о «бродячих» образах и мотивах, можно указать, к примеру на изобилие произведений о неизвестном солдате. О нем писали И. Ольбрахт (рассказ «Неизвестный солдат», 1918), и А. Барбюс (рассказ «Могила неизвестного», 1927), и Б. Брехт («Легенда о мертвом солдате», 1918) и Р. Станде («Баллада о неизвестном солдате», 1928), В. Незвал (стихотворение «Могила неизвестного солдата», 1932), И. Бехер (роман в стихах «Возвращение неизвестного солдата», 1936). Произведения эти, свидетельствующие и о жанровом разнообразии революционной литературы и о широком спектре традиций, на которые опирались ее авторы — от реализма и романтизма, до экспрессионизма и поэтизма, — породила память о войне, вошедшей в биографию разных наций и поколений, и общее отношение к ней, как к преступлению империализма, которое нельзя оправдать. И во многих из них проглядывает то общее, исходное впечатление, из которого, как из одного корня прорастают эти рассказы, баллады, стихи — безымянные могилы в разных уголках Европы, как раны, оставленные войной, и речи над ними, священников и генералов, — как символ изолгавшейся правящей верхушки, привычно прикрывающей патриотическими фразами свои корыстные классовые интересы. «Смотри здесь лежит неизвестный солдат / Епископ здесь своё miserere гундосит» — В. Незвал, перевод Б. Слуцкого;

«Говорили речи про жестокость немцев / Мундиры эксцеленций, сутаны эминенций... Разобрали факты, перебрали слухи, Считали неизвестного чины и заслуги...» Р. Станде, перевод С. Кирсанова; «Повсюду памятники вырастали, и золотопогонный генерал, махая саблей первосортной стали, их громкими речами открывал» — Й. Бехер, перевод Е. Эткинда; «...Его могильную плиту попирают ногами многочисленные почитатели славы, и министры произносят над нею речи о мировой цивилизаторской миссии Франции, о святости войны, а он смеется немим, навеки застывшим смехом в черном аду их цивилизации» — А. Барбюс, перевод Н. Немчиновой.

И, наконец, еще один частный, но характерный пример, обнажающий жизненную природу некоторых разительных сходств, возникающих на основе независимой обработки авторами общих впечатлений.

Речь идет о некоторых переключках между «Похождениями бравого солдата Швейка» Гашека и «Добердобом» Прежихова Вранца.

В отличие от Гашека, создавшего сатиру на австро-венгерскую монархию и милитаризм, словенский прозаик написал роман-хронику, где в подчеркнуто документально-беспристрастной манере рассказал о жизни одного из батальонов Семнадцатого полка, собравшего «неблагонадежных» подданных империи, представителей угнетенных наций. Но оба произведения объединяет не только общий антибуржуазный и антивоенный пафос, изображение войны, как преступления прогнивших режимов, но и удивительные совпадения отдельных мотивов и персонажей. Так, гашековский военврач Баутце, который в 11 000 случаев своей врачебной практики установил 10 999 случаев симуляции, и лишь одного солдата ему не удалось поймать на удочку, потому что «счастливчика» хватил удар, удивительным образом повторяется в прежиховском докторе Давиде, «который в каждом солдате видел симулянта» [12, с. 285]. Он будто сбегал в книгу словенского автора из лечебного барака, где выдерживали подозреваемого в симуляции Швейка. Подобно гашековским врачевателям он тоже был убежден в том, «что большинство солдатских болезней проистекает от желудка, обжорства и чрезмерного питья», прибегая к соответствующим лечением и сильно гневаясь на циркуляр, «предписывающий более осторожное употребление касторового масла» [12, с. 236]².

Сатира Гашека, переведенная на словенский язык Ф. Говекаром в конце 20-х годов, вероятно, была известна Прежихову. Но отсутствие свидетельств о влиянии чешского писателя на Прежихова, абсолютно разная, в какой-то мере диаметрально противоположная стилистика произведений и в то же время общие страницы двух писательских биографий дают основания видеть здесь совпадения. И «Швейк» и «Добердоб» написаны бывшими подданными одной империи, бывшими солдатами Австро-венгерской армии. Оба писали с одной и той же натуры. Но это совпадение раскрывает и внутреннюю, идейную близость двух разных авторов, в нем как бы сфокусировалась их общая позиция. Оба автора вдруг невольно сошлись в одной точке, безошибочно определив ту, казалось бы, мелкую деталь, которая тем не менее раскрывает сущность целого. Бесчеловечность представителя самой гуманной профессии, которому на роду написано облегчать страдания людей, помогает Гашеку и Прежихову раскрыть бесчеловечность милитаристской системы.

Сближение этих казалось бы «частных» эпизодов из разноплановых произведений проливает на каждое дополнительное свет. Чешский прозаик писал сатиру, сознательно прибегая к гиперболам и гротеску. Аналогично решен в «Швейке» и образ военврача. Прежихов писал роман-хронику, насыщенную документальным материалом, своего рода художественный репортаж. Совпадение гротеска и документа раскрывает жизненную обоснованность гашековских сатирических преувеличений и объективную карикатурность реальной действительности.

² Об аналогиях между «Похождениями бравого солдата Швейка» Гашека и «Добердоба» Прежихова Вранца см. также [17].

Однотипные проблемы, образы, мотивы, детали могут быть не результатом «проникновения одной литературы в мир другой», как определили сущность литературных связей Н. И. Конрад [18], а результатом проникновения в творчество разных авторов каких-то однотипных явлений.

Не литературные воздействия «со стороны», не приложение к своему материалу кем-то созданных и устоявшихся литературных схем, а логика самой жизни в первую очередь предопределяла свойственные произведениям революционной литературы общие моменты. Их сближала чуткость писателей-единомышленников к тому, что происходит вокруг.

Надо отметить при этом, что проблемно-тематические и структурные аналогии в большей мере свойственны произведениям первого, межвоенного этапа в развитии социалистического искусства, нацеленного в тот период, по преимуществу, на отражение социальных противоречий. Эволюция социалистической литературы — это и ее возрастающее многообразие, это новые, все труднее выделяемые типы литературных аналогий, когда «общее» как бы уходит с поверхности искусства в его глубины. Оно все меньше проявляется на проблемно-тематическом и стилевом уровне, в выборе объектов отражения, в способах художественной разработки тем, — все более неповторимых и разнообразных.

«Забвение того важнейшего положения материалистической эстетики, что подлинное искусство есть прежде всего отражение и выражение жизни, приводит к подмене реально-исторического генезиса произведений чисто литературным. Вмешательство живых сил — решающий фактор в творческом процессе. Поэтому исследователь должен прежде всего установить, что могла дать жизнь непосредственно, а затем — что пришло от литературной традиции (или от литературного влияния. — Л. Б.). Конечно, в творческом акте эти две силы действуют синтетически, слитно, но исследователь не должен забывать о ведущей силе единого процесса», — писал А. С. Бушмин [19]. «Ведущей силой» в формировании социалистического искусства была сама жизнь со всеми ее противоречиями и потрясениями, войнами и восстаниями, с ее победоносной Октябрьской революцией и вызванными ею общественными процессами. Сама действительность оказала свое решающее, «в полном смысле формирующее воздействие» [19] на художественное сознание эпохи. Именно в ней — корни единства и многообразия новой литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rudé právo, 1927, 11 XII.
2. Фучик Ю. Влияние Октябрьской революции на чешскую культуру. — Иностранная литература, 1974, № 11, с. 203.
3. Саболчи И. Октябрьская революция и венгерская литература. — В кн.: Великий Октябрь и литературный процесс современной эпохи. 1917—1977. М., 1979, с. 211—212.
4. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957, с. 13.
5. Марклевский Ю. Об искусстве. М., 1976, с. 293—294.
6. Smerál B., Olbracht I., Majerová M. První cesty do země Leninovy. Praha, 1973.
7. Русские писатели о литературном труде. Т. 4. Л., 1956, с. 515.
8. Урх Е. Umění a proletariát. Praha, 1979, s. 285.
9. Марков Д. Ф. Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур. VII Международный съезд славистов. М., 1973, с. 45.
10. Тауфер И. СССР и мы. К истории чехословацко-советских литературных связей. Прага, 1974, с. 68.
11. Кручковский Л. Кордиан и хам. — В кн. Избранное. М., 1955, с. 7.
12. Прежиков Воранц. Добердоб. М., 1962.
13. Богданов Ю. В. Петер Илемницкий. — В кн.: История словенской литературы. М., 1970, с. 409.
14. Василевская В. Собр. соч. в 6-и томах. Т. I. М., 1954, с. 365.
15. Майерова М. Избранные произведения. М., 1952, с. 279.
16. Хорев В. А. Становление социалистической литературы в Польше. М., 1979, с. 222.
17. Ильина Г. Я. Развитие югославского романа 20—30-х годов XX в. М., 1985, с. 18.
18. Конрад Н. И. Восток и Запад. М., 1972, с. 319.
19. Бушмин А. С. Приемственность в развитии литературы. Л., 1975, с. 109.

КИРКОВ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ В 1917 ГОДУ

Георги Кирков (1867—1919) — друг и соратник Д. Благоева, один из основателей и руководителей БРСДП (т.с.) и болгарских революционных профсоюзов, талантливый организатор, великолепный оратор и блистательный литератор и публицист — оставил неизгладимый след в истории Болгарии. Между тем его большое творческое наследие, как и его неутомимая деятельность в болгарском и международном рабочем движении остаются по существу мало исследованными в научной литературе. Считаю эту тему в настоящее время особенно актуальной в связи с исполняющимися в 1987 г. двумя юбилеями — 120-летием со дня рождения Г. Киркова и 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции [1—6].

С юности, со времен учебы в гимназии в городе Николаеве, Г. Кирков сохранил большую привязанность к передовой России. Семь лет пребывания в Николаеве оставили большой след в его душе: в течение всей последующей жизни он проявлял большой интерес к русской художественной литературе, к революционному движению в России. В его лексиконе появилось много русизмов [7, оп. 1, д. 268, л. 6, 62 об.; 8, № 197, л. 6].

Включившись позднее (в середине 90-х годов XIX в.) в революционное рабочее движение, Кирков проявил большой интерес к материалам ленинской «Искры» и регулярно ее читал [9, с. 127; 10, с. 50]. Одна из искровских статей была им переведена и опубликована в газете «Рабочески вестник» [11, 1902, 12 XII], органе партии, который он редактировал с момента его основания в 1897 г. От имени руководства партии Кирков оказывал всяческое содействие уполномоченным редакции «Искры» на Балканах в их смелой, сопряженной с риском, конспиративной деятельности по переброске части тиража «Искры» через Варну в Одессу [12, с. 50, 33, 146—161]. Как выяснил недавно болгарский журналист и историк Л. Йорданов, паспорт, по которому В. И. Ленин проживал в Мюнхене в период издания «Искры» в 1901—1902 гг., был передан ему доктором Й. Йордановым, двоюродным братом Г. Киркова [13, 1986, 21 IV].

С большой радостью встретил Г. Кирков весть о революции 1905 г. в России. Выступая с речами на рабочих собраниях и митингах, он разъяснял смысл и международную значимость русской революции. Он подчеркивал, что революционная борьба пролетариата и всех трудящихся России — это единственный путь, ведущий к их освобождению от ига самодержавия [14, с. 304—305]. Г. Кирков в ряде написанных им в качестве секретаря ЦК БРСДП (т.с.) документов призывал болгарских рабочих выразить солидарность с борющимся трудовым народом России [14, с. 304—305].

В предвоенные годы во время встречи представителей левого крыла международного рабочего движения на конгрессе II Интернационала в

Копенгагене в августе 1910 г. Г. Кирков установил личное знакомство с В. И. Лениным [15, с. 257; 16, с. 179], о котором позднее с удовольствием вспоминал [17, с. 110]. Кирков сохранил автографы участников этой встречи: он написал из Копенгагена открытку своей жене, и по его приглашению, большинство присутствовавших (в том числе В. И. Ленин) поставили свои подписи на открытке [18, с. 442].

С начала первой мировой войны Г. Кирков — яркий выразитель антивоенной интернационалистской позиции тесняков. В статьях в рабочей газете и в многочисленных выступлениях на собраниях и митингах он характеризовал начавшуюся войну как империалистическую с обеих сторон и осудил социал-шовинистов разных стран и партий. Своими статьями и выступлениями Г. Кирков (вместе с Д. Благоевым) вооружил партию тесняков и болгарских рабочих марксистским, интернационалистским пониманием событий, закономерностей общественного развития. В одной из речей Г. Кирков заявил о своей убежденности в том, что «победа социализма так же неизбежна, как неизбежно восходит солнце» [19, с. 305].

Большую активность проявил Г. Кирков в действовавшем в годы первой мировой войны в Болгарии Народном собрании XVII созыва. Он остро осуждал буржуазно-монархическое правительство, предсказывая гибельные последствия его политики для народа, и (вместе со всей фракцией тесняков) голосовал против предоставления правительству военных кредитов [20, с. 245—272; 21, с. 172—203]. Мужественная позиция парламентской фракции тесняков в годы войны заслужила высокую оценку В. И. Ленина [22, т. 26, с. 335].

Между руководителями партий большевиков и тесняков с начала войны установились непосредственные связи — переписка, обмен партийными изданиями и т. д. Как секретарь ЦК БРСДП(т.с.) Г. Кирков был (вместе с Д. Благоевым), разумеется, в центре этих связей. Так, довольно часто ему приходилось контактировать с оказавшимся в начале 1915 г. в Болгарии известным грузинским революционером, соратником В. И. Ленина, С. Г. Буачидзе (партийная кличка «Ной») [23, с. 131].

Февральскую революцию 1917 г. в России Г. Кирков встретил с большим энтузиазмом. 12 марта 1917 г. в день завершения второй русской революции в речи в Народном собрании Г. Кирков заявил: «Народам все больше приходит мысль, что они должны, наконец, взять дело мира в свои руки и положить конец этой бойне» [19, с. 334]. В пламенных выступлениях перед рабочими Кирков горячо солидаризировался с революцией.

Революцию в России Г. Кирков оценивал прежде всего с точки зрения ее влияния на перспективы окончания империалистической войны. В письме от 14 апреля 1917 г. К. Каутскому он выразил глубокое возмущение националистической реакцией правых германских социал-демократов на революционные события в России. «Русская революция, — писал он, — открыла перспективы не только к скорейшему миру, но и самые хорошие перспективы для нас... Русская революция оказала исключительно ободряющее и оптимистическое воздействие на наших рабочих на фронте и в тылу. Боевой дух поднялся. Мы готовы выполнить свой интернациональный долг» (цит. по: [24, 1987, 24 I]. В речи на первом майском митинге пролетариев Сливена Кирков, приветствуя русскую революцию, подчеркивал, что спасение народов — в революционном социализме [11, 1917, 16 V].

В статье «Русские рабочие и революция» Г. Кирков отмечал, что, хотя революция совершена рабочими и продолжает развиваться под их натиском, власть захватила буржуазия в лице Временного правительства. Интересы рабочих и буржуазии, подчеркнул Г. Кирков, — несовместимы, и разрыв между ними неизбежен. «В России, — писал он, — зреет большой конфликт между рабочим классом и буржуазией... Приход к власти пролетариата, установление социалистического правительства будут иметь колоссальное значение. Это будет сигналом для рабочих всего мира. Вероятно, таким путем мир между народами придет скорее,

но поэтому и борьба между классами обострится с неведомой до того силой» [11, 1917, 1 V]. Пророческая статья Г. Киркова произвела, по свидетельству современника, большое впечатление на болгарских рабочих [9, с. 111, 128—129]. В том же номере газеты Г. Кирков опубликовал стихотворение «Русский сон», посвященное революционным событиям в России.

В начале мая (по некоторым сведениям, 6 мая 1917 г.) ЦК партии тесняков направил Г. Киркова вместе с В. Коларовым в Стокгольм, столицу нейтральной Швеции, граничившей с Финляндией, входившей тогда в Россию. Руководство тесняков (как и других социал-демократических партий) рассматривало Стокгольм в качестве пункта связи с революционной Россией, как место сбора информации о ней [25, т. 17, с. 376, 383—389]. К тому же Стокгольм был в 1917 г., по выражению В. В. Воровского, «мировым торжищем политики» [26, с. 184—185]. В период с мая по октябрь 1917 г. там побывали представители 18 партий и 6 организаций различных стран [6, с. 138].

В начале июня 1917 г. в Стокгольм изерна переместилась Интернациональная Социалистическая комиссия (ИСК) — орган Циммервальдского объединения социал-демократов, выступавших против войны, и здесь начал издаваться бюллетень ИСК [6, с. 139].

Перед самым отъездом в Швецию руководство партии тесняков, обсуждая перспективы предстоящей деятельности уполномоченных партии в Стокгольме, пришло к выводу (как свидетельствуют современники), что Г. Кирков и В. Коларов «...должны следовать за большевиками, встретиться с Лениным и приветствовать его от имени нашей партии» [8, № 282, л. 1]. Еще ранее, в 1916 г., руководству тесняков стало ясно, что наиболее последовательную в международном рабочем движении и в Циммервальдском объединении позицию занимали большевики во главе с В. И. Лениным [27, с. 534].

На пути в Стокгольм Г. Кирков и В. Коларов сделали трехдневную остановку в Берлине. Там они встречались с представителями центристского течения германских социал-демократов — К. Каутским и другими деятелями так называемой «независимой» германской социал-демократии. На одной из встреч Г. Кирков, изложив точку зрения тесняков по проблемам войны, мира и революции, решительно раскритиковал позицию германских центристов. Он прямо упрекнул их в том, что они не имеют смелости вступить на путь революционной борьбы против империалистической войны [7, оп. 1, д. 248, л. 1, об.; 27, с. 343].

Оказавшись с 12 мая 1917 г. в Стокгольме, Г. Кирков сразу же установил контакты с паходившимися там большевиками. Здесь активно действовало созданное еще в апреле 1917 г. по поручению В. И. Ленина Заграничное представительство ЦК РСДРП(б). В его состав входили В. Воровский, Я. Ганецкий, К. Радек; позже к ним присоединился возвращавшийся из Болгарии на родину Н. А. Семашко, а в первой половине июля и А. М. Коллонтай. Оно играло роль большевистского пресс-центра и осуществляло связь с циммервальдским движением и зарубежными интернационалистами [28, с. 105].

Пять дней спустя после прибытия в Стокгольм Г. Кирков выступил с речью на собрании революционного землячества России, в которой приветствовал русских революционеров от имени сознательных болгарских пролетариев. «Мы были вместе с вами в числе первых, — сказал он, — кто в Циммервальде поднял голос протеста против взаимного истребления рабочих и призвал последних к солидарности и борьбе против войны, за мир, против империализма, за социализм». Подчеркнув, что русская революция, нанеся удар по империализму, «... открыла нам верный путь не только к миру между народами, но и к социальной революции», Кирков выразил свое восхищение братскому русскому пролетариату — творцу русской революции. Он отметил также, что для Балкан и балканцев русская революция имеет особенное значение, и в заключении заверил, что болгарские социал-демократы будут свято хранить заветы революционного социализма [11, 1917, 20 VI].

Среди множества социал-демократов разных течений, направлений и оттенков в Стокгольме в ту пору немало было и социал-оборонцев; сам Г. Кирков со свойственной ему образностью мышления отмечал «вавилонское столпотворение социал-патриотов в Стокгольме» [19, с. 219]. В то же время имеется ряд свидетельств, что Г. Кирков часто, можно сказать, регулярно, встречался с русскими эмигрантами, прежде всего — большевиками. По признанию современницы К. Тиневой, они с большим нетерпением ожидали его появления: «широкая натура, боевой темперамент, богатый цветистый язык и неподражаемое остроумие» производили большой эффект [29, с. 218]. Он имел контакты и встречи не только с деятелями Заграничного представительства большевиков, но и приезжавшими иногда из Петрограда курьерами ЦК большевиков [11, 1917, 15, 22 VI]. С одним из курьеров Г. Кирков и В. Коларов передали В. И. Ленину и его соратникам привет от имени болгарского пролетариата [11, 1917, 20 VI]. О контактах Г. Киркова с российскими революционерами в Стокгольме свидетельствуют и записи фамилий и адресов выходцев из России в кирковском блокноте периода его пребывания в Швеции [7, оп. 1, д. 256, л. 8, 26, 29].

У прибывших в Стокгольм эмиссаров ЦК тесняков было много задач: непосредственное ознакомление с положением дел в европейской социал-демократии, в первую очередь — в странах Центральной Европы и в Скандинавии, с состоянием Циммервальдского движения; участие в проектируемой III конференции Циммервальдского объединения в борьбе против войны и т. д.

Будучи многие годы руководителем партии тесняков (секретарем ее ЦК) и получив известность в международном рабочем движении еще в довоенные времена, Г. Кирков, хорошо ориентировавшийся в проблемах мировой политики, пользовался немалым авторитетом. По свидетельству находившейся в Стокгольме К. Тиневой, Г. Кирков производил большое впечатление на оказавшихся в Швеции левых социал-демократов разных стран решительностью, последовательностью и меткостью суждений: «...все восхищались его политической компетентностью, способностью быстро и безошибочно ориентироваться в международных событиях» [29, с. 217—218]. Владея в совершенстве немецким и русским языками, он встречался в Стокгольме со многими, находившимися там уполномоченными европейских социал-демократических партий (главным образом левого направления). 13 мая 1917 г. он выступил с приветственной речью на учредительном съезде левой шведской социал-демократической партии (преобразованной впоследствии в компартию Швеции), а позже — на митингах и собраниях шведских рабочих [27, с. 344—346, 618; 30, р. 38—39, 42].

Г. Кирков решительно осуждал обанкротившихся социал-шовинистских лидеров крупнейших партий II Интернационала. Одновременно он резко отмежевался от находившихся в Стокгольме лидеров широких социалистов — болгарских социал-соглашателей, от их контактов с так называемым «Голландско-Скандинавским комитетом» [31, с. 179, 185—186]. Будучи объединением социал-оборонцев стран Центральной и Северной Европы, Комитет усиленно добивался в это время созыва международной конференции социал-демократов всех направлений, стремясь таким образом реабилитировать себя в глазах трудящихся масс.

В отличие от болгарских и иных социал-патриотов Г. Кирков был солидарен с большевиками и другими левыми социал-демократами интернационалистами в их отрицательном отношении к идее созыва в Стокгольме конференции с участием социал-соглашателей [13, 1917, 17 V; 32, с. 119, 124]. Он критиковал вместе с большевиками прибывших в Стокгольм эсеро-меньшевистских представителей Исполкома Петроградского Совета за непоследовательность, за то, что в их платформе недостаточно «... оттена классовая борьба» [33, с. 28].

Как и большевики, Г. Кирков настаивал на необходимости создания нового, III Интернационала на основе интернационалистических принципов, идей революционного социализма. Об этом свидетельствовал, в част-

ности, Б. Рейнштейн (в прошлом деятель русского революционного движения, эмигрировавший в Америку), представлявший весной 1917 г. в Стокгольме ЦК американской социалистической рабочей партии (позднее он стал сотрудником Коминтерна и Профинтерна). О своих беседах с Кирковым он вспоминал позднее так: «Окончательно невозможность возрождения обновленного и более революционного II Интернационала и необходимость создания нового, III Интернационала выяснилась передо мною из бесед с находившимся тогда в Стокгольме представителем болгарских революционных социал-демократов-тесняков покойным тов. Кирковым» [34, 1929, № 9—10, с. 187].

Одной из самых сложных и деликатных миссий, которую пришлось выполнить Г. Киркову в Стокгольме, было его участие в работе созданной для разбора «дела Гримма» международной комиссии; кроме Г. Киркова, в нее вошли В. Воровский, К. Радек, З. Хеглунд и другие видные деятели левого крыла циммервальдского объединения [35, с. 378, 381]. Включение Г. Киркова в состав названной комиссии было, разумеется, свидетельством авторитета, которым пользовался он и представляемая им партия в кругах левого крыла международного движения.

Обстоятельства «дела Гримма» таковы: в мае 1917 г. Р. Гримм (председатель Интернациональной социалистической комиссии, созданной Циммервальдским объединением, лидер швейцарской социал-демократической партии), находясь в Петрограде, изменил принципам объединения, включившись в закулисные переговоры меньшевиков и эсеров с германскими социал-шовинистами о сепаратном мире. Таким образом Р. Гримм фактически помогал германскому и швейцарскому правительствам, добивавшимся тогда сепаратного мира [36, с. 572—573; 6, с. 146—152]. Изучив все доступные документы и материалы, комиссия пришла к заключению, что предпринятые Гриммом «... политические шаги поставили его вне рядов интернационального социализма — рядом с социал-шовинистами» [13, 1917, 10 VII].

Участие в работе комиссии отняло у Г. Киркова — судя по его письму жене [18, с. 450] — немало сил и времени. В то же время оно (как и весь опыт пребывания в Стокгольме) еще раз убедило Г. Киркова в беспринципности многих центристов. Их непрерывные уступки социал-шовинистам, свидетельствовавшие о моральной и политической деградации, укрепляли его уверенность в правоте позиции большевиков и других левых социал-демократов интернационалистов.

В. И. Ленин и большевики, по некоторым сведениям, положительно оценивали позицию Г. Киркова в Стокгольме [37, с. 89]. К нему, разумеется, полностью относится оценка, данная В. И. Лениным в 1917 г. теснякам — он назвал их «интернационалистами на деле» [22, т. 27, с. 172—174]. Об этом же свидетельствует факт публикации на страницах «Правды» в июле 1917 г. «Заявления болгарских социал-демократов интернационалистов» за подписью Г. Киркова и В. Коларова (Коларов между тем не позднее 21—22 июня возвратился в Софию), в котором говорилось о поддержке партией тесняков выдвинутых большевиками требования немедленного заключения мира без аннексий и контрибуций и лозунга о праве нации на самоопределение. «Народы, — отмечалось в заявлении, — должны быть свободны, чтобы свободно определить свою судьбу. Эту задачу, однако, невозможно разрешить иначе, как путем революционной борьбы против империализма и империалистической войны» [13, 1917, 11 VII]. Призывая решить национальные проблемы на Балканах на основах дружбы между народами, в рамках федерации балканских республик, авторы этого документа выражали свою солидарность с сербским и румынским пролетариатом, осуждали социал-шовинистов и заявляли о своей приверженности принципам революционного социализма.

20 июля Г. Кирков принял участие в совещании левых циммервальдцев, на котором присутствовали также представители большевиков, польских социал-демократов и левых шведских социал-демократов. В подписанном всеми участниками совещания воззвании разоблачались маневры блока социал-шовинистов и центристов, в частности, осуждался проект

Голландско-Скандинавского комитета о созыве социал-патриотической конференции в Стокгольме. В документе намечались задачи революционного крыла международного рабочего движения, содержался призыв к объединению левых циммервальдцев на базе революционного социализма [35, с. 382—388].

Одной из важнейших задач Г. Киркова и В. Коларова в Стокгольме было обеспечить регулярное поступление в Софию газеты «Правда» и других большевистских изданий, и это им удалось сделать [27, с. 618]. Летом 1917 г. резко увеличилась публиковавшаяся на страницах газеты тесняков «Работнически вестник» объективная и документированная информация о революционных событиях в России. Она стала разнообразнее и богаче, а главное — черпалась не из вторых рук, а из первоисточников. С июля 1917 г. в газете тесняков под специальными рубриками — «Из истории русской революции», «Революция в России», «События в России», «Революционное движение в России» и т. д. — регулярно помещались материалы (статьи, заметки и документы), перепечатывавшиеся из «Правды», Стокгольмского бюллетеня газеты «Правда», издававшегося Заграничным представительством РСДРП(б), и других газет. Часть этих изданий, видимо, привез с собою вернувшийся раньше в Софию В. Коларов; случались, по-видимому, и другие случаи. Достоверная и богатая информация о революции в России, публиковавшаяся на страницах газеты «Работнически вестник», не в малой степени определила рост авторитета и популярности органа тесняков среди трудящихся Болгарии. Свидетельством тому было увеличение тиража газеты — за период с начала 1917 г. до сентября он вырос с 2 тыс. до 11,5 тыс. экземпляров [11, 1917, 25 IX].

Изучение большевистских изданий, тесное общение со многими большевиками обогатили Г. Киркова. Восприятие им смысла и значения революции в России было близко большевикам и другим революционным социал-демократам интернационалистам, проживавшим в Швеции.

Находясь в Стокгольме, Г. Кирков написал для газеты тесняков «Работнически вестник» одиннадцать статей и писем-корреспонденций, которые были опубликованы в летние месяцы 1917 г. Наряду с этим Г. Кирков намеревался, о чем свидетельствует запись в его блокноте периода пребывания в Стокгольме, подготовить брошюру «... о влиянии, которое оказывает революция на рабочий класс» [7, оп. 1, д. 256, л. 26].

В отличие от социал-демократов реформистов, выживавших из буржуазной прессы сведения о «хаосе в России», Г. Кирков выступил с оригинальными статьями и корреспонденциями, в которых давалась принципиальная оценка событиям в России, проявлялось глубокое понимание их сути. Кирков охарактеризовал классы и партии, действовавшие в русской революции, вскрыл контрреволюционную сущность буржуазных и помещичьих партий (включая кадетов), подчеркнул непоследовательность и противоречивость мелкобуржуазных и реформистских партий и организаций (меньшевиков и эсеров), их беспомощность и метания. Исключение, по его оценке, составляли лишь большевики, руководимые В. И. Лениным. Февральскую революцию в России он назвал запоздалой буржуазной, в которой роль пролетариата особенно велика.

В статье «Революция на распутье» Г. Кирков констатировал, что русская и международная буржуазия ругает В. И. Ленина и большевиков потому, что они действительно отстаивают интересы трудящихся, добиваются того, чтобы революция не остановилась на полпути. В той же статье Г. Кирков подчеркивал, что «... В. И. Ленин и его приверженцы настаивают на взятии всей власти, чтобы заключить мир и прибегнуть к частичной социализации, дав таким образом пример европейскому пролетариату» [11, 1917, 14 VI].

В статье «Что происходит в России?» Г. Кирков отмечал, что партия Ленина выступает против «вхождения социал-демократов во Временное правительство, являющегося не только бесполезным, но просто вредным и опасным для развития революции вообще и социализма в частности»; партия настаивает, что «именно Совет рабочих депутатов должен взять

всю власть в свои руки...» и убеждена «... что правительство, которое опирается на рабочие и крестьянские массы, сможет не только успешно справиться со всеми требованиями революционного момента, но и довести развитие революции до ее завершающего конца, то есть из буржуазной превратить революцию в социальную» (термин «социальная» тогда был равнозначен социалистической.— *М. Б.*). «Большое преимущество этой линии,— подчеркивал Г. Кирков,— состоит в том, что она прямая, ясная и определенная и основательно отличается от линии действия других социалистических групп — линии колеблющейся, неясной и непоследовательной. Знаменательным фактом является то, что стрелы всех остальных социалистических групп, как и всей буржуазии, направлены исключительно против группы Ленина и его «преступной анархистской пропаганды». Этот факт,— замечал Кирков,— бросает очень подозрительный свет на путь, по которому идут другие социалистические группы в революционной России [11, 1917, 30 VI].

Статьи Г. Киркова глубоко раскрывали различные аспекты и стороны революционных событий в России. Автор показывал, в частности, тайное желание европейской и русской буржуазии изолировать революцию, поставить ее под «карантин», с тем, чтобы в конце концов задуть ее. Корреспонденции Г. Киркова были полны метких и острых характеристик политическим деятелям России, международного рабочего и социалистического движения разных направлений и оттенков.

В корреспонденции «Из Стокгольма» он, например, оценивал позицию центристов из германской социал-демократии, руководимых К. Каутским, так: «позиция группы Каутского-Гаазе производит самое плохое впечатление своей беспомощностью и импотентностью». Он констатировал, что эта группа изменила духу Циммервальдского движения и подчеркивал, что верной ему осталась только «Циммервальдская левая». Саркастически иронизируя по поводу фактического бездействия германских центристов во главе с К. Каутским в переломный для революции в Европе момент, Г. Кирков писал: «Они (т. е. группа Каутского.— *М. Б.*), видимо, ожидают, что русские совершат свою революцию, и вслед за тем Каутский уже объяснит ее «теоретически» [11, 1917, 23 VII]. В статьях Г. Киркова поражает богатство мыслей, яркий, афористичный язык, меткие оценки и наблюдения, близость его выводов с оценками В. И. Ленина и большевиков. Можно только восхищаться глубоким и тонким анализом, который он дал по горячим следам событиям в России.

Как отмечалось, одной из целей пребывания Киркова в Стокгольме, было участие в намечавшейся там конференции циммервальдцев в целях борьбы против войны. Но в Циммервальдском объединении преобладали центристские элементы, и многие из них стремились к соглашению с социал-патриотами (как известно, по этой причине В. И. Ленин с весны 1917 г. ставил вопрос о выходе из циммервальдского объединения и образовании нового объединения из интернационалистов на деле). Колеблющаяся позиция руководящего органа циммервальдцев — Интернациональной социалистической комиссии — приводила к затягиванию созыва конференции, которая состоялась в конце концов лишь в сентябре. В этих условиях политическая интуиция, видимо, подсказала Г. Киркову, что идея конференции теряет свое первоначальное значение, и он, не дожидаясь ее открытия, выехал из Стокгольма в середине августа 1917 г.

19 августа 1917 г. Г. Кирков вернулся в Болгарию. Обогащенный трехмесячным пребыванием в Стокгольме, он опубликовал новую статью о революции в России под заглавием «На перепутье», в которой проанализировал смысл и перспективы революции в России, ее значение для судьбы всего мира, глубоко и тонко обрисовал нюансы расстановки сил. Кирков подчеркивал, что революция в России может быть осуществлена только пролетариатом при содействии крестьянской массы. Крестьянство добивается земли и мира, и «... его союзником на нынешнем этапе русской революции может быть только пролетариат, на долю которого падает руководство самой революцией» [11, 1917, 28 IX]. Г. Кирков впервые в болгарской марксистской литературе рассматривает крестьянство союзником

пролетариата, приблизившись таким образом к ленинским идеям о рабоче-крестьянском союзе.

В этой же статье автор дал удачную характеристику А. Керенскому, обрисовав его как «путаника и мелкобуржуазного политика с раздвоенной душой», который «...саботирует и парализует активные силы революции и открывает дорогу контрреволюции». «Рано или поздно, — прогнозировал Г. Кирков, — ходом событий он (Керенский — М. Б.) будет вынужден сойти со сцены» [11, 1917, 28 IX].

Стремление пролетариата к руководству революцией, — отмечал в той же статье Г. Кирков, — полностью обоснованно, тем более, что буржуазия в развитых капиталистических странах исчерпала свои революционные возможности и играет контрреволюционную роль. Революция в России совершается «... в канун великой социальной революции, перед которой находятся все развитые капиталистические страны. Это обстоятельство и делает особенной роль пролетариата». Отмечая, таким образом, международную значимость революционных событий в России, Г. Кирков вместе с тем подчеркивал, что революция находится в критической стадии: пролетариат должен, по его мнению, «... взять политическую власть в свои руки и немедленно приступить к преобразованиям...» [11, 1917, 28 IX; подробнее см.: [38, с. 185—186; 2, с. 73—83; 39, с. 29—31)].

Статья (как и все предшествующие корреспонденции Г. Киркова о революции в России) заканчивалась на оптимистической ноте. Спустя 37 дней залп «Авроры» подтвердил его прогноз. Оценивая объективную значимость статей Г. Киркова о революционных событиях в России, следует отметить, что они, по свидетельству современников, оказали огромное влияние на членов партии тесняков и всех читателей газеты «Рабочнически вестник».

После возвращения из Стокгольма Г. Кирков был полон ожиданий новых успехов в развитии российской революции и с большим нетерпением встречал любую, приходившую в ЦК партии информацию из России. В беседах он подчеркивал, что из всех русских партий «... по-настоящему последовательные марксисты и революционеры — только большевики» [29, с. 174].

Восторженно приветствовал Г. Кирков совершившуюся 7 ноября 1917 г. пролетарскую революцию, которую он предчувствовал и предугадывал в статьях, написанных еще летом. Восхищенный решительностью В. И. Ленина и большевиков, он неоднократно отмечал, что Ленин — «последовательный марксист и великий революционер», и выразил в связи с этим убежденность, что революция в России победит [29, с. 103—104]. По свидетельству Д. Благоева, Г. Кирков был «страстно поглощен революционными событиями в России, любил с увлечением рассказывать о них...» и высказывал «очень интересные суждения» [25, т. 18, с. 480—481].

Одной из важнейших задач партии тесняков после победы Октябрьской революции и издания ленинского декрета о мире Г. Кирков считал пропаганду мирных предложений Советского правительства. В ряде запросов и выступлений в конце 1917 — начале 1918 гг. в Народном Собрании (как и перед рабочей аудиторией) он от имени партии тесняков выразил горячую солидарность с конкретными мирными инициативами Совнаркома. Так, например, в речи от 25 декабря 1917 г. он назвал советские предложения о перемирии и мире «демократическими и честными»; при этом было подчеркнуто, что Советское правительство, известив о них все заинтересованные страны и народы, добивается полной гласности в ходе мирных переговоров [40, ф. 173, оп. 3, д. 1422, л. 15—16; 41, с. 459]. В выступлении от 28 января 1918 г. Г. Кирков потребовал от болгарского правительства признания формулы мира без аннексий и контрибуций, провозглашенной В. И. Лениным, утверждая, что болгарский народ, и прежде всего, пролетариат «... безоговорочно придерживается платформы, на которой стоит и правительство России», он решительно сформулировал: «...вне формулы, выдвинутой русской революцией, говорю я, не может быть и не будет мира» [19, с. 358].

Спустя две недели, 15 февраля 1918 г., выступая в том же Народном Собрании, Г. Кирков осудил антисоветскую линию буржуазных правительств Болгарии и союзных с нею стран и четко и ясно заявил о солидарности тесняков с партией В. И. Ленина: «...большевизм во всем мире не есть нечто случайное, не есть что-то надуманное. Большевизм — не что иное, как социализм. Он выношен широкими массами. Социализм ныне остается единственной надеждой обездоленных народов, и только с помощью социализма они добьются прочного мира» [41, с. 1043]. Самоотверженная деятельность Г. Киркова по популяризации мирных предложений Советского правительства приносила плоды. Несмотря на цензуру, информация о выступлениях Г. Киркова проникала в среду трудящихся масс, которые таким образом узнавали правду о борьбе большевиков за мир [8, № 36, л. 8].

Огромную роль сыграл Г. Кирков в качестве организатора революционной борьбы болгарских рабочих в 1917—1918 гг., мощным импульсом которой явилась Октябрьская революция. Как известно, именно Кирков написал (видимо, в декабре 1917 г.) историческое воззвание — обращение ЦК БРСДП тесных социалистов «К рабочим и мелким собственникам городов и сел». В нем партия тесняков открыто солидаризировалась с лозунгами Октябрьской революции. В воззвании говорилось, что болгарский народ должен последовать примеру «наших братьев — русских рабочих и крестьян», ибо «...кровь, которую он пролил, муки, лишения и страдания, которые он переживает, могут быть искуплены только по примеру русского народа — свержением монархии и провозглашением Болгарии демократической республикой». В заключение следовал призыв: «В этот решительный момент болгарский пролетариат, как наиболее сознательная часть болгарского народа, должен поднять свой голос и по примеру своих русских братьев первым решительно и смело подняться на борьбу. Эта борьба неизбежно завершится полной победой народа над его угнетателями и эксплуататорами, полной победой революционного социализма над капитализмом, над политическим и экономическим рабством. Заря социализма и свободы взошла!» [42, с. 89—94]. Воззвание было распространено в тылу и на фронте в виде небольшой брошюры, изданной значительным для болгарских масштабов тиражом в 10 тыс. экземпляров [43, с. 147].

Под руководством Г. Киркова осуществлялась подготовка к изданию (перевод с русского языка и нелегальное размножение на гектографе в партийной типографии) важнейших документов Советского правительства и ЦК партии большевиков, попадавших различными путями в руки тесняков. Среди нелегально изданных были, например, воззвание заграничного представительства большевиков в Стокгольме «К рабочим всех стран» от 8 ноября 1917 г., информировавшее о переходе в России власти в руки рабочих и крестьян, обращение Совнаркома от 19 декабря 1917 г. «К трудящимся, угнетенным и обескровленным народам России» и другие. Наряду с переводами большевистских изданий публиковались (также в конце 1917 — начале 1918 г.) и другие, сходные с названными по содержанию, оригинальные листовки: «Русская революция и мир», «Наша партия и русское предложение» и др. [42, с. 64—66, 85—86, 102—103, 160—161; 44, с. 9; 45, с. 359—365, 405].

По свидетельству современников, а также и по данным полицейской агентуры, именно Г. Кирков был одним из руководителей нелегальной революционной деятельности партии тесняков в тылу и в армии. Он принимал самое непосредственное участие в распространении перечисленных и многих других воззваний и прокламаций в поддержку мирных предложений Советского правительства. Кирков агитировал против дезертирства, призывая к организованной борьбе против войны [42, с. 279, 282, 285, 288—289; 29, с. 33—34, 334, 354; 46, с. 54].

Большое внимание уделял Г. Кирков изучению революционного опыта в России, тактики большевистской партии. Один из членов партии тесняков Л. Мартинов, прибывший в конце 1917 г. в Софию с Добруджинского фронта, вспоминал, что Г. Кирков проявил интерес к опыту брата-

ния русских и болгарских солдат на позициях в районе р. Серет, к приведенным Л. Мартиновым в Софию революционным листовкам, изданным солдатскими комитетами русской армии [8, № 1157, л. 6—7]. С горящими от радости глазами, — рассказывает в своих воспоминаниях Р. Кандева (ветеран партии. — *М. Б.*), — беседовал Кирков с русскими военнопленными, пришедшими сначала в здание ЦК партии, а затем посетившими (по приглашению Киркова) его квартиру [8, № 816, л. 6].

Осенью 1917 г. и в 1918 г. Г. Кирков (как и все руководство партии тесняков) уделял немалое внимание положению дел в международном рабочем движении. В этот период он напечатал ряд статей в газете «Работнически вестник», в которых снова изложил позицию партии по вопросу о судьбе Интернационала. В них он решительно осуждал болгарских и зарубежных социал-шовинистов за отступничество от интернационалистских принципов. Кирков призывал к бескомпромиссной борьбе с оппортунистами, невзирая на бывшие заслуги и бывшие авторитеты. Он добивался объединения мирового пролетариата на базе общности классовых интересов в борьбе за мир и социальное освобождение. Кирков выразил уверенность, что на смену II Интернационалу рождается новый, революционный Интернационал [11, 1917, 14 IX; 1918, I, 18 и 21 V; 19, с. 217—219, 224—233].

1917—1918 гг. были кульминационным периодом в жизни Г. Киркова (в конце 1918 г. он тяжело заболел и умер в августе 1919 г.).

Как подлинный революционер, Кирков встретил с восторгом события 1917 г. в России. Под непосредственным влиянием революционного процесса в России углубились его интернационалистские позиции. Одним из первых в балканском рабочем и социалистическом движении Кирков приблизился к ленинизму — утвердились его критическое отношение к центризму, его убежденность в необходимости создания нового, III Интернационала.

В 1917—1918 гг. Кирков много сделал для ознакомления болгарских трудящихся со взглядами В. И. Ленина и большевиков, для распространения правды о революции в России, о мирных инициативах Советского правительства. В победе революции в России видел Г. Кирков осуществление своих мечтаний, залог победы революции в Болгарии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цанев П.* Георги Кирков-Майстора. София, 1964.
2. *Георгиев Л.* Георги Кирков-Майстора. София, 1967.
3. *Боев П.* Към въпроса за началото на ленинизацията на БКП. — Известия на института по история на БКП. (далее: Известия ИИ БКП). Т. 32, 1975.
4. *Боев П.* Първата конференцията на БРСДП (т. с.) — 16—17 септември 1917 г. — Известия ИИ БКП. Т. 52, 1984.
5. *Тодоров А.* Историческото място на БРСДП (т. с.) в международната социал-демократия. 1914—1917. София, 1962.
6. *Кънева-Дамянова Ж.* Третата Цимервалдска конференция. — Известия ИИ БКП. Т. 41, 1979.
7. Централен партиен архив при ЦК на БКП (София), фонд 143 (Георги Кирков).
8. Централен партиен архив при ЦК на БКП, фонд «Спомени».
9. *Коджейков Д.* Първите. София, 1973.
10. Спомени за Димитър Благоев. София, 1956.
11. Работнически вестник.
12. *Милев И.* И алени цветя ще разцъфтят. София, 1980.
13. Правда.
14. Българска комунистическа партия. Документи на централните ръководни органи. Т. 5. София, 1981.
15. Ново време, 1921, № 9.
16. Ленин в борьбе за революционный Интернационал. М., 1970.
17. *Шарланджиева Л., Ачанова Г.* Георги Кирков-Майстора. София, 1981.
18. Писма на Георги Кирков. — Известия ИИ БКП. Т. 1—2. София, 1957.
19. *Кирков Г.* Избрани произведения. Т. I. София, 1950.
20. *Симеонова Л. Г.* Кирков в години на първата световна война. — Известия ИИ БКП. Т. 24. София, 1970.
21. *Правчанов С.* Майстора в Народното събрание. София, 1980.
22. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.
23. *Бирман М. А.* Ной Буачидзе в Болгарии. — Новая и новейшая история, 1960, № 2.

24. Работническо дело.
25. *Благоев Д.* Съчинения. Т. 17—18. София, 1962.
26. *Воровский В. В.* Статьи и материалы по вопросам внешней политики. М., 1959.
27. *Коларов В.* Спомени. София, 1968.
28. *Воробцова Ю. И.* Деятельность представительства ЦК РСДРП(б) в Стокгольме. М., 1968.
29. Спомени за Георги Кирков-Майстора. София, 1965.
30. *Höglund Z.* Revolutionernas år 1917—1921. Stockholm, 1956.
31. *Пинкас К.* БРСДП(т.с.) — непримирим борец против българския опортюнизм. 1914—1917. София, 1968.
32. *Игнатиев А. В.* Дипломатия соглашателей.— Исторические записки, вып. 89. М., 1972.
33. Красный архив, 1926, т. 3 (16).
34. Коммунистический Интернационал.
35. Документи за Георги Кирков, Васил Коларов и Третата Цимервалдска конференция в Стокхолм 1917.— Известия ИИ БКП. Т. 43. София, 1980.
36. *Темкин Я. Г.* Ленин и международная социал-демократия. М., 1968.
37. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. М., 1969.
38. *Иотов И.* Из борбите на тесните социалисти против опортюнизма на Втория Интернационал. София, 1964.
39. *Владьмирская В. И.* Георги Кирков — выдающийся деятель болгарского революционного рабочего движения.— Вестник МГУ, серия история, 1974. № 5.
40. Централен Държавен исторически архив (София).
41. Стенографски дневници на XVII обикновено Народно събрание, IV редовна сесия, кн. 1.
42. Великата Октомврийска социалистическа революция и революционните борби в България през 1917—1919 г. София, 1957.
43. *Коларов В.* С перо и слово за българо-советска дружба. София, 1947.
44. Българска комунистическа партия (т.с.). Кореспонденция за партийни другари. София, 1920, № 5.
45. Работата на БКП в армията. София, 1966.
46. *Лазаров К.* Незабравими дни. София, 1975.

ЦЫБЕНКО Е. З.

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОЛЬСКО-РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (ПОСЛЕ 1864 г.)

Развитие каждой национальной литературы определяется прежде всего явлениями национальной жизни, особенностями культурных традиций, внутренней логикой литературного процесса. Вместе с тем каждая национальная литература неизбежно испытывает импульсы, идущие от других литератур, обогащается, усваивая опыт особенно близкого ей по тем или иным причинам инонационального искусства.

В полной мере это относится, особенно во второй половине XIX и начале XX в., и к истории польской литературы, которая, обладая самобытностью и оригинальностью, неотделима от истории других европейских литератур (французской, английской, немецкой), а в силу исторических, общественных и культурных факторов прежде всего от развития русской литературы.

Важной закономерностью в развитии литературных взаимосвязей является внутренняя предрасположенность к ним, подготовленность к их возникновению со стороны национальных литератур, вступающих во взаимодействие. Об этом писал еще А. Н. Веселовский, выдвигая понятие «встречного течения», предполагающего наличие сходных моментов в литературном развитии, стремление к встрече и взаимному художественному обогащению. Однако при выявлении закономерностей литературных взаимосвязей следует учитывать, что на их возникновение и развитие влияет целый комплекс разнообразных факторов, относящихся как к принимающей, так и дающей стороне [1].

Польско-русские литературные взаимосвязи, имея за собой длительную историю, развиваются во второй половине XIX в. необыкновенно интенсивно, несмотря на разного рода трудности, в том числе и политического характера. Эти связи обусловлены прежде всего сходством общественно-исторического развития России и Королевства Польского¹, того общественного развития, которое определяет и само движение национальных литератур, и может оказывать непосредственное воздействие на возникновение и характер литературных контактов. Как особое направление Д. Ф. Марков выделяет исследование общественно-литературных отношений [2].

Немаловажное значение для распространения русской литературы в Польше имел подъем революционного движения в России. Прогрессивно настроенная польская молодежь читала произведения русских революционеров-демократов, искала в них ответы на наиболее актуальные вопро-

¹ В данной статье говорится прежде всего о связях между русской литературой и литературой Королевства Польского — они проявились наиболее отчетливо, но это не снимает вопроса о связях с творчеством русских писателей также и польской литературы, развивавшейся в Галиции и Познанском княжестве.

сы своего времени. Об этом мы читаем в опубликованной в журнале «Przegląd Tygodniowy» корреспонденции польского автора из Подольской губернии: «... новое течение, которым наэлектризовано все русское общество, которое привело в движение не только литературу..., но которое проявляется в повседневных отношениях, в каждом школьном сочинении, которое пульсирует в семьях, не могло не повлиять, не могло не повести за собой нашу молодежь» [3].

Л. Кшивицкий, один из зачинателей марксизма в Польше, отмечая влияние русского рабочего движения в своей стране, пишет: «...Свет пришел с Востока, из России». Он подчеркивает моральные ценности русского революционного движения: «И именно этой стороной героическая Россия притягивала к себе наши умы» [4].

По мере сближения общественно-экономических отношений в Российской империи того времени получили распространение и некоторые общие нравственные и культурные явления. В польской и русской литературах во второй половине XIX и начале XX в. появились родственные мотивы, близость тематики, образов героев — бунтовщика, революционера, общественного деятеля, а также обывателя — интеллигента (у Жеромского и Чехова, например) [5].

В 60—80-е годы в России и Польше почти совпадают стадии литературного развития: это были годы активной разработки теории реализма и успешного художественного освоения этого метода, формирования социального романа, обогащения его психологической углубленностью характеров, годы демократизации литературы, художественного отражения темы народа.

Для польской литературы это был во многом период напряженных поисков новых художественных средств, пришедших на смену тем, которые были выдвинуты предшествующей эпохой романтизма. В этих условиях был особенно важен опыт реалистической русской литературы, что подтверждает мысль Д. Дюришина о значительно более интенсивном интересе к той или другой инациональной литературе в период ее усиленного развития, в моменты «творческого напряжения сил», поисков художественных открытий [6, с. 226].

Чтобы влиять на другую литературу, принимаемая литература должна удовлетворять необходимым условиям. «...Для того, чтобы вызвать внимание и интерес требовательного читателя,— пишет С. В. Никольский,— художественное произведение должно обладать определенными качествами, объективно обогащающим потенциалом, затрагивать соответствующую жизненную проблематику и нести нечто новое в ее освоение, волновать читателя, возбуждать встречную активность представлений, мыслей и чувств, пусть даже если эта активность идет несколько в ином направлении» [7]. Следовательно, не только воспринимающая, но и «дающая» сторона в процессе литературных взаимосвязей должна отличаться динамизмом, богатством потенциалов, новаторскими качествами.

Передовая русская литература привлекала польского читателя разнообразием содержания, реализмом, смелостью критики социального строя, обращением к жизни народа, высокой художественностью. О гуманистическом характере русской литературы и ее художественной самобытности писал А. Брюкнер в предисловии к своей «Истории русской литературы»: «Русская литература— самая молодая в мире... Ее юность возмещается обилием и своеобразием ее творений, ее высокой моральной ценностью, ее проповедью гуманности и альтруизма, остротой и пронизательностью анализов человеческой души и жизненных наблюдений, ее откровенностью и правдолюбием, ее демократическим духом. Она импонирует той значимостью, которую она завоевала в собственной стране, в чем она далеко превосходит другие литературы мира... Она стала кафедрой, с которой звучало слово в защиту добра, красоты, свободы, она стала единственным выражением общественной совести»².

² Эти слова А. Брюкнера приводит в своей статье «О моральном облике нашего народа» М. И. Калинин [8].

Опыт реалистической русской литературы второй половины XIX в., ее художественные открытия, идейно-эстетическое новаторство воспринимались польской литературой того времени, помогали в процессе ее развития. Исследование конкретных фактов польско-русских литературных взаимосвязей показывает, что получали широкое распространение, давали творческий импульс, вызывали стремление написать нечто похожее, как правило, произведения русской литературы, поднимающие сходную с польской проблематику, близкие определенным сторонам польской жизни. Однако реалистической русской литературе были присущи самобытные особенности, которые могли быть плодотворно использованы в польском художественном творчестве. И в этом случае русская литература в чем-то «уточняла», «дополняла», литературный процесс в Польше³. Так, опыт романа Тургенева с его художественной объективностью, отсутствием всякой заданности и морализаторства мог пригодиться польской литературе в преодолении схематизма так называемого «тенденциозного романа», создателями и сторонниками которого выступали писатели и критики позитивистского лагеря. Автор львовского журнала «Dziennik Literacki» замечает, характеризуя «Дым» Тургенева: «Русский писатель написал вовсе не тенденциозный роман, какие обычно прельщают наших романистов. Герои Тургенева всегда говорят сами за себя» [10]. Тот же опыт Тургенева мог много дать и для преодоления в польской литературе остатков романтизма, который в 60—70-е годы уже задерживал развитие реализма [11].

Произведения Л. Толстого для многих польских писателей (Э. Ожешко, Б. Прус, С. Жеромский и др.) были важны как пример многопланового социально-психологического романа, высокохудожественно решающего актуальные и для них общественные, нравственные и философские проблемы, как пример того типа романа, над которым они сами работали («Над Неманом» Ожешко, «Кукла» Пруса и др.) [12]. Больше всего творчество Толстого повлияло на романы особенно близкой ему по взглядам Э. Ожешко. Возможно, внешне менее проявилось, но тем не менее подспудно, опосредованно сказалось влияние Толстого на романы Б. Пруса, высоко ценившего талант русского писателя. В данном случае это тот тип связей, когда преемственность присутствует «в глубине», в «растворенном», «снятом» состоянии [9, с. 161]. Такое влияние «выражается в совершенствовании познания жизни и эстетических представлений о ней и тем самым открывает новые перспективы для художественного развития общества» [9, с. 186]⁴.

Сложный «механизм» процесса освоения опыта инационального писателя, сложность и разнообразие мотивов обращения к явлениям «чужой» литературы — это тоже своеобразная закономерность межлитературных отношений.

К тому же воздействие того или иного писателя на другую литературу может проходить не синхронно, как бы «запаздывать». Так произошло в Польше с распространением и влиянием творчества Достоевского, которое пришло туда позднее творчества Тургенева и Толстого — в конце XIX — начале XX вв., когда в польском обществе усилилось внимание к философским проблемам смысла существования, к психологизму и самоанализу. Роман «Преступление и наказание» (1866), например, был переведен только в 1887 г., а «Братья Карамазовы» (1879—1880) — в 1913 г. Правда, надо учитывать то, что в Королевстве Польском русский язык был настолько распространен, что читатель мог знакомиться с произведениями русской литературы в оригинале, но тем не менее факт перевода свидетельствовал

³ А. С. Бушмин, писавший о дополнении литературами друг друга при взаимосвязях особо подчеркивал, что при этом необходимо не столько сходство между ними, сколько различие [9, с. 59].

⁴ А. С. Бушмин приводит любопытное высказывание о Толстом Томаса Манна: «Под его воздействием могут возникать произведения как по духу, так и по форме весьма между собою не сходные и, что всего существеннее, совершенно отличные» [13].

о возросшем внимании в обществе к тому или иному произведению инонациональной литературы.

В русском и польском обществе постоянно существовало стремление к взаимному познанию и сближению. Закономерный интерес к жизни соседнего народа был одним из факторов, определявших восприятие русской литературы в Польше. «Познакомившись с рядом наиболее известных русских романов, — писал в 1886 г. польский критик Ян Бадени, — мы можем сказать, что увидели картину жизни, мечтаний, надежд, болезней и страданий всего русского общества» [14].

Опыт польско-русских литературных взаимосвязей показывает, что в русской литературе польского читателя привлекало прежде всего то, что было характерно для его общества, для отечественной литературы. Это подтверждает, например, большая популярность в Польше произведений Тургенева, в частности его романа «Отцы и дети». Конфликт поколений, образ разночинца Базарова оказались созвучными польскому позитивизму с его борьбой «старых и молодых», с его культом делового человека, пропагандиста знаний и правды, борца со старым строем во имя прогресса. «Мы видим здесь, — писал П. Хмельёвский об „Отцах и детях“, — художественную картину движения, которое характерно для русской жизни последних двадцати лет и аналогию которого можно было бы найти и в нашем обществе» [15]. Неслучайно этот роман Тургенева вызвал интерес Э. Ожешко, Ю. И. Крашевского, Ю. Нажимского, и в некоторых их произведениях можно обнаружить его влияние в построении образа главных героев, в проблемно-тематическом отражении конфликта поколений («Призраки» Ожешко, «Безумная» Крашевского, «Отчим» Нажимского).

В связи с восприятием образа Базарова в польской критике, отвлекаясь от его оценки представителями разных идейных ориентаций и от освещения дискуссий вокруг него в Польше в условиях идейно-эстетической борьбы того времени, можно вывести закономерность, состоящую в тесной зависимости этой рецепции от конкретного исторического периода в воспринимаемой литературе. Так, в Базарове польские критики в разное время видели то «позитивиста» (60—70-е годы), то революционера — потенциального деятеля рабочего движения (80—90-е годы), то мистического Короля Духа России (начало XX в. в интерпретации представителей так называемой Молодой Польши) [16].

Польские произведения, написанные под некоторым воздействием «Отцов и детей», разрабатывали образы польских «нигилистов», в которых главным, определяющим было, конечно, не столько влияние, сколько распространённость подобного типа в самой польской действительности.

В случае творческого воздействия одного национального писателя на другого можно считать закономерным создание совершенно оригинального произведения, не всегда внешне похожего на то, от которого исходит импульс.

Рассмотрение творческих контактов названных выше польских прозаиков с романом Тургенева показывает, что «Отцы и дети» лишь вдохновляли польских писателей, но не были образцом для подражания. Их романы — это произведения самобытных, талантливых художников, они наполнены национальным содержанием, в них воссозданы национальные типы и характеры.

Авторы работ о межнациональных взаимосвязях справедливо подчеркивают принцип избирательности при осуществлении литературных контактов. «Опора на принцип избирательности воспринимающей литературы и литературного явления вообще дает возможность выйти за пределы чистого эмпиризма в компаративной работе, раскрыть внутреннюю обусловленность и параметры конкретного межлитературного общения» [6, с. 117].

Есть своя закономерность, избирательность и в распространении, характере восприятия отдельных произведений, попадающих в другую национальную среду. Так, например, не случайно получили широкую известность в Польше наряду с «Отцами и детьми» такие романы Тургенева, как «Накануне», патриотический пафос которого был близок жизненно важным для польского народа проблемам, и «Новь», отразившая новые

идеи и стремления, характерные также и для польского общества. Правда, в романе «Новь» главным героем по мнению польской критики оказался «постепеновец» Соломин, который вызвал симпатии польского читателя своей похожестью на польских деятелей позитивистского лагеря.

В романе «Дым» польского читателя привлекли прежде всего сатирические сцены, обличающие генерала Ратмирова и других высших офицеров царской армии, сцены, которые в условиях Польши имели особое значение. В отличие от русской критики польская не реагировала на западничество другого персонажа этого романа — Потугина, но оценила исповедуемый им культ цивилизации⁵. А романы «Рудин» и «Дворянское гнездо» не пользовались в Польше успехом⁶, так как тип «лишнего человека» не был характерен в такой степени для общественной атмосферы в Польше⁷.

Из всех романов Л. Толстого самым известным было «Воскресение», вышедшее в 1900 г. одновременно в трех переводах. Социально-острая проблематика этого романа связывалась с национальным вопросом. В этом последнем случае мы подошли к вопросу о некоторых специфически национальных особенностях восприятия русской литературы в Польше. В условиях отсутствия национальной независимости и гнета царского самодержавия возникало особенно солидарное чувство к произведениям передовых русских писателей, критиковавших систему русского царизма. Именно этим в первую очередь объясняется необыкновенная популярность в Польше в 70—80-е годы произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, который известен не менее, чем Тургенев и Толстой. «Среди современных русских писателей,— утверждал в 1889 г. автор варшавской газеты — наибольшей популярностью среди польской интеллигенции пользуется Щедрин. У нас почитали Достоевского за прекрасное мастерство психологического анализа, Тургенева за великолепные художественные картины, но Щедрин был любим больше всех. Таково состояние нашего духа, да и время сейчас такое, что нам милее Ювенал, чем Гораций, что мы охотнее слушаем первого» (цит. по [19]). В данном случае мы имеем дело с внелитературным фактором, влияющим на развитие взаимосвязей литератур.

Польские писатели и критики ценили передовых русских литераторов за их сочувственное отношение к польскому вопросу, понимание трудных условий, в которых развивалась польская литература. А среди этих передовых представителей русской литературы были и Герцен, и Тургенев, и Салтыков-Щедрин, и Лев Толстой с его рассказом «За что?», где сочувственно изображаются польские патриоты.

Польская литература в свою очередь давно и хорошо была известна в России. В восприятии польской литературы в России прослеживаются те же закономерности, о которых говорилось выше. Русский читатель был необыкновенно отзывчив к произведениям других национальных литератур. Ф. М. Достоевский даже считал это явление по-своему уникальным. «Я утверждаю и повторяю,— говорил он,— что всякий поэт, мыслитель, филантроп, кроме земли своей, из всего мира наиболее и наироднее бывает понят и принят всегда в России. Шекспир, Байрон, Вальтер Скотт, Диккенс роднее и понятнее русским, чем, например, немцам... Это русское отношение к всемирной литературе есть явление, почти не повторявшееся в других народах в такой степени за всю всемирную историю...» [20]⁸.

⁵ В. Фрост справедливо замечает, что «чувство национальных потребностей может привести к тому, что ...произведение другой литературы воспринимают не во всей полноте, часто абсолютизируя лишь какую-то одну из его сторон, причем не самую главную» [17, с. 70].

⁶ Совсем другая ситуация сложилась с романом «Дворянское гнездо» в Чехии. Как пишет В. Фрост, интерес в чешском обществе к образу независимого, романтического дворянина-помещика с присущим ему национальным самосознанием обусловил большой успех этого романа Тургенева, который первым из его крупных произведений был полностью переведен на чешский язык [17, с. 70].

⁷ Некоторые польские критики (С. Вегнер, С. Лелива), не поняв замысла Тургенева, трактовали Рудина как безоговорочно отрицательный персонаж, как пародию на передовую молодежь [18].

⁸ На это высказывание обратил внимание А. С. Бушмин [9, с. 48—49].

История восприятия польской литературы в России полностью подтверждает это наблюдение русского писателя. Такие замечательные представители польской литературы XIX в., как Г. Сенкевич, Э. Ожешко, Б. Прус, М. Конопницкая, а позже С. Жеромский и В. Реймонт нигде за границами своей страны не получили большего признания, чем в России (см. подробнее о распространении польской литературы в России в [12]).

Русский читатель и критика проявляли большой интерес к жизни соседнего польского народа, тем более, что в самой русской и польской действительности было много общего. В. Гольцев пишет, например, об Э. Ожешко: «Действующие лица ее повестей нам ближе и понятнее, чем действующие лица немецких, английских, французских или итальянских романов. Вопреки неблагоприятным историческим обстоятельствам родственная связь польского и русского народа дает себя чувствовать» [21].

В творчестве Ожешко русского читателя привлекали демократизм и гуманистическая направленность, сочувствие тяжелому положению народа, идея равноправия всех наций, тема женской эмансипации, актуальная также и для России (неслучайно ее роман «Марта» имел в России больший успех, чем в других странах), тема польских «нигилистов» в цикле романов «Призраки», всегда заинтересованная позиция автора, высокое художественное мастерство. Л. Шепелевич подчеркивал, что произведения талантливой польской писательницы «имели сильное влияние не только на ее родное общество, но и на многочисленных русских читателей» [22].

Русская писательница и критик М. Цебрикова в статье об Ожешко отмечала близость творчества польской писательницы русской литературе. В ее произведениях, пишет она, «встречаются многие черты, которые роднят ее со всем, что было и есть лучшего в нашей литературе... Польская писательница дает образы, которые сродни тем молодым, живым силам, которые рисовал нам Короленко, Златовратский, Каронин, Эртель и др.» [23, с. 31].

Цебрикова оценила реализм Ожешко, ее непримиримое отношение ко всем отклонениям от правдивого изображения действительности, благородную тенденциозность ее произведений. Ожешко «шла своим путем, не увлекаясь ни модными в недавнюю пору теориями золаизма о протоколах-документах жизни, ни теориями „искусства для искусства“, которые, доведенные до абсурда, породили декадентов. Читая даже наиболее слабое из ее произведений, читатель не спросит: ради чего оно написано?» [23, с. 24].

Переводчица произведений Ожешко на русский язык А. Сахарова, корреспондентка польской писательницы, в своей статье о ней делает интересное сопоставление повести Ожешко «Одна сотая» и «Крейцеровой сонаты» Л. Толстого. Она же писала Ожешко о том, что Л. Толстой заинтересовался ее творчеством.

Ожешко переписывалась также с В. Лавровым и В. Гольцевым, сотрудниками журнала «Русская мысль», где часто печатались ее произведения. Личные контакты следует рассматривать как фактор, влияющий на взаимосвязи литератур.

В произведениях Пруса в России ценили любовь к народу (не случайно его называли в России писателем-народником, а к числу народнических произведений причисляли и «Фараона» [24, с. XII]), позицию писателя-гражданина, реализм, родственность его таланта русской литературе, достижения в создании социально-психологического романа, самостоятельность, своеобразие и неповторимость его художественной манеры. Критик В. И. Маноцков отмечал: «Родственность мягкого, симпатичного таланта Пруса лучшим представителям нашей художественной литературы, являющаяся результатом приблизительно одинаковых условий, в каких протекала польская и наша жизнь в течение последнего пятидесятилетия, обуславливается еще и общностью интересов польского и русского народов, того „меньшего брата“, умственное, нравственное и

материальное преуспевание которого всегда стояло на первом плане у большинства русских писателей» [24, с. V].

К. Храневич писал: «Живо откликается на волнующие общество темы Болеслав Прус, всегда, однако, очень осторожный к модным течениям и увлечениям, любящий оставаться при особом мнении, писатель вдумчивый и проницательный, не дающий увлечь себя побрякушками фразы» [25, с. 12].

Большую известность в России приобрел роман Пруса «Кукла». Как социально-психологический он оказался наиболее близок к тому типу романа, который был характерен для русской литературы того времени, что отмечали критики А. Яцимирский, Л. Полонский, Л. Козловский).

Творчество Г. Сенкевича было особенно хорошо известно в России, вокруг отдельных его произведений (например, романа «Огнем и мечом») возникали острые дискуссии. Были близки русскому читателю демократические и реалистические ранние повести и рассказы, понятна патриотическая направленность его исторической «Трилогии», искусство психологического анализа в романе «Без догмата». Это последнее произведение получило в России более высокую оценку, чем в Польше, ибо тип «лишнего человека», изображенный здесь, был ближе русской литературе и русскому читателю. «...Все это мотивы, хорошо известные в русской литературе, — писал М. Протопопов, — из наших стариков разверните Тургенева, а из нашей молодежи Чехова, и вы сразу почувствуете, что между ними и Сенкевичем очень много общего» [26, с. 126]. Русская критика увидела в Плошовском черты родственные Онегину, Печорину, Рудину.

«Без догмата» высоко оценил Л. Толстой. 18 марта 1890 г. он записывает в дневнике: «Вечером читал Сенкевича. Очень блестящ» [27, с. 30]. Русскому писателю особенно понравилось в этом романе описание любви к женщине, что послужило своеобразным творческим толчком для Толстого. В записной книжке писателя за 1890 г. читаем: «По случаю „Без догмата“, славянского толкования любви к женщине, думал: хорошо бы написать историю чистой любви, не могущей перейти в чувственную» [27, с. 140].

Произведения Сенкевича оказали влияние на русскую литературу, возникали многочисленные переделки и подражания его произведениям, инсценировки по ним ставились на русской сцене. Героев Сенкевича неоднократно сравнивали с героями произведений русских писателей. Особенно важно в установлении закономерностей польско-русских литературных взаимосвязей, что в Сенкевиче, как в Ожешко и в Прусе, видели писателя близкого русской литературе.

Таким образом, польско-русские литературные взаимосвязи обусловлены такими факторами, как общественно-политическое развитие России и Польши, внутренние потребности национальной литературы, ее предрасположенность к усвоению инонациональных литературных явлений, логика национального литературного развития, идейно-художественные открытия каждой из национальных литератур, то новое, отличное от других, что они внесли в общее культурное достояние, некоторые внелитературные факторы (определенные особенности национальной жизни, распространенность другого или других языков, наличие личных контактов между представителями разных национальных литератур).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кишкин Л. С. О факторах, обуславливающих литературные связи. — [Советское славяноведение, 1978, № 4.
2. Марков Д. Ф. Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур. — В кн.: Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973, с. 27.
3. Przegląd Tygodniowy. 1877, № 36, s. 414.
4. Krzywicki L. Wspomnienia. T. 2. Warszawa, 1958, s. 44.
5. Урбанская-Слиш Я. Русская литература в Польше на рубеже XIX — XX веков. — В кн.: Русская и польская литература конца XIX — начала XX века. М., 1981, с. 205.
6. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1977, с. 226.

7. *Никольский С. В.* Проблема избирательности интересов в процессе литературных связей и творческое взаимодействие литератур.— В кн.: Славянские литературы, VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 38.
8. *Калинин М. И.* О воспитании и обучении. М., 1957, с. 130.
9. *Бушмин А. С.* Преемственность в развитии литературы. Л., 1978.
10. *Dz.P. «Дум».*— *Dziennik Literacki*, 1868, № 2, s. 174.
11. *Семчук А., Шишко Т.* О начале известности Тургенева в Польше.— В кн.: Сравнительное изучение литератур. Л., 1976, с. 158.
12. *Цыбенко Е. З.* Из истории польско-русских литературных связей XIX—XX вв. М., 1978.
13. *Мани Т.* Собр. соч., т. 9. М., 1960, с. 622—623.
14. *В[адени]J. Główne kierunki powieści rosyjskiej.*— *Przegląd Powszechny*, 1886, № 12, s. 468.
15. *Chmielowski P.* Przegląd powieści z 1870 r.— *Biblioteka Warszawska*. Т. 3. 1971, s. 111.
16. *Цыбенко Е. З.* Тургенев и польская литература. М., 1984, с. 14—24.
17. *Фрост В.* Связи как фактор развития национальных литератур.— В кн.: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. М., 1968.
18. *Tróchimiak J.* Iwan Turgieniew w piśmiennictwie polskim lat 1850—1915. Lublin, 1982, s. 33.
19. *Chrzanowski J.* Studia i szkice, rozbiory i krytyki. Т. 2. Kraków, 1938, s. 220.
20. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. худож. произв., т. 11 (доп.). М.— Л., 1929, с. 308—309.
21. *Гольцев В.* О повестях Элизы Ожешко.— *Русская мысль*, 1891, № 9.
22. *Шепелевич Л.* Элиза Ожешко. Литературная характеристика.— *Вестник Европы*, 1907, № 9.
23. *Цебрикова М.* Романы и повести Элизы Ожешковой.— *Русская мысль*, 1894, № 4.
24. *Маноцков В. И.* Предисловие.— В кн.: *Прус Б.* Полн. собр. соч., т. 5. Киев — Харьков, 1900.
25. *Храневич К. И.* Очерки новейшей польской литературы. СПб., 1901.
26. *Протопопов М.* Вина или несчастье? — *Русская мысль*, 1893, № 3.
27. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 51. М., 1952.

РЕЛИКТЫ ПРАСЛАВЯНСКИХ АКЦЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ПОМОРСКОГО ГЛАГОЛА: ДОЛГОТНЫЕ *i*-ГЛАГОЛЫ (I)

1. Как известно, каждый праславянский гласный (кроме редуцированных) представлен в поморских (кашубско-словинских) диалектах двумя рефлексами (или группами рефлексов). Так называемые суженные гласные (*â, ô, ê, î, û, o*) выступают в двух случаях: на месте праславянских новоаккутовых долгот, и в перестроенных слогах¹ перед звонкими согласными; несуженные (*a, o, ě, e, i, u, q*) — в прочих позициях.

Таким образом, в презенсе поморских глаголов, восходящих к акцентным парадигмам *a* и *c*, праславянский долгий корневой гласный должен быть представлен несуженным рефлексом. В последующих разделах это соотношение будет проверено на материале *i*-глаголов.

В качестве основного источника использован словинско-немецкий словарь Фр. Лорентца (*SW*), содержащий лексику одного северно-поморского диалекта. Данные полного словаря поморских говоров (*PW*) приводятся лишь в случае расхождений. Ударение не обозначается, так как у *i*-глаголов (как и у других глагольных классов) в словинском только одна схема ударения [2, с. 210—214]. Материал разбит по праславянским акцентным парадигмам; там, где это возможно, приводятся акцентные характеристики производящих основ. В работе используется упрощенная словинская транскрипция [3, с. 153—156].

2. Акцентная парадигма *a*.

1. *bavjic* 'задерживать; развлекать' — малопольск. *bawić się*, 3 л. мн. ч. *śe bawō* [4], словц. *bavit'sa*, чеш. *baviti (se)*, ст.-хорв.² *Бавим, Забавим* [5, с. 221], схрв. *bāvumi, bāvīm*, слн. *izbāviti, izbāvim* (наряду с *bāvim se*); а.п. *a* в ср.-болгарском [6, с. 93] и др.-русском [7, с. 147; 8, с. 259].

2. *cešec (sq)* 'успокаивать(ся), утешать(ся)' — малопольск. *cieszyć (się)*, 3 л. мн. ч. *śe ceśō* [4], словц. *tešit' sa*, чеш. *těšiti (se)*, слн. *těšiti, tēšim*, схрв. *měšumi, mēšīm*; а.п. *a* в др.-русском [7, с. 147].

3. *cěšec (sq)* 'утихать, успокаивать(ся)' — чеш. *tišiti*, а.п. *a* в др.-русском [7, с. 147]. Ожидается а.п. *a*: словц. *tichý*, чеш. *tichý*, схрв. *mŭx, mŭxa, mŭxo*; а.п. *a* в др.-русском [1]; однако в словинском конечное ударение: *cěxŭ* при закономерно несуженном корневом гласном; см. также [9, с. 108].

4. *čazec* 'коптить' — словц. *čadit'*, чеш. *čaditi*, ст.-хорв. *Чадѣм, За-чадѣм (sic!)* [5, с. 224], схрв. *čādumi, čādīm*; неясно слн. *čadim*. Ожидается а.п. *a*: словин. *čād, čādū* (неподв. акцент), схрв. *čād, čāda*.

5. *čišec* 'чистить' — словц. *čistit'*, чеш. *čistiti*, ст.-хорв. *Чѣстим, Очѣстим* [5, с. 243], слн. *čīstiti, čīstim*, схрв. *čŭstumi, чŭстīm* [10, с. 4]; а.п. *a* в др.-русском [7, с. 147] и ср.-болгарском [6, с. 85, 93]. Ожидается

¹ Т. е. таких, за которыми в прошлом следовал слог, содержащий слабый редуцированный [4, с. 173, сноска 3].

² Имеется в виду старохорватский чакавско-кайкавский диалект Ю. Крижанича.

а.п. а: словин. *čisti* 'чистый', схрв. *čīst*, *čīsta*, *čīsto*, слн. *čīst*, ж.р. *čīsta*, а.п. а в др.-русском [1].

6. *děmjic* 'дымить' — слвц. *dymit'*, ст.-хорв. *Дѹмим*, *Задѹмим* [5, с. 231], словен. *dimiti se*, *dīmit se*, схрв. *đīmīti*, *đīmīm*. Ожидается а.п. а: словин. *dim*, *dēmū* (неподв. акцент), слвц. *dym*, чеш. *dým*, чак. (Нови) *dīm* (с вторичным удлинением), *dīma* [11, с. 208], слн. *dim*, *dīma*; а.п. а в др.-русском [1; 12, с. 153].

7. *jezžec* 'ездить' — слвц. *jazdit'*, чеш. *jezditi*, ст.-хорв. *Јѣздим*, *Отјѣздим* [5, с. 223], слн. *jezditi*, *jezdim*; неясно схрв. *jezditu*, *jezdim*.

8. (*vob*)*lapjic* 'обнять' — слвц. *lapit'*, чеш. *lapiti*, ст.-хорв. *Лāним*, *Улāним* [5, с. 235], ср. схрв. (*x*)*lānīti*, (*x*)*lānīm* 'схватить, заграбастать'. Ожидается а.п. а: словин. *lāra* (неподв. акцент), малопольск. *цара* 'часть прялки' [4], слвц. *tlara*, чеш. *tlāra*, слн. *lāra* [9, с. 22].

9. *lazec* 'лазить' — слвц. *lazit'*, ст.-хорв. *Лāзим*, *Возлāзим* [5, с. 227], слн. *lāziti*, *lāzim*, схрв. *lāzīti*, *lāzīm*; а.п. а в др.-русском [7, с. 147].

10. *maslēc* 'намазывать маслом' — ст.-хорв. *Мāслим*, *Помāслим* [5, с. 229]; неясно слн. *māsliti*, *māslim*. Ожидается а.п. а: словин. *māslo* (неподв. акцент), малопольск. *mas^uo* [4], слвц. *maslo*, чеш. *māslo*, слн. *māslo*, схрв. *māсло*; а.п. а в др.-русском [1].

11. *měslēc* 'думать' — слвц. *mysliet'*, чеш. *mysliti*/*mysleti*, ст.-хорв. *Мѹслим*, *Промѹслим* [5, с. 229], слн. *mīsliti*, *mīslim*, схрв. *mīslīti*, *mīslīm*; а.п. а в др.-русском [7, с. 147].

12. *māčic* 'мучить' — слвц. *mučit'*, чеш. *mučiti*, ст.-хорв. *Мѹчим*, *Замѹчим* [5, с. 245], схрв. *mūčīti*, *mūčīm*; а.п. а в др.-русском [1] и ср.-болгарском [6, с. 85]; неясно слн. *mūčiti*, *mūčim* (sic!). Ср. словин. *māka* 'supplicium', пол. *męka*, слвц. *muca*, схрв. *mūka*, слн. *mōka*; а.п. а в др.-русском [1] (непонятна краткость в чеш. *muca*).

13. *mrozec* (*sq*) 'морозить (мерзнуть)' — слвц. *mrazit'*, чеш. *mraziti*, ст.-хорв. *Мрāзим*, *Омрāзим*, *Замрāзим* [5, с. 227], слн. *mrāziti*, *mrāzim*. Ожидается а.п. а: словин. *mróz*, *mrózū*, и *mārz*, *mārzū* (ударение Loc. Sg. *mrozū*/*marzū* по-видимому вторично), пол. *mróz*, *mroza*, чеш. *mrāz*, слн. *mrāz*, *mrāza*, схрв. *mrāz*, *mrāza*, рус. *морóз* (а.п. а в др.-русском [1]); неясно слвц. *mrāz* при Gen. Sg. *mrazi*.

14. *pařec* 'обваривать' — слвц. *parit'sa*, чеш. *pařiti* (но также *pařiti* (*se*)), слн. *pāriti*, *pārim*, схрв. *pāriti*, *pārim*, а.п. а в др.-русском [7, с. 147]. Ожидается а.п. а: словин. *pāra* 'водяной пар', слвц. *para*, чеш. *pāra*, схрв. *pāra*, др.-рус. *pāra* (а.п. а [1]).

15. *pjeñic sq* 'пениться' — слвц. *penit'* (*sa*), чеш. *pěnit* (*se*), ст.-хорв. *Пѹним се*, *Возпѹним се* [5, с. 233], слн. *pēniti*, *pēnim*, схрв. *pēnīti*, *pēnīm*. Ожидается а.п. а: словин. *pjāna* (неподв. акцент), слвц. *pena*, чеш. *pīna*, слн. *pēna*, схрв. *pēna*; а.п. а в др.-русском [1].

16. *plavjic* 'сплавлять (о лесе)' — слвц. *plavit'*, чеш. *plaviti*, ст.-хорв. *Преплāвим* [5, с. 224], схрв. *plāvīti*, *plāvīm* 'наводнять'; неясно слн. *plaviti*, *plavim*.

17. *polñic* 'наполнять' — слвц. *plnit'*, схрв. *pūnīti*, *pūnīm*; а.п. а в ср.-болгарском [6] и др.-русском [1]; неясно слн. *pōlniti*, *pōlnim*. Ожидается а.п. а: словин. *pólni* 'полный', слвц. *plný*, схрв. *pūn*, *pūna*, *pūno*; а.п. а в ст.-сербском [9, с. 88] и др.-русском [1; 12, с. 154; 9, с. 107, 115].

18. *pravjic* 'улучшать; изготавливать' — чеш. *praviti*, ст.-хорв. *Прāвим*, *Спрāвим* [5, с. 222], слн. *prāviti*, *prāvim*, схрв. *prāvīti*, *prāvīm*; а.п. а в др.-русском [1] и ср.-болгарском [6, с. 85, 93]. Ожидается а.п. а: словин. *prāvī*, чеш. *prāv*, схрв. *prāv*, *prāvī*, слн. *prāv*, *prāvī* (но также *prāv*); а.п. а в др.-русском [1] и ст.-сербском [9, с. 88, 108, 110, 123].

19. *pražec* (*sq*) 'жарить, тушить' — слвц. *pražit'*, чеш. *pražiti*, ст.-хорв. *Прāжим*, *Упрāжим* [5, с. 225], слн. *prāžiti*, *prāžim*, схрв. *prāžīti*, *prāžīm*, др.-рус. [13, с. 121].

20. *rāñic* 'ранить' — слвц. *ranit'*, чеш. *raniti*, ст.-хорв. *Рāним*, *Подрāним* [5, с. 234], слн. *rāniti*, *rānim*, схрв. *rānīti*, *rānīm*; а.п. а в др.-русском [1]. Ожидается а.п. а: словин. *rāna* (неподв. акцент), малопольск. *rapa* [4], слвц. *rapa*, чеш. *rāna*, схрв. *rāna*, слн. *rāna*; а.п. а в др.-русском [1].

21. *rěšec* 'двигать, трогать, приводить в движение' — словц. *rušit'*, 'нарушать, отменять', чеш. *rušiti* 'ликвидировать, нарушать', слн. *rúšiti, rúšim*, схрв. *rūšimti, rūšim*; в др.-русском — а.п. *a* с существенными отклонениями в сторону а.п. *b* [7, с. 148]. Словин. *rěx, rěxù* 'вижение', словц. *ruch* (при чеш. *ruch*) не исключают а.п. *a*, но данные внешнего сравнения указывают на а.п. *c* [12, с. 111].

22. *sěcēc* 'откармливать' — ст.-хорв. *Сѹтум, Насѹтум* [5, с. 243], словен. *sítiti, sítim*, схрв. *сѹтуми, сѹтѹм*, чак. 3 л. ед. ч. *dositi se* [11, с. 251]; первоначальная а.п. *a* в др.-русском [7, с. 148]; но словц. *sýtiti' (sa)* при чеш. *sytiti (se)*. Ожидается а.п. *a*: слн. *sit*, ж.р. *sita*, схрв. *сѹт*, ж.р. *сѹма* [9, с. 117].

23. *slabjic* 'ослабить' — словц. *oslabit'*, чеш. *oslabiti*, схрв. *слăбуми, слăбѹм*; а.п. *a* в др.-русском [7, с. 147]; неясно ст.-хорв. *Слăбум, Ослăбум* [5, с. 220], слн. *slabiti, slabim*. Ожидается а.п. *a*: словц. *slabý*, чеш. *sláb, slabý*, слн. *sláb*, ж.р. *slába*, схрв. *слăб*, ж.р. *слăба* [9, с. 117, 108, 115].

24. *slavjic* 'прославить' (в PW 1 раз приведена кашубская форма *l*-причастия *slávjil*, наряду с несколькими примерами *l*-причастия с несуженным корневым гласным: *slavjil* и т.п.) — ст.-хорв. *Слăвим, Прослăвим* [5, с. 223], схрв. *слăвуми, слăвѹм*; а.п. *a* в др.-русском [7, с. 147], ср.-болгарском [6, с. 93, 95] и ст.-сербском [10, с. 15; ср. с. 4]; ср. однако словц. *sláviti'* (но чеш. *slaviti*), слн. *sláviti* (наряду со *sláviti*), *slavim*. Ожидается а.п. *a*: словин. *sláva* (неподв. акцент), но в PW приводится также кашубская форма *sláva*; схрв. *слăва*; а.п. *a* в др.-русском [1], ср. [9, с. 72, 87, 90]; но словц. *sláva*, чеш. *sláva* и кашуб. *sláva* указывают на а.п. *b*.

25. *slěnic* 'смачивать слюной, слюнявить' — словц. *slinit'*, чеш. *sliniti*, ст.-хорв. *Слѹним, Наслѹним* [5, с. 234], слн. *slíniti, slĭnim*, схрв. *слѹнуми, слѹнѹм*. Ожидается а.п. *a*: словин. *slěně* (pl. tantum), словц. *slina* (но чеш. *slina*), схрв. *слѹна*, др.-рус. *слѹна* (а.п. *a* [1]).

26. *stavjic* 'ставить' — словц. *staviti'*, чеш. *staviti* 'укрепить, крепить', ст.-хорв. *Стăвим* [5, 222], слн. *stáviti, stávim*, схрв. *стăвуми, стăвѹм*; а.п. *a* в др.-русском [7, с. 147], ср.-болгарском [6, с. 85, 93], и ст.-сербском [10, с. 15; 8, с. 259].

27. *strašec* (*sq*) 'пугать(ся)' — чеш. *strašiti*, ст.-хорв. *Стрăшум, Пострăшум* [5, с. 247], слн. *strášiti, strâšim*, схрв. *стрăшуми, стрăшѹм*; а.п. *a* в ряде др.-русских памятников [7, с. 148—149], но а.п. *b* в ср.-болгарском [6, с. 93]. Для существительного **straxъ* реконструируется, однако, а.п. *c*: словц. *strach*, чеш. *strach*, схрв. *стрăх, стрăха*; для словин. *strax, stráhu* в SW не указаны конечнударные формы, что указывает на неподвижный акцентный тип, восходящий в основном к а.п. *a*; в др.-русском а.п. *c* с отклонениями в сторону а.п. *b* [1].

28. *tracēc* 'убивать; тратить' — словц. *tratiti' (sa)* 'терять, тратить', чеш. *tratiti* (с тем же значением), ст.-хорв. *Трăтум, Утрăтум* [5, с. 243], схрв. *трăтуми, трăтѹм*; неясно слн. *trátiti, trátim*.

29. *vazęc*, *vazq* 'ругать, мешать' — словц. *vaditi'sa* 'браниться', чеш. *vaditi (se)*, ст.-хорв. *Вăдим* (но *Навăдим*) [5, с. 222]. слн. *văditi se, vădim se*, ср. также схрв. *вăдитуми, вăдѹм* 'вынимать, добывать'; а.п. *a* в др.-русском [7, с. 147].

30. *vjeręc* 'верить' — словц. *veriti'*, чеш. *věriti*, ст.-хорв. *Вѣрим, Увѣрим* [5, с. 237], схрв. *вѣритуми, вѣрѹм* 'обручить'; а.п. *a* в др.-русском [7, с. 147] и ср.-болгарском [6, с. 85]; неясно слн. *vériti se, vérim se*. Ожидается а.п. *a*: словин. *vjára*, L. Sg. *vjěřě* 'вера' (неподв. акцент), схрв. *вѣра*, слн. *věra*; неясно слн. *viera* (при чеш. *věra*).

31. *zdrovjic* 'gesund machen' — словц. *zdraviti' (sa)*, 'здороваться', чеш. *zdraviti (se)* (с тем же значением), слн. *zdráviti, zdrávim* 'лечить', схрв. *здрăвуми, здрăвѹм*, однако в диалекте Ю. Крижанича — рефлекс нового акута: *Здрăвим, Поздрăвим* [5, с. 221]. Ожидается а.п. *a*: схрв. *здрăв*, ж.р. *здрăва*, слн. *zdrāv*, ж.р. *zdráva*; а.п. *a* в др.-русском [1], ср. также рус. *здоров(ый)*; краткость в чеш. *zdravý* (словц. *zdravý*) объясняется скорее всего двусложностью основы (**zъdorvъ*); см. [9, с. 88].

3. Акцентная парадигма *c*.

1. *buzěc* 'будить' — словц. *budit'*, чеш. *buditi*, ст.-хорв. *Будѣм, Возбудѣм* [5, с. 222], слн. *buditi, budim*, схрв. *бўдѣти, бўдѣм*; а.п. с в др.-русском [1].

2. *cežec* 'цедить' — словц. *cedit'*, чеш. *cediti*, ст.-хорв. *Цидѣм, Прецидѣм* [5, с. 224], слн. *cediti, cedim*, схрв. *циједѣти, циједѣм*; а.п. с в др.-русском [7, с. 157].

3. *cesnic* 'сужать' — словц. *tesnit'* 'прилегать', чеш. *těsniti* 'тесно прилегать', слн. *tesniti, tesnim* 'сужать'; а.п. с в др.-русском [7, с. 157]; неясно ст.-хорв. *Тѣсним, Стѣсним* [5, с. 234]. На исходную а.п. с прилагательного **těsknъ* указывают словц. *tesný*, чеш. *těsný*, а.п. с в др.-русском [1]; ср. однако слн. *těsan*, ж.р. *těsna*, схрв. *těсан, těсна, těсно*.

4. *čqmjic sa* 'мучиться' — ст.-хорв. *Чамѣт, Зачамѣт* [5, с. 234] (неясно схрв. *чамѣти, чамѣм*).

5. *činič* 'делать' — словц. *činit'* (*sa*), ст.-чеш., чеш. *činiti*, ст.-хорв. *Чинѣм* [5, с. 235], слн. *činiti* (также *činiti*), *činim*, а.п. с в др.-русском [7, с. 157] и ср.-болгарском [6, с. 94]. Ожидается а.п. с: словц., ст.-чеш., чеш. *čin*, слн. *čín, čína*, схрв. *чѣн, чѣна*; а.п. с в др.-русском; но в словинцском *čín, činù* — неподвижный акцент, характерный для имен а.п. а.

6. *darěc* 'дарить' — словц. *darit'* *sa* 'удаваться', ст.-чеш. *dariti*, чеш. *dariti se* 'поживать; удаваться', ст.-хорв. *Дарѣм, Надарѣм* [5, с. 237], слн. *dariti, darim*, схрв. *дѣрѣти, дѣрѣм*; а.п. с в др.-русском [7, с. 155]. Ожидается а.п. с: словин. *dār, dārù* (подв. акцент), словц., ст.-чеш., чеш. *dar*, чак. *dār* [11, с. 210], слн. *dār, dāra/darū*, схрв. *дѣр, дѣра*; а.п. с в др.-русском [1] и ср.-болгарском [14].

7. *děšec (sa)* 'душить' — словц. *zadušit'*, ст.-хорв. *Душѣм, Задушѣм* [5, с. 247], слн. *dušiti, dušim*, схрв. *дѣшѣти, дѣшѣм*; а.п. с в др.-русском [7, с. 155]. Ожидается а.п. с: словц., ст.-чеш., чеш. *duch*, слн. *dūh*, а.п. с в ср.-болгарском [9, с. 46] и др.-русском [1]; но словин. *dūx, dūxa* (неподв. акцент) однозначно указывает на а.п. *b*; В. М. Иллич-Свитыч предполагает здесь (как и в случае схрв. *дѣх, дѣха*) влияние приставочных производных [12, с. 112].

8. *dlěžec* 1. 'быть должным кому-либо'; 2. 'удлинять' (в РВ отмечен вариант с суженным корневым гласным в системе настоящего времени: 1 л. ед. ч. *dlěžq/dlūžq*). А.п. с предполагается для глагола с первым из двух приведенных выше значений: чеш. *dlužiti* 'быть должным', ст.-хорв. *Должѣм, Задолжѣм* [5, с. 225]; а.п. с в др.-русском [7, с. 155]. Для глагола со значением 'удлинять' вероятна а.п. *b*: ср. словц. *džiti*, чеш. *dloužiti se*, ст.-хорв. *Продблжим* (но также *Дблжим*) [5, с. 225], а также кашубский пример с суженным корневым гласным. В словинцском, как и в сербохорватском *дѣжѣти, дѣжѣм*, а.п. с распространилась на оба глагола, очевидно, в результате контаминации. Ожидается а.п. с: словин. *dlüg, dlěgù* 'долг, debitum' (подв. акцент), словц. *dlg*, чеш. *dluh*, слн. *dōtg, dotgā*; а.п. с в др.-русском [1; 9, с. 81].

9. *zěvjic sa* 'удивляться' (в РВ представлен вариант с суженным корневым гласным: 1 л. ед. ч. *zěvja/zivja*) — словц. *divit'* *sa*, чеш. *diviti se*, ст.-хорв. *Дивѣм се, Задивѣм се* [5, с. 221], схрв. *дѣвѣти, дѣвѣм*; а.п. с в др.-русском [7, с. 155]. Ожидается а.п. с: словин. *živ, zěvù* (подв. акцент) 'чудо', словц., ст.-чеш., чеш. *div*; неясно схрв. *дѣв* 'великан'.

10. *zelěc* 'делить' (в РВ представлен вариант с суженным корневым гласным в настоящем времени: 1 л. ед. ч. *zela/zela*) — словц. *delit'* (*sa*), чеш. *dělití (se)*, ст.-хорв. *Дилѣм, Предилѣм* [5, с. 228], слн. *deliti, delim*, схрв. *дѣлѣти, дѣлѣм*; а.п. с в др.-русском [7, с. 155]. Но для существительного **dělъ* реконструируется а.п. *b*: словц. *diel*, ст.-чеш. *diel*, чеш. *díl*, слн. *děl* (см. детальный разбор в книге [12, с. 135]); в словинцском представлено два варианта: *zěl, zéla* (неподв. акцент) и *zél, zéla* (подв. акцент), предполагающие соответственно а.п. *b* и *c*.

11. *garžec* 'огораживать' — словц. *hradit'*, ст.-чеш., чеш. *hraditi*, ст.-хорв. *Градѣм, Оградѣм* [5, с. 223], слн. *graditi, gradim* схрв. *грѣдѣти, грѣдѣм*, а.п. с в др.-русском [7, с. 155]. Для существительного **gorď* большинство славянских диалектов указывают на а.п. *c*: пол. *gród, grodu*, словц. *hrad*, ст.-чеш., чеш. *hrad*, схрв. *грѣд, грѣда*, а.п. с в др.-русском

[1], рус. *зброд* и т. п. Однако на первоначальную а.п. *b* указывают данные крайних схрв. диалектов, согласующиеся с результатами внешнего сравнения [12, с. 118, 119].

12. *gasěc* 'гасить' — слвц. *hasit'*, ст.-чеш., чеш. *hasiti*, ст.-хорв. *Гасѣм*, *Угасѣм* [5, с. 239], слн. *gasiti*, *gasim*, схрв. *gácutu*, *gácŭm*; а.п. *c* в др.-русском [7, с. 155].

13. *gascěc* 'сгущать' (имеется вариант с суженным корневым гласным в настоящем времени: 1 л. ед. ч. *gaščq/goščq*) — предполагается а.п. *c*: слвц. *hustit'* 'накачивать', ст.-чеш., чеш. *hustiti* (с тем же значением), ст.-хорв. *Густѣм*, *Згустѣм* [5, с. 241], слн. *gostiti*, *gostim*, схрв. *gŭctumu*, *gŭctŭm*; а.п. *c* в др.-русском [7, с. 155]. Ожидается а.п. *c*: словин. *gósti* 'густой', пол. *gesty*, слвц., ст.-чеш., чеш. *hustý*, слн. *gŏst*, ж.р. *gŏsta*, а.п. *c* в др.-русском [1].

14. *glěšec* '(о)глушить' — слвц. *hlušit'*, ст.-чеш. *hlušiti*, чеш. *o-, pře-hlušiti*, ст.-хорв. *Глушѣм*, *Оглушѣм* [5, с. 247], слн. *glušiti*, *glušim*, схрв. *glŭšutu*, *glŭšŭm*. Ожидается а.п. *c*: словин. *glěxi* 'глухой', ст.-чеш., чеш. слвц. *hluchý*; а.п. *c* в др.-русском [1; 9, с. 89].

15. *glozěc* (*sq*) 'морить голодом (голодать)' — слн. *gladiti*, *gladim*, схрв. *gláditu*, *gláďim*; ожидается а.п. *c*: пол. *głód*, *głodu*, слвц., ст.-чеш., чеш. *hlad*, слн. *glád*, схрв. *glâd*, *glâda*; а.п. *c* в др.-русском [1] (рус. *зброд*) и ср.-болгарском [15, с. 200] и т. п. Для словинского *glód*, *glódŭ* в SW не указан подвижный акцент.

16. (*nad*)*grozěc* 'вознаградить' — слвц. *nahradit'*, ст.-чеш., чеш. *nahraditi*, слн. *nagraditi*, *nagradim*.

17. *xlozěc* (*sq*) 'охлаждать(ся)' — слвц. *chladit'*, ст.-чеш., чеш., *chladiti*, ст.-хорв. *Хладѣм*, *Прохладѣм* [5, с. 224], слн. *hladiti*, *hladim*, схрв. *xláditu*, *xláďim*; а.п. *c* в др.-русском [7, с. 157]. Ожидается а.п. *c*: слвц., ст.-чеш., чеш. *chlad*, слн. *hlâd*, схрв. *xlâd*, *xlâda*; а.п. *c* в др.-русском [1].

18. *jasňic* (*sq*) 'прояснить(ся)' — слвц. *objasnit'*, чеш. *objasniti* (с другими префиксами: *pro-*, *u-*, *vy-* и т. п.), ст.-хорв. *Јаснѣм се*, *Возјаснѣм се* [5, с. 232], слн. *jasniti*, *jasnim*; но схрв. *jâsnutu*, *jâsnŭm* указывает на а.п. *a*. Ожидается а.п. *a*: слвц., чеш. *jasný*, слн. *jâsŭn*, ж.р. *jâsna*, схрв. *jâsan*, *jâsna*, *jâsno*; однако в словинском конечное ударение: *jasní*.

19. *javjic* (*sq*) 'явить(ся)' — слвц. *javit'* (*sa*), ст.-чеш. *jeviti*, чеш. *jeviti* (*se*), ст.-хорв. *Јавѣм*, *Објавѣм* [5, с. 221], схрв. *jávitu*, *jávěm*; а.п. *c* в др.-русском [7, с. 157] и ср.-болгарском [6, с. 88—89, 94, 96].

20. *kazěc* 'портить, ломать' — слвц. *kazit'* (*sa*), ст.-чеш., чеш. *kaziti*, ст.-хорв. *Казѣм*, *Сказѣм*, *Наказѣм*, [5, с. 226], слн. *kaziti*, *kazim*.

21. *klosěc* *sq* 'колоситься' — слн. *klasiti se*, *klasim se*. Ожидается а.п. *c*: словин. *klos* 'колос' (подв. акцент), малопольск. *klos* [4], пол. *kłos*, чак. *klâs* [11, с. 210], слн. *klâs*, *klâsa/klasâ*, схрв. *klâc*, *klâca*; а.п. *c* в др.-русском [1].

22. *křevjic* (*sq*) 'кривиться' (в PW зафиксирован вариант с суженным корневым гласным в настоящем времени: 1 л. ед. ч. *křevja/křivja*) — слвц. *krivit'* 'сгибать, гнуть', ст.-чеш., чеш. *křiviti*, слн. *kriviti*, *krivim*, схрв. *krŭvutu*, *krŭvŭm*. В грамматике Ю. Крижанича находим *Кривѣм*, *Окривѣм* наряду с *Крѣвим*, *Скрѣвим* [5, с. 221]; во втором случае можно предположить значение 'скрывать', ср. схрв. *skriven* 'скрытый'. Ожидается а.п. *c*: словин. *křeví* 'кривой', слвц. *krivý*, ст.-чеш., чеш. *křivý*; а.п. *c* в др.-русском [1], рус. *кривѣу*; [9, с. 109].

23. *kvasěc* 'квасить' — слвц. *kvasit'* (*sa*), ст.-чеш., чеш. *kvasiti*, ст.-хорв. *Квасѣм*, *Заквасѣм* [5, с. 239], схрв. *kvácutu*, *kváctŭm* 'квасить' (но *kvácutu*, *kváctŭm* 'мочить'); в др.-русском — а.п. *a* [7, с. 147]; неясно слн. *kvásiti*, *kvásim*. Ожидается а.п. *c*: словин. *kvas* 'закваска, дрожжевое тесто', малопольск. *kvas* [4], слвц., ст.-чеш., чеш. *kvas*, чак. *kvâs* [11, с. 210], слн. *kvâs*, схрв. *kvâc*, *kvâca*; а.п. *c* в др.-русском [1] и ср.-болгарском [15, с. 212].

24. *lepjic* 'лепить' — слвц. *lepiti'* (*sa*), ст. чеш., чеш. *lepiti*, ст.-хорв. *Лепѣм*, *Прилепѣм* [5, с. 235] (там же приведен глагол *Лѣпим*, *Полепим*, по-видимому с другим значением: ср. схрв. *lŭpŭtu*, *lŭpŭm* 'жадно есть,

пожирать'), слн. *lępíti, lępím*, схрв. *lijènutи, lǔjenǔm*; а.п. с в др.-русском [7, с. 156] и ср.-болгарском [6, с. 88].

25. *marčic (sq)* 'темнеть' — слвц. *mračit' (sa)*, ст.-чеш., чеш. *mračiti*; ср. также рус. *морочить* (Даль, sub *мороча*) 'становиться пасмурным'; неясно ст.-хорв. *Помрѣчим* [5, с. 245]. Ожидается а.п. с: слвц. *mtrak* 'туча', ст.-чеш., чеш., *mtrak*, слн. *mřak*, схрв. *mřak, mřaka*, рус. *мброк*.

26. *mąńic* 'обманывать' (в РW отмечен вариант 1 л. ед. ч. *mąńq* — явно вторичный) — слвц. *podmanit' (sa)* 'покорить', чеш. *podmaniti* 'подчинить, покорить', *vymaniti* 'освободить', ст.-хорв. *Манѣм, Обманѣм* [5, с. 232] (ср. 'ОСНЯ, вып. 3, с. 41).

27. *mjeńic* 1. 'менять' (2. 'называть', 3. 'сладить, делать сладким') — для глагола с первым из этих трех значений реконструируется а.п. с: слвц. *menit' (sa)*, ст.-чеш., чеш. *měniti*, слн. *męńiti, męńim*; а.п. с в др.-русском [7, с. 156] и ср.-болгарском [6, с. 94, 95].

28. *młazęc* 1. 'молодеть', 2. 'Junge werfen' — слвц. *omladit'*, ст.-чеш. *mladiti*, чеш. *omladiti*, слн. *mladiti, mladim*, схрв. *mláđutи, mláđǔm*; словинский инфинитив в данном случае может соответствовать и -ě- глаголу, ср. слн. *mladěti, mladim*. Ожидается а.п. с: пол. *młody*, слвц., чеш. *mładý* слн. *mlād*, ж.р. *mláda*; а.п. с в др.-русском [1], рус. *мблод, молодá, мблодо, молодбó* [9, с. 119].

29. *muzęc* 'мешать кому-либо' — слн. *muditi, mudim* 'медлить, мешкать'.

30. (*vob*) *nažęc* 'обнажить' — слвц. *obnažit' (sa)*, ст.-чеш., *nažiti*, чеш. *obnažiti (se)*; а.п. с в др.-русском [7, с. 156]; неясно ст.-хорв. *Нѣжим, Обнѣжим* [5, с. 225]. Ожидается а.п. с: слвц., чеш. *nahý*, слн. *nāg*; а.п. с в др.-русском [1; 9, с. 89, 109].

31. *parsęc sq* 'пороситься' — а.п. а или с: слвц. *prasis' sa*, чеш. *oprasiti*, схрв. *práscити*, 3 л. ед. ч. *práscǔ*; неясно слн. *prásiti se, prásim se*. Ожидается а.п. с: слвц. *prasa*, чеш. *prase* 'свинья', схрв. *práce*, слн. *prasę* [9, с. 143].

32. *razęc* 'гнать' — пол. *pedzić*, слвц., *ruditi* 'побуждать', чеш. *ruditi* (с тем же значением); ст.-хорв. *Пронудѣм* (непонятна форма *Пудѣм*) [5, с. 223], слн. *poditi, podim*.

33. *placęc* 'платить; стоить' — слвц. *platit'*, чеш. *platiti*, ст.-хорв. *Платѣм, Поплатѣм* (для форм *Плѣтим, Оплѣтим* следует, очевидно, предположить другое значение: ср. схрв. *оплатити* 'поставить наличники на окнах' vs. *ноплатити* 'заплатить') [5, с. 242], слн. *platiti, plátim*; а.п. с в др.-русском [7, с. 156], схрв. *plátити, plátǔm*.

34. *razęc* 'ударять, бить' — слвц. *raziti* 'чеканить', чеш. *raziti* 'чеканить, бить' (уст.), ст.-хорв. *Разѣм, Поразѣм* [5, с. 227]; а.п. с в др.-русском [7, с. 156]; однако слн. *ráziti, rázim* 'царапать' указывает на а.п. а. Акцентологический статус существительного **razъ* неясен: слвц. *raz* 'раз', но *ráz* 'характер', чеш. *ráz* 'удар'; ср. схрв. *ráz* 'отвал у плуга, гребок для выравнивания зерна в мере', слн. *ráz* 'гребок для отмеривания зерна'.

35. *račic* 'брать взаймы' — пол. *reżyc* 'ручаться', слвц. *ručiti*, чеш. *ručiti*, ст.-хорв. *Ручѣм се, Поручѣм се* [5, с. 246], слн. *ročiti, ročim*, схрв. *rųčити, rųčǔm* 'протягивать кому-либо руку'; а.п. с в др.-русском [7, с. 156]. Ожидается а.п. с: словин. *rǎka* (подв. акцент), пол. *ręka*, слвц., чеш. *ruka*, чак. *rǔka*, Асс. Sg. *rǔku, vǎ rǔku* [11, с. 228], схрв. *rųka*, Асс. Sg. *rųku*; а.п. с в др.-русском [1; 12, с. 100—101].

36. *sazęc (sq)* 'сажать (садиться)' — слвц. *sadit'*, чеш. *posaditi*, ст.-хорв. *Насаđѣм* (непонятна форма *Садиѣм*) [5, с. 224], слн. *saditi, sadim*, схрв. *сáđити, сáđǔm*; а.п. с в др.-русском [7, с. 156—157].

37. *sěšęc (sq)* 'сушить(ся)' (в РW приведен вариант с суженным корневым гласным: 1 л. ед. ч. *sűšq* из словаря Рамулта; форма малонадежна) — слвц. *sušiti' (sa)*, чеш. *sušiti (se)*, ст.-хорв. *Сушѣм, Посушѣм* [5, с. 248], слн. *sušiti, sušim*; а.п. с в др.-русском [7, с. 157]. Ожидается а.п. с: словин. *sěxi*, 'сухой', слвц., чеш. *suchý*, слн. *süh*; а.п. с в др.-русском [1].

38. *slepęc* 'слепить, ослеплять' — слвц. *slepiti' (sa)*, чеш. *slepiti (se)*, слн. *slępiti, slępim*, схрв. *слијènutи, слијенǔm*; а.п. с в др.-русском [7,

с. 157]; неясно ст.-хорв. *Slъnim, Oslъnim* [5, с. 236]. Ожидается а. п. с: словин. *slepī*, словц., чеш. *slepŭ*; а. п. с в ст.-сербском [9, с. 89] и др.-русском [1].

39. *slozĕc* 'malzen (солодить)' — пол. *stodziĕ* 'класьть сахар', словц. *sladit'*, чеш. *sladiti*, ст.-хорв. *Сладѣм, Насладѣм се* [5, с. 224], слн. *sladiti, sladim* 'делать сладким', схрв. *slāđbiti, slāđim* 'солодить; делать сладким'. Ожидается а. п. с: словин. *slōd, slōdu* 'солод' (в SW нет указаний на подв. акцент), пол. *slōd, slōdu* словц., чеш. *slad*; а. п. с в др.-русском [1].

40. *stĕzĕc* (*sq*) '(за)студить(ся)' — чеш. *studiti*, ст.-хорв. *Студѣм, Простудѣм* [5, с. 224]; а. п. с в др.-русском [7, с. 157].

41. *svjzĕc* 'святить, посвящать' — пол. *świeciĕ*, словц. *svätit'*, ст. хорв. *Светѣм, Посветѣм*, слн. *svetiti, svetim*, схрв. *śeētumti, śeētum*; а. п. с в др.-русском [7, с. 157]. Ожидается а. п. с: словин. *svjati* пол. *święty*, словц. *svätŭ*, чеш. *svatŭ*, слн. *svĕt*; а. п. с в др.-русском [1; 9, с. 119].

42. *tajic* (*sq*) 'таить(ся)' — словц. *tajit'* (*sa*), чеш. *tajiti (se)*, ст.-хорв. *Тайѣм, Утайѣм* [5, с. 228], слн. *tajiti, tajim*, схрв. *mājumti, mājum*; а. п. с в др.-русском [7, с. 157].

43. *tapjic* 'тупить; уничтожать, истреблять' — словц. *tupit'* (*sa*) 'тупить(ся); порочить', чеш. *tupiti*; однако в диалекте Ю. Криванича и в словенском — рефлексы а. п. b: ст.-хорв. *Тупим, Затупим* [5, с. 236], слн. *tōpiti, tōpim*; схрв. *tŭpnuti, tŭpnim* амбивалентно. Ожидается а. п. с: словин. *tapī* 'тупой', пол. *teru*, словц., чеш. *tupŭ*; а. п. с в др.-русском [1]; неясно слн. *tōp*, ж. р. *tōpa* [9, с. 109].

44. *tĕĕic* (*sq*) 'делать (становиться) жирным, тучным' — ст.-хорв. *Тучѣм, Утучѣм* [5, с. 246]; неясно слн. *tŭĕiti, tŭĕim*. Ожидается а. п. с: чак. *tŭk, tŭka* [11, с. 210], словц. чеш. *tuk* 'жир' [12, с. 151].

45. *vařĕc* (*sq*) 'варить' — словц. *varit'* (*sa*), чеш. *vařiti(se)* слн. *variti, varim*; а. п. с в др.-русском [7, с. 155]; неясно ст.-хорв. *Варим, Уварим* [5, с. 237]. Ожидается а. п. с: словин. *vār, vārŭ* 'кипяток' (подв. акцент в SW не зафиксирован), словц. *var* 'кипение', чеш. *var*, схрв. *vār, vāra*; а. п. с в др.-русском [1].

46. *vjiŭic* 'винить, обвинять' — словц. *vinit'*, чеш. *viniti*, ст.-хорв. *Винѣм, Обвинѣм, Повинѣм се* [5, с. 232]; а. п. с в др.-русском [7, с. 155]. Ожидается а. п. с: словин. *vjina* 'вина' (подв. акцент в SW не отмечен), словц., чеш. *vina*; следы а. п. с в др.-русском (при обычной для этого слова а. п. b) [1].

47. *vrozĕc* 'вещать, предсказывать' — чеш. *nevražiti* 'ненавидеть, враждовать', слн. *vražiti, vražim* 'ненавидеть, вредить с помощью колдовства'. Ожидается а. п. с: пол. *wróg, wroga*, словц. *vrah* 'убийца', чеш. *vrah*, схрв. *vrag, vraga* 'черт', рус. *враг*.

48. *zlocĕc* 'золотить' — ст.-хорв. *Златѣм, Позлатѣм* [5, с. 241], слн. *zlatiti, zlatim*; непонятна долгота в словц. *zlátit'* (*sa*) при чеш. *zlatiti*. Ожидается а. п. с: словин. *zlóto* (подв. акцент в SW не отмечен), пол. *zloto*, словц., чеш. *zlato*, схрв. *zlāto*; а. п. с в др.-русском [1], рус. *злото*.

49. *znaĕic* 'значить, означать' — словц. *znaĕit'*, чеш. *znaĕiti*, схрв. *znáčiti, znáčim*; однако слн. *znáčiti, znáčim* указывает на а. п. a. Ожидается а. п. с: словин. *znak* 'знак' (подв. акцент), малопольск. *znak* [4], словц., чеш. *znak*, чак. *znāk* [11, с. 210], схрв. *znāk, znāka*, слн. *znāk*; а. п. с в др.-русском [1].

50. *žarĕc* *sq* 'раскаляться' — слн. *žariti, žarim*, схрв. *žárumti (se), žārŭm (se)*; неясно рус. *жарить, жарю*; ст.-хорв. *Жарим, Ужарим* [5, с. 237] может иметь другое происхождение: ср. схрв. *ужарумти, ўжарŭм* 1. 'делать канаты', 2. 'раскалить'. Ожидается а. п. с: схрв. *žâr, žâra*, а. п. с в др.-русском [1]; для словин. *žâr, žârŭ* в SW не отмечен подвижный акцент.

4. Для нескольких глаголов с несуженным корневым вокализмом в системе настоящего времени реконструируется праславянская b-парадигма:

1. *bjelĕc* 'белить' (в PW указан «суженный» вариант настоящего времени: 1 л. ед. ч. *bjelq/bjelaq*) — малопольск. *bieliĕ/byliĕ*, 3 л. ед. ч. *b'y'l'i* [4], словц. *bielit'*, чеш. *biliti*, ст.-хорв. *Бѣлим, Побѣлим* (но также *Бѣлим се, Забѣлим се* — вероятно, -ĕ-глагол) [5, с. 228], слн. *bĕliti, bĕlim*,

схрв. *bělitu*, *bělīm*. Ожидается а. п. *b*: словин. *bjälī* 'белый', словц. *bi-ely*, чеш. *bílý*, слн. *běl*, а. п. *b* в др.-русском [1].

2. *blěžec* (*sq*) 'приближаться' — словц. *blížiti*, чеш. *blížiti*, ст.-хорв. *Blízim*, *Приблízim* [5, с. 226], схрв. *blížimti se*, *blížīm se*; но первоначальная а. п. *a* в др.-русском (с переходом в а. п. *c*) [7, с. 148]; а. п. *a* в ср.-болгарском [6, с. 93]. Для прилагательного **blizъkъ* предполагается а. п. *b*: словин. *blizkī*, словц. *blizky*, чеш. *blizký* и т. п. — при «минусовой» маркировке суффикса [9, с. 98] (ср. [9, с. 105]).

3. *brońic* 'защищать' (в РВ «суженный» вариант настоящего времени: 1 л. ед. ч. *brońa/brońa*) — словц. *brániti*, чеш. *brániti*, ст.-хорв. *Brānim*, *Обрānim* [5, с. 231], слн. *brāniti*, *brānim*, схрв. *brāniti*, *brānīm*; но ср. пол. *bronіc*. Для существительного **borna* предполагается а. п. *b*: словц., чеш. *brána*, в.-луж. *bróna* [16, с. 66], схрв. *brána*, Асс. Sg. *brānu*; данные др.-русских памятников указывают на а. п. *b* или *c* [1]; ср. также словин. *bārna* (подв. акцент), при этом следует, однако, учесть, что суженный корневой гласный может быть непоказательным из-за возможной аналогии с перестроенным слогом.

4. *buřec* (*sq*) 'разрушать (подстрекать к бунту)' — словц. *búrit* (*sa*) 'бунтовать, бушевать', чеш. *bouřiti* (*se*) 'греть (о громае), бушевать', слн. *búriti*, *búrim* 'бушевать', схрв. *búritu*, *búrīm* 'сердиться'; однако ст.-хорв. *Búrим se*, *Збúrим se* [5, с. 237] указывает на а. п. *a*. Акцентологический статус производящей основы неясен: ср. схрв. *búra*, слн. *búrja*, а. п. *a* в др.-русском [1], при долготе в словц. *búra*; в словин. *buřa* конечное ударение может быть вторичным.

5. *čarńic* 'чернить' — малопольск. *czarnić się*, 3 л. ед. ч. *czārńi*, слн. *čfniti*, *čfnim*, схрв. *črńitu*, *črńīm*; неясно чеш. *černiti*, словц. *čierniti*. Ожидается а. п. *b*: словин. *čarńi*, слн. *čfn*, а. п. *b* в др.-русском [1].

6. *gńezžec* (*sq*) 'гнездиться; aufs Netz setzen' (в РВ приведен вариант инфинитива *gńezžec/gńezžec* — по-видимому вторичный) — словц. *hniezditi* (*sa*), ст.-чеш. *hniezditi* (*se*), чеш. *hnízđiti*, ст.-хорв. *Гньїздїм*, *Угньїздїм se* [7, с. 223], слн. *gńezđiti*, *gńezđim*, схрв. *gńijezđitu*, *gńijezđīm*. Ожидается а. п. *b*: словин. *gńāzdo* (неподв. акцент), малопольск. *gńāzdo* [4], словц. *hniezdo*, ст.-чеш. *hniezdo*, чеш. *hnízdo*, слн. *gńezđo*, схрв. *gńezdo*; а. п. *b* в др.-русском [1].

7. *xrońic* 'хранить, предохранять, охранять' (в РВ приводится «суженный» вариант: 1 л. ед. ч. *xrońa/xrōńa*) — словц. *chrániti*, чеш. *chrániti*, ст.-хорв. *Хрāним*, *Охрāним* [5, с. 234], слн. *hrániti*, *hrānim*, схрв. *xrāniti*, *xrānīm*; а. п. *b* в др.-русском [7, с. 152] и ср.-болгарском [6, с. 93].

8. *xvacěc* 'хватать, сареге' — словц. *schvátiti*, чеш. *schvátiti* (*se*), *zchvátiti* (*se*); а. п. *b* в др.-русском [7, с. 152]; однако в сербохорватском — рефлекс а. п. *a*: *xvāniti*, *xvātīm* (слн. *hvátiti*, *hvátim*, по указанию М. Плетершника, заимствовано из сербохорватского).

9. *krocěc* 'укорачивать, сокращать' (в РВ приводится «суженный» вариант настоящего времени: *kroca/króca*) — пол. *krócić*, словц. *krátiti*, ст.-чеш. *krátiti*, чеш. *krátiti* (*se*), слн. *krátiti*, *krátim*, схрв. *krātimitu*, *krātīm*; непонятны формы, приводимые в грамматике Ю. Крижанича: *Krātīm*, *Скратīm*, и, далее, *Krātim*, но *Возкратīm* [5, с. 241]. Для прилагательного **kortъkъ* предполагается а. п. *b*: словин. *krōtkī*, пол. *krótky*, чеш. *krátký* и т. п. — при «минусовой» маркировке суффикса [9, с. 98—99, 105].

10. *ńizěc*, *ńižq* 'понижать' — словц. *ponížiti* (*sa*), чеш. *ponížiti*, ст.-хорв. *Нїзим*, *Унїзим* [5, с. 227], схрв. *ńizimitu*, *ńizīm*; однако а. п. *a* в др.-русском [7, с. 147]. Для прилагательного **ńizъkъ* предполагается а. п. *b*: словц. *ńizky*, чеш. *ńížký*; а. п. *b* в диалекте Ю. Крижанича [9, с. 99]; в словин. *ńīkkī* суженность корневого гласного можно объяснить влиянием перестроенного слога.

11. *vqžec* 'сужать' — словц. *zúžiti* (*sa*), чеш. *úžiti* (*se*), но пол. *zwezić*, слн. *žžiti*, *žžim* [9, с. 105]; схрв. *ýžimitu*, *ýžīm* может указывать на а. п. *b* или *c*. Для прилагательного **qžъkъ* предполагается а. п. *b*: пол. *wązky*, словц. *úžky*, чеш. *úžký*, а. п. *b* в диалекте Ю. Крижанича [9, с. 97, 99] и др.-русском [1]; в словин. *vōškī* суженность корневого гласного непоказательна.

5. Наконец, в нескольких случаях первоначальный акцентный статус установить не удается:

1. *čvjaržec, čvjerzq* 'закалять; утверждать' — словц. *tvrdit'*; а. п. с в др.-русском [7, с. 157]; ср. однако ст.-хорв. *Tvérdim, Utvérdim* [5, с. 224], слн. *tfditi, tfdim*. Ожидается а. п. с: словин. *čvjudi* 'твердый', словц. *tvrdý*, слн. *tfđ*, ж. р. *tfda*; а. п. с в др.-русском [1; 9, с. 109].

2. *glosēc* 'звать, провозглашать' — словц. *hlásiti' (sa)*, ст. чеш., чеш. *hlásiti (se)*, ст.-хорв. *Glâsim, Возglâsim* [5, с. 239]; ср. однако пол. *głosić*, слн. *glasiti, glasim*; а. п. с в ср.-болгарском [6, с. 94]; схрв. *glâcumi, glâcūm* амбивалентно. Ожидается а. п. с: словин. *glos* (подв. акцент), малопольск. *głos* [4], пол. *głos*, словц., ст.-чеш., чеш. *hlas*, слн. *glâs, glâsa/glâsû*, схрв. *glâc, glâca*; а. п. с в др.-русском [1] и ср.-болгарском [9, с. 48; 15, с. 205; 12, с. 111].

3. *krěšec* 'крошить' — чеш. *krušiti* 'толочь, измельчать'; а. п. с в др.-русском [7, с. 155 и сноски 90]; в ср.-болгарском — а. п. *b* и а. п. *c* [6, с. 86, 94; cf. с. 89, 94]; схрв. *krûšiti, krûšim* указывает на а. п. *b* или *c*, слн. *krûšiti, krûšim* — на а. п. *a*, а ст.-хорв. *Skръшim* — на а. п. *b*. Для существительного **kruхъ* следует, очевидно, предположить а. п. *a*: слн. *krûh, krûha* 'хлеб', схрв. *krûx*.

Сокращения

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.

ОСНЯ — *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения постратических языков (семитский, картвельский, индоевропейский, дравидийский, алтайский). Т. I—III. М., 1971—1984.

PW — *Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch. Berlin, 1958—1983.

SW — *Lorentz Fr.* Slowinzisches Wörterbuch. St. Peterburg, 1908—1912.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
2. *Lorentz Fr.* Slowinzische Grammatik. Спб., 1903.
3. *Богатырев К. К.* К вопросу о северолехитской акцентологической реконструкции. Непроизводные имена существительные в словицком. — В кн.: Балто-славянские исследования 1984. М., 1986, с. 134—157.
4. *Kusała M.* Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
5. Граматично изказанје об руском језику, попа Јѣрка Крижаница презвѣнем Сербљанина... М., 1859 [издание О. Бодянского].
6. *Дыбо В. А.* Среднеболгарские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения. — Вопросы языкознания, 1969, № 3, с. 82—101.
7. *Зализняк А. А.* Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии. М., 1981, с. 89—174.
8. *Дыбо В. А.* Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции). I. — В кн.: Балто-славянские исследования 1981. М., 1982, с. 205—261.
9. *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
10. *Дыбо В. А.* Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции). II. — В кн.: Балто-славянские исследования 1982. М., 1983, с. 3—67.
11. *Белич А.* Заметки по чакавским говорам. — Известия ОРЯС, 1909, т. 14, кн. 2, с. 181—266.
12. *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
13. *Дыбо В. А.* Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции). III. — В кн.: Балто-славянские исследования 1984. М., 1986, с. 112—134.
14. *Дыбо В. А.* Материалы по исторической акцентологии болгарского языка. I. Именное ударение в восточных среднеболгарских текстах XIII—XIV вв. — Известия на Института за български език, 1973, кн. XXII, с. 151—210.
15. *Дыбо В. А.* Именное ударение в среднеболгарском и закон Васильева-Долобко. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977, с. 189—272.
16. *Дыбо В. А.* Об отражении древних количественных и интонационных отношений в верхнелужицком языке. — В кн.: Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963, с. 54—83.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ КОНСТРУКЦИЙ С ИМЕНАМИ ЧАСТЕЙ ТЕЛА

(на материале западнославянских и русского языков)

Отношения «часть : целое», и в первую очередь отношения «часть тела : одушевленный предмет (человек или животное)», занимают особое и в известном смысле ядерное положение в пространстве посессивных отношений. Неотчуждаемость как ментальная категория, связывающая посессивным отношением концепт посессора (далее — Ps) с концептами его объектов обладания (далее — R; при необходимости различаются объект обладания как активный партисипант действия — R^{act} и объект обладания как пассивный партисипант действия — R^{pass}), выступает здесь в своем наиболее явном виде — посессор со своими объектами обладания составляет единое физическое и функциональное целое (подробнее см.: [1; 2]). В то же время, являясь физически составной частью Ps, части тела обладают и некоторой автономностью по отношению к нему, что предопределяет разнообразные возможности взаимодействия Ps и R. Это обстоятельство обуславливает большое структурное разнообразие конструкций, включающих имена Ps и его частей тела, в которых Ps может быть агенсом, пациенсом и локусом действия, а часть тела — агенсом, пациенсом, инструментом и локусом действия.

Анализ конструкций с именами частей тела, обозначающих однотипные ситуации в разных языках, позволяет построить типовые синтаксические и семантико-синтаксические модели. Их сопоставление дает возможность определить соотношение между синтаксическим типом конструкции и выражаемым ею смыслом для каждого из рассматриваемых языков, а также сделать некоторые типологические выводы.

Целесообразно различать два основных класса синтаксических моделей: I класс — модели конструкций, в которых субъектом является имя Ps; II класс — модели конструкций, в которых субъектом является имя R или другого лица, предмета или субстанции, внешних по отношению к Ps. Внутри каждого класса могут быть выделены элементарные и комплексные модели. Элементарными моделями мы называем такие, в которых имя (или имена) частей тела занимают одну актантную позицию, например, *Ребенок открыл глаза*_{Od}, *Мальчик держит в руке*_L мяч, *Ноги*_S у нее *подкосились* и т. п.¹ Комплексные модели представляют собой комбинации элементарных моделей одного и того же или разных классов и

¹ При описании моделей принимаются следующие обозначения актантных позиций: S — агенс, Od — пациент в позиции прямого объекта, Oi — пациент в позиции косвенного объекта, I — инструмент, L — локус. Символом V обозначается предикат, A — атрибут, Pron_{poss} — притяжательное местоимение, Pron_{refl} — возвратное местоимение (в форме дат. п.), Pron_{poss-refl} — притяжательно-возвратное местоимение, Det — дополнительный детерминатив (указательное местоимение или атрибут со значением постоянного признака).

включают имена частей тела в разных (двух и более) актантных позициях, например, *Ноги_S у него не сгибаются в коленях_L, Девушка рукой_I пригладила волосы_{Od} на лбу_L*.

В моделях I класса наиболее явно проявляется дуализм частей тела — зависимость от P_s и автономность. И то и другое свойство находят отражение в языке. В зависимости от актантной позиции имени R можно выделить четыре группы элементарных моделей I класса: объектные, инструментальные, адвербиальные и локативные, а также комплексные модели, представляющие собой комбинации вышеперечисленных элементарных.

Настоящая статья посвящена рассмотрению объектных элементарных моделей I класса в польском, чешском, словацком и русском языках.

В объектных элементарных моделях имя R занимает позицию прямого объекта, т. е. рассмотрению подлежат синтаксические модели типа $P_s S$ — V — R_{Od} и варианты этих моделей, содержащие возвратные клитики, притяжательное местоимение, отрицание, атрибут и т. п. Указанный синтаксический тип моделей может иметь различное семантическое наполнение и в зависимости от семантики предиката разделяется на два основных подтипа: модели конструкций обладания и модели конструкций с глаголами действия.

I. Модели конструкций обладания

Конструкции с глаголом 'иметь', занимая особое место среди прямо-объектных конструкций, представляют интерес для раскрытия отношений абсолютной и относительной неотчуждаемости [1; 2], связывающих possessивной связью концепты посессора и объекта обладания. Поскольку конструкции обладания служат для сообщения о наличии у некоторого P_s некоторого R , то в чистом виде (без дополнительных компонентов) эти конструкции возможны только с именами относительно неотчуждаемых объектов, ср. польск. *Piotr ma rękę, brodę / (?) Piotr ma rękę, głowę, oszyc*.

С именами абсолютно неотчуждаемых объектов конструкции обладания употребляются в следующих случаях:

A. В общих высказываниях типа польск. *Każdy człowiek ma dwie ręce, jedną głowę i jedną śmierć*; чеш. *Pavouk má osm noh* и т. п.

Для подобных высказываний может быть предложена следующая семантическая репрезентация²: «Любое живое существо класса X имеет часть тела R ».

A¹. В общих высказываниях с отрицанием: словц. *Je pravda, že vesmírny tvor nemá presne ruku, ale akési choboty* (JT 247) (космическое чудовище воспринимается здесь как представитель класса неземных существ, общим свойством которых является отсутствие рук и наличие хоботов).

Семантическая репрезентация: «Любое живое существо класса Z не имеет части тела R , а имеет часть тела R' ».

Существенно, что в общих высказываниях, где имя посессора употреблено в генерализованном значении, в русском языке предпочтителен, а иногда обязателен глагол *иметь*, в отличие от частных высказываний, где обязательной является бытийная конструкция с $у$ -локализатором, ср.: *Космическое чудовище не имело рук, а какие-то хоботы / У нашего Пети не руки, а какие-то хоботы*.

В. В частных высказываниях с отрицанием: польск. *Piotr nie ma jednej ręki (stracił podczas wojny)*. Отрицательное высказывание информативно, поскольку названный представитель класса живых существ (деготат) сопоставляется (на глубинном уровне) с эталонным представителем данного класса (концептом).

Семантическая репрезентация: «Некоторый представитель класса X не имеет части тела R (которая мыслится обязательной для класса X)».

С. В конструкциях с атрибутом при имени R ; такие конструкции не-

² Понятия «семантической репрезентации», а также «прямого телесного» и «рутинного» действия (см. ниже) заимствованы нами из статьи А. Вежбицкой [3].

могут быть названы конструкциями обладания в полном смысле слова, поскольку они содержат информацию лишь о признаке R, принадлежащего данному Ps, или о некотором его состоянии.

Синтаксические модели конструкций с атрибутом могут быть двух типов:

C¹. Ps_S — V — (A — R)_{Od}. Модели этого типа служат для выражения сообщения о Ps; их семантическая репрезентация: «X характеризуется признаком M принадлежащей ему части тела R»: польск. *Ma czarne włosy*; чеш. *Koupila si starou kobytku a ta měla velké smutné oči* (JS 50); словц. *Majú dlhé mihalnice a rovné obočie, silné ramená a pružné pohyby* (JT 163).

В русском языке используются синтаксические модели с у-локализатором: Ps_L — (V) — (A — R)_S, ср. русск. *А ведь у Андреа красивое мягкое лицо* (КЧ 371)/чеш. *Vlastně i ten Andres ma pěknou a měkkou tvář* (КС 93).

Если в западнославянских языках атрибут имеет предикативное значение, то в русском ему соответствуют различные глагольные конструкции с глаголами действия и состояния, ср. чеш. *Pořád má Andres tak sevřené čelisti* (КС 40) / русск. *По-прежнему крепко стиснуть челюсти Андреа* (КЧ 315).

Модель типа C¹ может иметь вариант Ps_S — V — (R — A)_{Od}, характеризующийся постпозицией атрибута и употребляющийся в том случае, если атрибут при имени R отличается синтаксической сложностью и протяженностью, ср. словц. *Má dlhé mihalnice a oči celkom čisté a nevinné* (JT 163) (в приведенном примере представлены оба варианта модели C¹). Постпозиция атрибута обязательна и в сравнительных оборотах, например, чеш. *Nedívejte se tak na mne, máte oči jako někdo, koho jsem milovala* (КС 23); *Ta prekliata príta'žlivosť človeka ničí. Mám telo ako cent* (JT 106).

Модели типа C¹, характеризующие Ps по признаку его R, могут быть трансформированы в прилагательные, имеющие ту же семантическую репрезентацию, ср. чеш. *má šedivé vlasy* → *šedovlasý* → *šedý*, русск. *У него седые волосы* → *седоволосый* → *седой*, *У него косые глаза* → *косоглазый* → *косой*. Прилагательные типа 'седой', 'косой', 'хромой' и т. п. представляют особый интерес в том отношении, что в них эксплицитно выражен лишь признак, но при этом они содержат имплицитное указание не только на отношение (обладание признаком соответствующей части тела, ср. *седоволосый, косоглазый*), но и на саму часть тела, признак которой является характерной особенностью Ps.

C². R_{Od} — V — A_{Od} (личное местоимение, обозначающее Ps, в таких конструкциях обычно опускается). Модели этого типа служат для сообщения о части тела, принадлежащей Ps, однако при этом все сообщение рассматривается как имеющее отношение к Ps; их семантическая репрезентация: «Часть тела R, принадлежащая X, имеет признак M, что является характерной особенностью X». Ср. чеш. *Krk měla dlouhý jako svícen* (JS 79); словц. *Oči mala plné slz* (JT 51); польск. *Nogi mam obrzękłe, obuwia ani wciągnąć* (Sł. p. V—579) (как и в моделях типа C¹, структура русских эквивалентов зависит от семантики атрибута западнославянских предложений, ср. *Шея у нее была длинная, как подсвечник; Глаза у нее были полны слез; Ноги у меня распухли, обувь не надеть*).

Следует заметить, что для сообщения о признаке R, рассматриваемом изолированно от Ps, используются обычно не прямообъектные, а бытийные конструкции типа (Pron_{poss} — Det — R)_S — V — A. Такие модели предпочтительны в силу того, что имя R, являющееся темой сообщения, актуализировано дополнительным детерминативом, лишаящим R универсальности, а, следовательно, и неотчуждаемости, и конструкция обладания становится невозможной, ср. словц. *Oči mala plné slz* — **Vel'ké zelené oči mala plné slz* / русск. *Глаза у нее были полны слез* — **Большие зеленые глаза у нее были полны слез*. Наличие «отчуждающего» атрибута обуславливает необходимость Pron_{poss}, восстанавливающего посессивные связи, и оформление всей конструкции по бытийному типу: словц. *Jej veľké zelené oči sú plné slz* (JT 116) / русск. *Ее большие зеленые глаза полны слез*.

Бытийные конструкции предпочтительны также при сравнении, особенно в словацком (который из рассматриваемых здесь 'иметь' — языков более других тяготеет к бытийным конструкциям) ср. словц. *Jego ruku boli ako krieda* (JT 150), и при генерализованном употреблении имен Ps и R (т. е. если темой сообщения является концепт R, а не денотат), ср. польск. *Głowa kota domowego jest okrągła, kształtna, o silnie rozwiniętych szczękach przystosowanych do chwytania zdobyczu* (Sl. p. VIII—1055). Если бы указанные признаки являлись особенностью конкретного денотата, то в западнославянских языках использовалась бы модель C¹, а в русском — модель с у-локализатором, ср. польск. *Mój kotek ma okrągłą, kształtną głowę...* / (русс. *Голова у моего кота (*голова моего кота) круглая, правильной формы...* Можно сделать заключение, что бытийные конструкции западнославянских языков и русские бытийные конструкции без у-локализатора, служащие для описания объекта обладания как самостоятельной сущности, отличаются от соответствующих конструкций с глаголом обладания и русских бытийных конструкций с у-локализатором отсутствием эмпатии, что подтверждается, в частности тем, что бытийные конструкции употребляются в 'иметь'-языках чрезвычайно редко, если Ps является одним из коммуникантов, ср. словц. *Jego ruku sú ako krieda* — *Mám ruku ako krieda* (**Moje ruku sú ako krieda*).

Приведенный выше краткий анализ конструкций обладания с именами частей тела позволяет высказать ряд соображений о свойствах имен абсолютно и относительно неотчуждаемых объектов в сравнении с отчуждаемыми. Для этого рассмотрим некоторые конструкции польского и русского языков:

- (1) (?) *У Петра есть волосы*
(?) *Piotr ma włosy*
- (2) *У Петра есть усы*
Piotr ma wąsy
- (3) *У Петра есть карандаш*
Piotr ma ołówek
- (4) *У Петра (*есть) черные волосы*
Piotr ma czarne włosy
- (5) *У Петра (?есть) черные усы*
Piotr ma czarne wąsy
- (6) *У Петра есть черный карандаш*
Piotr ma czarny ołówek
- (7) *Волосы у него черные*
Włosy ma czarne
- (8) (?) *Усы у него черные*
(?) *Wąsy ma czarne*
- (9) **Карандаш у него черный*
**Ołówek ma czarny*

- (1') *У Петра нет волос*
Piotr nie ma włosów
- (2') *У Петра нет усов*
Piotr nie ma wąsów
- (3') *У Петра нет карандаша*
Piotr nie ma ołówka
- (4') **У Петра нет черных волос*
**Piotr nie ma czarnych włosów*
- (5') (?) *У Петра нет черных усов*
(?) *Piotr nie ma czarnych wąsów*
- (6') *У Петра нет черного карандаша*
Piotr nie ma czarnego ołówka

По-видимому, в языковом сознании существует некий эталон (концепт человека, животного и т. п.) (Ps^c), обладающий набором абсолютно неотчуждаемых элементов, в частности, абсолютно неотчуждаемых частей тела: R₁^c, R₂^c, . . . R_n^c. Любое называемое лицо предполагается а priori соответствующим этому эталону. Информативным может быть лишь сообщение об отсутствии некоторого R у данного конкретного Ps (конструкция 1') и о признаке R, характерном для данного Ps (4). Таким «априорным знанием» о Ps объясняется возможность построения конструкций типа (7) с инициальной позицией имени R, называемого впервые, при том, что построение конструкций типа (8) возможно только в рамках широкого контекста, из которого следует, что Ps обладает данным типом относительно неотчуждаемого или отчуждаемого R.

Парадигматическими связями соответствующих концептов в картине мира объясняется невозможность (проблематичность) употребления имен абсолютно неотчуждаемых объектов в частных утвердительных высказываниях без атрибута (1) в отличие от конструкций с именами относительно неотчуждаемых (2) и отчуждаемых (3) объектов. По-видимому, такое употребление возможно только при сильной эмпазе, в частности, при сравнении: *У Петра еще есть волосы, а у Павла уже совсем не осталось; Руки у тебя есть, сам можешь все исправить.*

Сопоставление русских и польских утвердительных атрибутивных конструкций с именами абсолютно неотчуждаемых объектов (4) показывает, что глагол 'иметь' не является здесь полнозначным, как и русская нулевая связка. С точки зрения актуального членения словосочетание (А — R) здесь неоднородно: R (как и Ps) относится к теме, а ремой является только атрибут (что наглядно иллюстрируется обоими типами атрибутивных моделей, см. выше), ср. (?) *У Петра есть волосы* (рема — R) — *У Петра черные волосы* (рема — А). Именно этим обстоятельством объясняется невозможность отрицательных конструкций с атрибутом типа (4'), поскольку в соответствующих отрицательных конструкциях именно рема должна отрицаться, ср.:

(?) *У Петра есть волосы*
У Петра черные волосы

У Петра нет волос
 **У Петра нет черных волос*
У Петра волосы не черные, а рыжие.

Однако при сильной эмфазе (актуализации с помощью определенных детерминативов, сравнении) конструкции типа (4') могут встречаться, но и в этом случае в них сообщается об отсутствии признака, а не части тела:

а) при сопоставлении разных Ps путем сравнения принадлежащих им соответствующих R: чеш. *Pravda, nemá ještě tak naběhlé žíly a uzlované klouby jako ti ostatní* (КС 10) / русск. *Правда, у него пока нет вздутых вен и узловатых суставов, как у остальных* (КЧ 282);

б) при сопоставлении Ps с самим собой на разных временных отрезках; при этом обязательно притяжательно-возвратное местоимение, указывающее на то, что сопоставляемый элемент принадлежал когда-то Ps: польск. *Hanka, mimo to że nie miała swoich wspaniałych włosów, była chyba jedyną która wyglądała możliwie z ogoloną głową* (KŻ 23). «Ханка, хотя у нее уже не было ее великолепных волос, была единственной среди нас, кто выглядел терпимо со стриженной головой» (т. е. у нее волосы были длинные, а стали короткие).

Если в атрибутивной конструкции с именем абсолютно неотчуждаемого объекта предикат все же имеет значение обладания (или, соответственно, бытия), это свидетельствует о том, что такой объект в данном контексте лишен значения абсолютной неотчуждаемости, как, например, в случае, когда речь идет о признаке не всей части тела, а только ее части, ср. польские и русские конструкции:

Anna ma czarne włosy

У Анны черные волосы
У Анны седые волосы (все)

Anna ma siwe włosy

У Анны есть седые волосы
 (отдельные)

Anna nie ma siwych włosów

У Анны нет седых волос

**Anna nie ma czarnych włosów*

**У Анны нет черных волос*

Сопоставление польских и русских утвердительных конструкций показывает, что русский язык, различающий собственно бытийные и таксономические предложения [4], дифференцирует понятие части тела как абсолютно неотчуждаемого объекта, представляющего собой нечленимый элемент в смысле его физической и функциональной связи с лицом, и некоторой случайной, не связанной функционально с лицом части этого объекта, не имеющей соответствующего аналога-концепта в картине мира. Польский язык, как и другие 'иметь'-языки (ср. чеш. *Má šedivé vlasy*; словц. *Má sivé vlasy* «У него седые волосы / У него есть седые волосы»), не располагает средствами для такой дифференциации.

Невозможность конструкций типа *Anna nie ma czarnych włosów* показывает, что русские и польские конструкции типа *Anna nie ma siwych włosów* имеют только один смысл («Среди волос Анны нет седых»).

Конструкции с именами отчуждаемых объектов (3), (6), (3'), (6'), являются конструкциями обладания в полном смысле слова, глагол обладания выступает в них как полнозначный, как и русский глагол *быть*.

означающий существование R (например, карандаша, черного карандаша) в пространстве Ps.

Конструкции с именами относительно неотчуждаемых объектов занимают промежуточное положение между конструкциями с именами абсолютно неотчуждаемых и отчуждаемых объектов. С одной стороны, они содержат сообщение о наличии R, обязательность которого для данного Ps не предполагается концептуальными связями. Это свойство отражается в утвердительных и отрицательных конструкциях без атрибута, аналогичных конструкциям с именами отчуждаемых R / ср. (2) и (3), (2') и (3') /. С другой стороны, речь идет здесь о части тела, наличие которой у взрослого лица мужского пола является вполне вероятным, поэтому в конструкциях с атрибутом основная рематическая нагрузка падает на атрибут, и такие конструкции близки к конструкциям с именами абсолютно неотчуждаемых R / ср. (5) и (4), (5') и (4') /. Маловероятность глагола *есть* в русской конструкции (5) показывает, что предикат в конструкциях (5) выполняет, по-видимому, чисто связочные функции, указывая на таксономические отношения. По этой причине (отрицаться должен скорее признак, чем объект) проблематичны конструкции типа (5'), однако их нельзя признать полностью невозможными, ср.: *Петр — это тот, у кого черные усы? — Нет, у него нет черных усов* (наличие части тела отрицается вместе с ее признаком); такого рода контексты невозможны для имен абсолютно неотчуждаемых R, ср.: *Петр — это тот, у кого черные волосы? — *Нет, у него нет черных волос* (надо: *Нет, у него волосы не черные, а рыжие*).

Категория неотчуждаемости не имеет специального грамматического показателя в славянских языках. Подобно категории определенности-неопределенности [5], она функционирует в языке как скрытая категория, невидимый механизм, управляющий семантико-синтаксической структурой предложения.

II. Модели конструкций с глаголами действия

Среди элементарных моделей конструкций с глаголами действия следует различать элементарные модели элементарного действия и элементарные модели комплексного действия. При этом элементарным действием мы называем такое, которое может быть осуществлено только самим Ps с участием одного R, например, *X открыл глаза*; комплексным действием мы называем такое, которое требует участия более чем одного R, и поэтому в принципе может быть осуществлено не самим Ps, а некоторым другим лицом (предметом или субстанцией) отличным от Ps. Комплексное действие может быть выражено как элементарной, так и комплексной моделью: *X вытер лицо — X вытер лицо руками, X содрал кожу — X содрал кожу на колене*.

II.1. Элементарные модели элементарного действия

Элементарное действие («прямое телесное действие» по А. Вежбицкой), выражаемое прямообъектной элементарной моделью $Ps_S - V - R_{Od}^{act}$, совершается Ps при участии его части тела R, играющей в этом действии активную роль и в то же время являющейся пациенсом действия. Поэтому в модели такого рода могут входить только переходные глаголы, семантика которых тесно связана со свойствами и функциями части тела, участвующей в действии. Отличительной чертой действий, выражаемых прямообъектной моделью, является их однонаправленность, в отличие от элементарных действий, выражаемых инструментальной моделью, ср. *вытянуть руку — махнуть рукой*. В табл. 1 приводятся наиболее характерные элементарные действия частей тела, выражаемые элементарными прямообъектными моделями.

Как видно из таблицы, некоторые предикаты, относящиеся к одной и той же части тела, оказались помещенными одновременно в несколько колонок, соответствующих различным аспектам движения данной части тела. Наибольшим разнообразием характеризуются конструкции с именем руки — наиболее активно функционирующей части тела.

Элементарными действиями следует считать также и такие, которые сопряжены с перемещением части тела в некоторое пространство, соприкосновением ее с каким-либо посторонним предметом, или, наоборот, удалением части тела из некоторого пространства (предикаты «вложить», «всунуть», «приложить» / «вытащить» и т. п.): польск. *Chodził ciężkim, mozolnym krokiem, jakby wyciągał stopy z błustego błota* (SW 57); *Standa strká hlavu do té černé díry <do chodby>* (КС 333) / русск. *Станда просовывает голову в черную дыру <в штрек>* (КЧ 333). При этом если часть тела перемещается вместе с другой, частью которой она является, то такое действие осознается языковым менталитетом рассматриваемых языков как элементарное, ср. польск. *Przyłożył ucho do ściany*; чеш. *Přiložit ucho na dveře* и т. п. Подобным же свойством, по утверждению А. Вежбицкой [3, р. 321, 324], обладают испанский и итальянский языки в отличие от французского, который расценивает такое действие как комплексное, что выражается в обязательности притяжательного местоимения при имени части тела: *Pierre pressait son (*le) nez contre la fenêtre* (ср. *Pierre a levé la tête* — прямое телесное действие, не требующее указания на принадлежность части тела агенту).

К предикатам, означающим соприкосновение части тела с объектом внешнего мира, относятся такие предикаты как «подавать» (руку), «подставить» (ногу) и т. п.; при этом акция подавания руки посессором Ps^1 предполагает и другого агента — посессора Ps^2 , совершающего необходимое в данном случае встречное действие. Такое взаимное элементарное действие в западнославянских языках выражается элементарной взаимно-возвратной моделью: $(Ps^1 \& Ps^2)_S - V - \text{Pron}_{\text{refl}} - R_{\text{od}}^{\text{act } 1, 2} \rightarrow Ps^1_S - V - R_{\text{od}}^{\text{act } 1} - Ps^2_{\text{oi}} \& Ps^2 - V - R_{\text{od}}^{\text{act } 2} Ps^1_S$, ср. польск. *X i Y podali sobie ręce* \rightarrow *Y podał rękę Y-owi & Y podał rękę X-owi*.

В русском языке такое взаимно-возвратное значение передается сочетанием *друг другу*, ср. *Противники подали друг другу руки*.

Представляется существенным, что подобные элементарные конструкции близки к фразеологизмам, поскольку они обозначают привычные («рутинные» в терминологии А. Вежбицкой) действия, тесно связанные с той частью тела, которая их выполняет, и абстрагирующиеся в языковом сознании от конкретного посессора-агента, ср. использование подобных конструкций в безличных оборотах без указания на Ps -агента: словц. *Carlini ho dokonca naučil, ako se podáva ruka* (JT 247).

К элементарному типу рассматриваемые языки относят также действия, связанные с естественной сменой верхнего покрова (кожа, панцирь) у некоторых животных, ср. польск. *Po obudzeniu się gašieniczki zrzucają skórkę* (Sl. p. VIII — 330); чеш. *Nad svlékl kůži*; *Rak svléká krunýř* (Sl. č. III — 638).

Важно отметить, что все вышеприведенные конструкции характеризует согласованность по рефлексивности между агентом и пациенсом, что достигается семантико-синтаксическими параметрами таких конструкций, а именно сочетанием синтаксической структуры с соответствующей семантикой предиката и имени объекта, ср. *X открыл глаза* (свои) — *X открыл дверь* (какую-то), *X поднял руку* (свою) — *X поднял груз* (какой-то). Любая согласованная по рефлексивности конструкция представляет собой семантико-синтаксическое единство, включающее имена Ps и R посессивные отношения между ними и означающее некоторый процесс, общий для Ps и R , ср. *Он поднял руку* (конструкция, согласованная по рефлексивности) — *Он увидел свою руку* (конструкция, не согласованная по рефлексивности и требующая в силу этого притяжательного местоимения, указывающего на наличие посессивных отношений между данными Ps и R).

Таким образом, для синтаксической модели $Ps_S - V R_{\text{od}}^{\text{act}}$ может быть предложена следующая семантическая репрезентация: « Ps совершает действие с R при участии самого R и только этого R . При этом R мыслится как часть Ps , а событие — как имеющее отношение не только к R , но и к самому Ps ».

Поскольку указанные модели применяются для выражения действия.

Часть тела	Движение в вертикальном направлении	Движение в горизонтальном направлении	Встречные движения парных частей тела	Движения типа «согнуть», «сжать», «сморщить»/«разогнуть», «разжать»
Голова	<p>р. поднять/опустить, наклонить, склонить голову</p> <p>п. podnieść/pochylić, skłonić głowę</p> <p>ч. zvednout, vzpřímit/schylit, sklopit hlavu</p> <p>с. zdvihnúť/sklonit', sklopiti' hlavu</p>	<p>р. повернуть голову</p> <p>п. odwrócić, obrócić głowę</p> <p>ч. otočit, obrátit hlavu</p> <p>с. otožit', obrátiť hlavu</p>		
Глаза (веки и т.д.)	<p>р. поднять/опустить глаза (веки, ресницы), открыть/закрыть глаза</p> <p>п. otworzyć, podnieść/zamknąć, opuścić oczy, spuścić powieki</p> <p>ч. zvednout, otevřít/sklopit, přivřít oči</p> <p>с. zdvihnúť, otvorit'/sklopiti', zavrieť' oči</p>	<p>р. зустрімити/ответити (взгляд)</p> <p>п. ułkwić/odwrócić oczy</p> <p>ч. upřít/odvrátit, odtrhnout oči (pohled)</p> <p>с. upriet'/obrátiť, odtrhnúť oči (pohl'ad)</p>		<p>р. открыть, вытаращить/закрыть, зажмурить глаза</p> <p>п. otworzyć, wytrzeszczyć/zamknąć, zmrużyć oczy</p> <p>ч. otevřít, vytréstít/přivřít, zamhouřit oči</p> <p>с. otvorit', vytréstít'/zavrieť, zaimúrit' oči</p> <p>р. открыть/закрыть рот, сжать, стиснуть губы</p> <p>п. otworzyć/zawrzeć, scisnąć usta</p> <p>ч. otevřít/zavřít, zatít ústa</p> <p>с. otvorit'/zavrieť, zat'at', zasknúť' ústa (pery)</p>
Губы (рот)	<p>р. открыть/закрыть рот</p> <p>п. otworzyć/zawrzeć usta</p> <p>ч. otevřít/zavřít ústa</p> <p>с. otvorit'/zavrieť' ústa</p>		<p>р. стиснуть губы (целостн)/оскалить губы</p> <p>п. zacisnąć zęby (szczęki)/szczyrzyć zęby</p> <p>ч. zatít zuby (čelisti)/cerit zuby</p> <p>с. zat'at' zuby (čel'usli)/cerit' zuby</p>	
Зубы, челюсти				<p>р. вытянуть челюсть</p> <p>п. wyciągnąć szyję</p> <p>ч. natáhnout krk</p> <p>с. vystriet' krk</p>

Таблица 1 (продолжение)

Часть тела	Движение в вертикальном направлении	Движение в горизонтальном направлении	Встречные движения парных частей тела	Движения типа «согнуть», «сжать», «сморщить»/«разогнуть», «разжать»
Рука	р. поднять/опустить руку (руки) п. unieść/opuścić rękę (ręce) ч. zvednout/spustit ruku (ruce) с. zdvihnúť/spustiť ruku (ruky)	р. вытянуть (вперед) руку п. wyciągnąć rękę (ręce) ч. natáhnout ruku (ruce) с. vystríeť ruku (ruky)	р. скрестить, сцепить/расцепить руки п. skrzyżować, spleść/rozkrzyżować ręce ч. sepnout, zkrřížit/rozeprnout ruce с. zopnúť, skrížiť/rozopnúť ruku	р. согнуть/разогнуть руку (руки) п. zgiąć/wyprostować rękę (ręce) ч. sehnout/narímit ruku (ruce) с. zohnúť/narovnať ruku (ruky) р. сжать/разжать кулак (кулаки) п. zaciśnąć/otworzyć pięść ч. zatít/rozevřít pěst с. zaťat'/rozovřít' pěst' р. вытянуть, выпрямить/согнуть ногу п. wyciągnąć, wyprostować/zgiąć nogę (nogi) ч. natáhnout, narímit/sehnout nohu (nohy) с. vystríeť, narovnať/zohnúť nohu (nohy) р. выпрямить/согнуть туловище (спину) п. wyprostować/zgiąć plecy ч. narímit/srbit hrbet (záda) с. narovnať, vystríeť/zohnúť chrbát
Кулак				
Нога	р. поднять/опустить ногу (ноги) п. unieść/opuścić nogę (nogi) ч. zvednout/spustit nohu (nohy) с. zdvihnúť/spustiť nohu (nohy)	р. вытянуть (вперед) ногу п. wyciągnąć nogę (nogi) ч. natáhnout nohu (nohy) с. vystríeť nohu (nohy)	р. скрестить ноги п. skrzyżować nogi ч. zkrřížit nohy с. skrížiť nohy	
Туловище (спина)				

осуществляемого самим посессором, то они в обычных условиях применимы только к одушевленному посессору (человеку, животному). Однако при персонификации неодушевленных предметов (например, в поэтических текстах) такие модели могут встречаться, ср. польск. *W szarym skwarze usycha miasteczko. Georginie pochyliły głowy (J. Tuwim); Karczochy z ciekawością wystawiają ciemnoniebieskie głowy (K. Chłędowski).*

II. 2. Элементарные модели комплексного действия

Комплексное действие, выражаемое прямообъектной структурой, — это такое действие, которое Ps совершает по отношению к своему R без участия этого R. Поскольку подвергаемая действию часть тела пассивна, то действие должно производиться другой, активной частью тела (инструментом), принадлежащей тому же Ps, однако в принципе активная часть тела может принадлежать и другому лицу. Поэтому может возникнуть необходимость в возвратной клитике (в дательном падеже), указывающей, что некоторое лицо производит действие именно со своей частью тела, ср. *X расцарапал себе руку — X расцарапал руку Y.* (Вообще дательный падеж имени лица при глаголе, не управляющем дательным падежом, указывает на затронутость лица событием, описываемым в предложении, ср. *Ветер дует — Мне дует; Кран починили — Мне кран починили*, где ветер и починка крана затрагивают лицо.)

Можно предположить, что необходимость в возвратной клитике тем больше, чем более вероятно выполнение данного действия другим лицом, отличным от Ps, что, в свою очередь, зависит от характера самого действия, выраженного предикатом в данной конструкции.

Кроме того, некоторые действия, направленные на пассивную часть тела, в частности, действия, совершаемые самим Ps, могут рассматриваться как не затрагивающие Ps. В таких случаях употребляется не возвратная клитика, а притяжательное (а при Ps в роли агенса — притяжательно-возвратное) местоимение, указывающее на наличие посессивных отношений между Ps и R.

Поэтому модели комплексного действия, совершаемого Ps со своей пассивной частью тела, могут быть трех типов:

Тип А. Элементарная невозвратная модель комплексного действия (*X вымыл лицо*). Семантическая репрезентация: «Ps совершает направленное на R^{pass} действие без участия R^{pass} и, вероятно, при помощи R^{act} . При этом R^{pass} мыслится как часть Ps, а действие — как затрагивающее не только R^{pass} , но и самого Ps».

Синтаксическая модель: $Ps_S - V - (R_I^{act}) - R_{O_d}^{pass}$ (R_I^{act} — имя подразумеваемой активной части тела в роли инструмента). Семантико-синтаксическая модель типа А предполагает обратную связь от $R_{O_d}^{pass}$ к Ps_S .

Тип В. Элементарная возвратная модель комплексного действия (*X расцарапал себе лицо* — ср. *X расцарапал лицо Y*). Семантическая репрезентация: «Ps совершает направленное на R^{pass} действие без участия R^{pass} и, вероятно, при помощи R^{act} . При этом R^{pass} мыслится как часть некоего пассивного посессора, фактически тождественного Ps, а действие — как затрагивающее не только R^{pass} , но и Ps».

Синтаксическая модель: $Ps_S - V - R_I^{act} - Pron_{refl} - R_{O_d}^{pass}$. Семантико-синтаксическая модель типа В предполагает обратную связь от $R_{O_d}^{pass}$ к Ps_S через тождественного Ps_S пассивного посессора, выраженного через $Pron_{refl}$.

Тип С. Элементарная местоименная модель комплексного действия (*X рассматривает свое лицо* — ср. *X рассматривает лицо Y*). Семантическая репрезентация: «Ps совершает направленное на R^{pass} действие без участия R^{pass} и, вероятно, при помощи R^{act} . При этом R^{pass} мыслится как часть некоего пассивного посессора, фактически тождественного Ps, а действие — как не затрагивающее R^{pass} , а следовательно, и Ps».

Синтаксическая модель: $Ps_S - V - (R_I^{act}) - Pron_{poss-refl} - R_{O_d}^{pass}$. Семантико-синтаксическая модель типа С не предполагает обратной связи

от R_{Od}^{pass} к тождественному P_{Ss} пассивному посессору, выраженному через $P_{ron_{poss\ ref1}}$.

Выбор типа модели комплексного действия определяется семантикой предиката, при этом релевантными оказываются следующие семантические признаки предикатов: а) сохранение / нарушение отношения между целым и частью; б) при сохранении отношения — наличие / отсутствие деформации части тела; в) при наличии деформации — преднамеренность / непреднамеренность действия; г) при отсутствии деформации — наличие / отсутствие соприкосновения активной части тела с пассивной (тактильность / нетактильность); д) при тактильном действии — характер действия: косметическое / ласкательное; е) при нарушении отношения «часть : целое» — отторжение постоянной (невосстановимой) / отрастающей (восстановимой) части тела.

Исходя из перечисленных выше признаков, можно выделить 6 семантических типов предикатов.

1—2. Сохранение отношения «часть : целое»; отсутствие деформации; нетактильное действие.

1. Пассивная часть тела подвергается перцепционно-презентационному действию (предикаты типа «видеть», «разглядывать»; «показывать»). Подобное действие не затрагивает часть тела, поскольку не производит в ней никаких изменений. Поэтому для выражения такого рода действий обычно используется модель С, ср. польск. *Oglądnęła w lusterku swą miłą buzię* (Sl. p. V — 860); *Stryjek pokazał publiczności swój obandażowany palec* (P).

2. Пассивная часть тела подвергается действию, в результате которого она открывается внешнему миру или, наоборот, заслоняется от него (предикаты типа «открыть», «обнажить» / «заккрыть», «заслонить»). В этом случае на пассивную часть тела оказывается некоторое воздействие, например, накрыть голову платком значит защитить ее от солнца (холода, дождя), заслонить глаза от света значит наложить на них тень, чтобы легче было смотреть и т. п. Поэтому такое действие всегда сопровождается обратной связью от R_{pass} к P_s . В то же время такое действие воспринимается обычно как ординарное, рутинное (человеку свойственно закрывать тело от холода, ветра и т. п.). В польском и русском языках рутинное действие выражается обычно без возвратной клитики (модель А): польск. *zasłonić, zakryć / odsłonić, odkryć twarz (oczy), przykryć głowę, obnażyć ciało* (ramiona). В чешском и словацком языках существует тенденция выражать комплексное действие глаголом с возвратной клитикой (модель В), ср. чеш. *stínit si obličej (před sluncem), zakrýt si oči (před světlem); zastírat (si) oči / odhalit obličej, obnažit krk, hlavu*.

3—4. Сохранение отношения «часть : целое»; отсутствие деформации; тактильное действие.

3. Пассивная часть тела подвергается действию, преследующему косметические или гигиенические цели (предикаты типа «умыть», «намылить», «подкрасить», «почистить», «напудрить», «поправить», «причесать»). Обычно такие действия носят рутинный характер и, по утверждению А. Вежбицкой, близки к «прямому телесному действию» (в нашей терминологии — «элементарное действие»). Поэтому в таких языках, как русский и польский, эти действия, если они не имеют специфических особенностей, выражаются с помощью модели А: польск. *umyć, wumyć, namydlić ręce (twarz); malować usta, pudrować nos, porząwiać włosy*. Рутинные действия, как и прямые телесные действия, могут абстрагироваться в языковом сознании от конкретного P_s и поэтому могут выражаться безличными конструкциями, как, например, во всякого рода рекомендациях, ср. польск. *Tem makiż wyraźnie nawiązuje się do lat 40-tych, nawet można malować usta w taki żab wcięty na górnej wardze* (P). В то же время косметические и гигиенические действия характеризуются меньшей универсальностью, чем прямые телесные действия, и могут существовать социумы, в которых эти действия воспринимаются как необычные, т. е. комплексные, а, следовательно, такие, которые могут быть выполнены не только самим P_s , но и другим лицом по отношению к нему, ср. диалог из «Бани» Маяковского:

«Ундертон: — Сократили. Фосфорическая женщина: — Что это значит? Ундертон: Губы, говорят, красила. Фосфорическая женщина: — Кому? Ундертон: — Себе. ...Фосфорическая женщина: — Не понимаю. Если бы вы кому-нибудь другому, скажем, приходящим за справками на работе красили б, ну, тогда б могли сказать — мешает, посетители обижаются. А так...». В приведенном диалоге одна из собеседниц использовала модель А, другая — модель В для обозначения одного и того же действия, которое, по мнению автора, в 2000 г. должно восприниматься как необычное.

Если гигиеническое действие не носит рутинного характера, а отличается какой-либо спецификой (например, осуществляется в редких случаях или затрагивает не всю часть тела, а некоторый ее участок), то используется модель В, указывающая на комплексность действия и, следовательно, невозможность осуществления его другим лицом по отношению к Рs, ср. русск. *Она накрасила себе брови и ресницы* (обычно она этого не делает); польск. *Piotr umył sobie nogi od kolan w dół* (Р). Чешский и словацкий языки и для обозначения рутинного действия обычно используют модель В: чеш. *umýt si ruce, obličej; namýdlit si ruce, čistit si zuby, malovat si tváře* (rtu, oči).

4. Пассивная часть тела подвергается ласкательному действию, совершаемому механически, бессознательно (предикаты типа «поглаживать», «пощипывать», «почесывать» и т. п.). Обычно при предикатах этого типа для польского и русского языков также характерна модель А, а для чешского и словацкого — модель В: польск. *skubać wąsy* (brodę); *skrobać czoło, gładzić wąsy* (policzki); чеш. *počkrábat si bradu, počkubávat si knír, pohladit si vousy*; словц. *pohladit' si čelo* (vlasy, tvár), *poškriabat' si bradu* (hlavu). Ср., однако польск. *Gładził swój czarny wąsik, rozgarniał swoje długie włosy*: притяжательное местоимение (модель С) здесь, как и во многих других случаях, указывает на наличие атрибута, лишаящего определяемый объект универсальности, а тем самым и неотчуждаемости; чем более специфическое свойство называет атрибут, тем более вероятно употребление притяжательного местоимения, «восстанавливающего» как бы утраченную связь между посессором и объектом.

Если же тактильное действие совершается с целью оказать на себя воздействие, то употребляются аккузативно-посессивные конструкции с именем R^{pass} в локативной позиции, ср. русск. *поглаживать себя по животу* и т. п. (такие структуры остались за пределами нашей статьи).

5. Действие связано с деформацией или каким-либо другим физическим изменением части тела. Пассивная часть тела подвергается преднамеренному или непреднамеренному действию, в результате которого она претерпевает физические изменения (предикаты типа «испортить», «вывихнуть», «отморозить», «свернуть» и т. п.). В чешском и словацком языках используется модель В: чеш. *vyvrtnout si prst* (ruku), *vymknout si kotník, rozbit si koleno* (hlavu), *uříznout si jazyk, odřít si koleno*; словц. *lámat si hlavu* (prsty), *zlomit' si ruku, vytknúť si prst* (nohu).

В русском и польском языках для обозначения действия, совершенного преднамеренно, используется модель В (причем как преднамеренное расценивается также действие, результат которого был бы нежелателен для посессора, но он мог его предвидеть); если же деформация тела является результатом некоторого действия посессора, последствий которого он не предполагал, то используется модель А (т. е. такое действие, не являясь в жизни таким уж редким, может восприниматься и как рутинное), ср. польск. *Posłiznął się na ulicę, upadł i zwichnął rękę* (нечаянно), но: *Ziewali przy tym tak zastraszająco, że pani Barbara mówiła: — Dlaboga, zwichnicie sobie szczękę*; ср. также: *zepsuć oczy* (нечаянно), но: *Mamusia krzyczała, żeby światło gasić, a ja pod kołdrą czytałam, oczy sobie psułam* (посессор предвидел последствия).

Приведенные примеры показывают, что чем выше преднамеренность действия, тем более вероятно выполнение его другим лицом по отношению к посессору и тем более необходимой становится возвратная клитика. В том же направлении возрастает и вероятность совершения соответствующих взаимно-возвратных действий, заключающихся в причинении друг

другу взаимного вреда и выражающихся семантико-синтаксическими моделями:

$$\begin{aligned} Ps_S^1 & - V - R_I^{act\ 1} - Ps_{O_i}^2 - R_{O_d}^{pass\ 2} \\ Ps_S^2 & - V - R_I^{act\ 2} - Ps_{O_i}^1 - R_{O_d}^{pass\ 1}, \end{aligned}$$

ср. польск. *Porozdzierały na sobie odzienie, lby sobie potargały* / русск. *Они разорвали друг на друге одежду, головы друг другу растрепали*.

6. Действие связано с нарушением отношения «часть : целое». Пассивная часть тела подвергается действию, в результате которого она отторгается от тела. Такого рода действия, по экстралингвистическим причинам, совершаются чаще не самим посессором, а другим лицом по отношению к нему, поэтому во всех четырех рассматриваемых языках используется модель В, содержащая указание на то, что действие совершается самим Ps: польск. *odciąć sobie rękę, wyciąć sobie włosy*.

Модель А используется только при обозначении действий, связанных с укорачиванием отрастающих частей тела (волос на голове, усов, ногтей) и осознаваемых как ординарные, рутинные, т. е. такие, которые посессор совершает обычно сам по отношению к себе (даже если это действие на самом деле совершается другим лицом — парикмахером по желанию посессора): польск. *ściąć włosy, zgolić brodę (wąsy), obciąć paznokcie*; чеш. *oholit vousy*, но: *ostříhat si nehty (vlasy, vousy)* (бритье «более рутинно», чем стрижка). Отращивание волос также выражается, как правило, моделью А, но для отращивания бороды может использоваться и модель В, поскольку отращивание волос связано только с изменением длины, а отращивание бороды — с возникновением нового объекта, т. е. с изменением отношения «часть : целое», ср. русск. *Он был одет казаком, отрастил себе бороду* (Пушкин).

Для обозначения специфического действия также используется модель В: польск. *Pan Anastazy ostrzygł sobie włosy przy samej skórce* (Sl. p. V — 1175) (указываются пределы действия, ср. аналогичные примеры с гигиеническими действиями).

Таким образом, в польском и русском языках модель А используется в тех случаях, когда действие, осуществляемое посессором по отношению к своей пассивной части тела, имеет характер привычного рутинного действия, которое посессор обычно в состоянии проделать самостоятельно и с пользой для себя. Модель В используется тогда, когда посессор производит со своей пассивной частью тела действие, для которого более характерно выполнение его другим лицом, однако если из контекста следует, что посессор совершил такое действие непреднамеренно или не предвидел его результатов, то уже нет необходимости указания на него как на производителя действия (с помощью возвратной клитики).

Чешский и словацкий языки в подавляющем большинстве конструкций используют модель В; видимо, в этих языках главным фактором при оформлении таких структур является комплексность действия, наличие в нем обратной связи от объекта к посессору. Это, как кажется, связано с высокочастотным употреблением возвратной клитики при всех глаголах, которые обозначают действие, результат которого сказывается на самом посессоре: чеш. *uvařit si polévku, koupit si knihu, prohlédnout si časopis*.

Итак, объектом действия в элементарных прямообъектных моделях является часть тела, которая может играть активную и пассивную роль. В первом случае имеет место прямое телесное (элементарное) действие, в котором принимает участие и сам посессор, и его активная часть тела. Такое действие может быть осуществлено только самим Ps, оно не оказывает на него обратного действия (не имеет обратной связи). Во втором случае Ps (с помощью не называемой в конструкции активной части тела — инструмента) совершает действие, направленное на свою пассивную часть тела и испытываемое самим Ps (обратная связь). Поскольку такое действие может быть совершено не только самим Ps, но и другим лицом по отношению к нему, то для указания на Ps-агента может быть использована возвратная клитика, выражающая обратную связь между пассивной частью тела и посессором. Необходимость в возвратной клитике зависит

от характера действия, в большей или меньшей степени предполагающего выполнение его внешним агентом, а также ст свойств данного языка, в большей или меньшей степени склонного избегать конструкций с неустойчивой согласованностью по рефлексивности [6].

Сокращенные обозначения источников

- JS — *Smetanová J.* Koncert pod platanem. Praha, 1960.
JT — *Tallo J.* Vlasy Bereniky. Bratislava, 1961.
КС — *Čapek K.* První parta. Praha, 1958.
КЧ — *Чанек К.* Сочинения. Т. 5. М., 1958.
КЖ — *Żywulska K.* Przeżyłam Oświęcim. Warszawa, 1965.
Р — Przekrój.
SW — *Wygodzki S.* Basy. Warszawa, 1965.
Sl. č. — *Slovník spisovného jazyka českého.* Praha, 1958—1971.
Sl. p. — *Słownik języka polskiego.* Wrocław e. a. 1958—1969.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головачева А. В. К вопросу о содержательном аспекте категории посессивности. — В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М., 1983, с. 19—26.
2. Головачева А. В. К вопросу о соотношении категорий неотчуждаемости и определенности. — В кн.: Славянское и балканское языковедение. М., 1986, с. 192—201.
3. *Wierzbicka A.* Ethno-syntax and the philosophy of grammar. — *Studies in Language*, vol. 3, 1979, No. 3, p. 313—383.
4. *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983, с. 87.
5. Головачева А. В. Индивидуализация и идентификация в анафорических структурах. — В кн.: Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979, с. 202.
6. Головачева А. В. Семантико-синтаксический способ выражения категории посессивности. — В кн.: Структура текста — 81. Тезисы симпозиума. М., 1981, с. 8—13.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО СЛОВАРНОГО СОСТАВА

В настоящее время вышло уже двенадцать выпусков «Этимологического словаря славянских языков» [1], в которых с большой полнотой представлена праславянская лексика на алфавитном отрезке от *а до *kroma. По мере публикации словаря в печати, естественно, появляются новые лексикографические источники и этимологические исследования, содержащие, в частности, материал, по тем или иным причинам не учтенный в [1]. В связи с этим правомерна задача выявления данных, которые могут рассматриваться как дополнения к основному корпусу [1]. Некоторые исследователи уже обращались к этой теме: так, В. А. Меркулова указала немало существенных дополнений, почерпнутых из новых источников по восточнославянским языкам и относящихся к первым пяти выпускам названного словаря [2].

Предлагаемые ниже материалы представляют собой дополнения к [1], обнаруженные в вышедших томах нового болгарского этимологического словаря [3]. Решающим для автора этих строк было в данном случае то обстоятельство, что [3], как уже отмечалось рецензентами [4], является не только этимологическим словарем *stricto sensu*, но и ценным собранием диалектной лексики, значительная часть которой опубликована впервые.

В предлагаемый ниже перечень включены как континуанты праславянских лексем, не вошедшие в [1] (среди них — соответствия, образующие изоглоссы редкой или значимой для праславянского диалектного членения конфигурации), так и некоторые лексемы, находящиеся за пределами охваченного пока [1] алфавитного отрезка, но имеющие самостоятельную этимологическую ценность.

*badъ [1, вып. 1, с. 122]: *bad* 'острие палки, которой погоняют волов' (с пометой СЗ) [3, т. 1, с. 62]. Наличие данной параллели, видимо, позволяет разрешить сомнения в [1] относительно древности образования и рассматривать *badъ как южнославянскую инновацию.

*badъль [1, вып. 1, с. 122—123]: *bádli* 'колючки ежа; шипы на колючем кусте' (с пометой СЗ) [3, т. 1, с. 62]. Общее южнославянское образование. Возможно, праславянским является и упоминаемое в [3] *bádlje* 'острые наросты во рту коровы, препятствующие пережевыванию корма' < *badъльje (?).

*balama (в [1] не представлено): *bálaма* 'глупый, наивный человек' [3, т. 1, с. 28] соответствует русск. диал. *баламá* 'непостоянный, пустой и болтливый человек' [5, с. 71]. Форма *bálaма*, ввиду русской параллели, едва ли из цыганского, вопреки [3]. Не исключена связь *balama с *balamotъ см. [1, вып. 1, с. 145; 6, с. 75] (о русском слове).

*banъka/*banъka [1, вып. 1, с. 152—153]: *bánъka* 'речка, ручей' (Банско), *bánka*, *bánъka*, уменьш. от *bánja*, МН *Bánъka* (Софийско), *Bánките* [3, т. 1, с. 32]. Интересна оригинальная и, возможно, архаичная семантика формы *bánъka*.

- **barĵe* [1, вып. 1, с. 160]: РН *Барѣ* [3, т. 1, с. 34]. Как апеллатив за-
свидетельствовано в сербохорватском и словенском.
- **basnica* [1, вып. 1, с. 161]: *бáсница* [3, т. 1, с. 35]. Образует сепарат-
ную изоглоссу с чеш. *básnice* 'сказочница, сказительница'.
- **berzovica* [1, вып. 1, с. 205]: МН *Брѣзовица* [3, т. 1, с. 76].
- **berzĵe* [1, вып. 1, с. 208]: МН *Брѣзѣ* [3, т. 1, с. 76].
- **berzĵnikъ* [1, вып. 1, с. 208]: МН *Брѣзник* [3, т. 1, с. 76].
- **bĕlolicъ(jъ)* [1, вып. 2, с. 71—72]: *белолѣца* 'белолицая женщина'
[3, т. 1, с. 109], субстантивированное прилагательное ж. р.
- **blĕdota* [1, вып. 2, с. 111]: *бледотá* 'бледнота, бледность' [3, т. 1,
с. 54]. Представлено также в словенском и украинском.
- **blĕdica* [1, вып. 2, с. 110]: *блѣдица* 'туберкулез' (Крива Паланка)
[3, т. 1, с. 55]. Изоглосса, объединяющая южнославянский с полабским
(о полаб. *bledaičǎ* 'бледность; человек с бледным лицом' см. еще [7,
с. 36—37]).
- **blĕzъpъсь* [1, вып. 2, с. 123]: *близнѣцъ* 'близнец' [3, т. 1, с. 56].
- **bobovina* [1, вып. 2, с. 143]: *бобовика* 'бобовая солома' [3, т. 1, с. 59].
- **bobrovina* [1, вып. 2, с. 144]: *бббровина* 'бобровая струя' [3, т. 1,
с. 60].
- **bobovъška* (в [1] не представлено): *бобошка* 'растение *Lamium macu-
latum*' [3, т. 1, с. 60]. Ему соответствует русск. диал. *бобшжа* 'комоч не-
промешанной муки, который получается при замешивании теста' [8,
с. 59]. Аналогичную мотивацию ('крапива' ← 'нечто круглое'), осно-
ванную на внешнем виде частей растения, ср. в болг. *катушка*. Вариант
последнего — *бобушка* — вместе с с.-хорв. *бобушка* 'зеленый сладкий пер-
ец' продолжает параллельное образование **bobuŝka* [1, вып. 2, с. 147—
148].
- **boŝiti (se)* [1, вып. 2, с. 151]: *боŝи се* 'глядеть по сторонам, озирать-
ся' (Брезнишко) [3, т. 1; с. 64].
- **boŝpъ(jъ)* [1, вып. 2, с. 151]: *ббчен* 'боковой' [3, т. 1, с. 64].
- **bogovati* [1, вып. 2, с. 160]: *богувам* 'жить привольно, в довольстве'
[3, т. 1, с. 60]. Аналогичное значение имеется, видимо, только у с.-хорв.
богдвати.
- **bogovъ(jъ)* [1, вып. 2, с. 160]: *ббговъ* 'божий' [3, т. 1, с. 60].
- **boĵakarъ* [1, вып. 2, с. 234—235]: *букаръ* 'нехолощенный кабан' (Скре-
батно, Гоцделчевско) [3, т. 1, с. 87]. Корневое -у-, вероятно, из безудар-
ного -р-. Праславянское слово может претендовать на значительную древ-
ность, так как представлено, в сущности, только в периферийных диалек-
тах: полаб. *boĵkār* 'выпь', русск. диал. *букаръ* 'насекомое'. В плане се-
мантики ср. аналогичные соотношения между слав. **bukъ* и лит. *būkas*
'выпь'.
- **bolboliti* [1, вып. 2, с. 170]: *блббля* 'шуметь' (о воде); 'неясно гово-
рить' [3, т. 1, с. 52]. Насколько известно, это единственное южнославян-
ское отражение данного глагола.
- **bol'eslavъ* [1, вып. 2, с. 186]: ЛИ *Болѣслав* (Петричко, Пазарджиш-
ко) [3, т. 1, с. 65].
- **bolъnica* [1, вып. 2, с. 182]: МН *Блáтница* [3, т. 1, с. 54].
- **brodъpъ(jъ)* [1, вып. 3, с. 38]: *брбден* 'относящийся к броду' [3, т. 1,
с. 80].
- **budimigrъ* [1, вып. 3, с. 76]: ЛИ *Будимѣр* [3, т. 1, с. 86].
- **bulica* [1, вып. 3, с. 93]: *булица*, деминутив от *була* [3, т. 1, с. 88].
Общее южнославянское слово.
- **buĵlivъ(jъ)* [1, вып. 3, с. 100]: *бурливъ* 'бурливый, бурный' [3, т. 1,
с. 92].
- **buĵzъсь* [1, вып. 3, с. 139]: *бързѣцъ* 'западный или северо-западный ве-
тер; курок ружья' (Севлиево и др.) [3, т. 1, с. 102]. Общее южнославян-
ское слово.
- **buĵzina* [1, вып. 3, с. 143]: *бъзина* 'бузина' [3, т. 1, с. 97].
- **buĵzati* [1, вып. 3, с. 170]: *бръжди* 'издавать шум, шуметь' [3, т. 1,
с. 83] с экспрессивным -жд- на месте -ж-? Сепаратная изоглосса объединяет

это слово с отмеченным в [1] как уникальное отражение н.-луж. *beržeš* 'чирикать, свиристеть'.

**dařina* [1, вып. 4, с. 190]: *dářina* 'большой белый платок с расшитыми углами' (Дебрско) [3, т. 1, с. 319]. Образует изоглоссу со словенским и русским.

**dařьль(ь)* [1, вып. 4, с. 193]: только в форме ср. р. в сочетании *dá-reno хорб* 'вид свадебного хора, который водят при раздаче подарков' (Беброво, Еленско) [3, т. 1, с. 319].

**divati* (se) [1, вып. 5, с. 31]: аргогич. *divam* 'знать' (Янче, Тетовско; Кривоपालанско) [3, т. 1, с. 384]. Предлагаемое в [3] объяснение из алб. *di* 'то же' встречает трудности словообразовательного характера, что не позволяет принять это объяснение. Как континуант **divati divam* имеет соответствия только в западнославянском.

**dobriti* (se) [1, вып. 5, с. 41—42]: *dobřja se* 'мириться' (Тетевен) [3, т. 1, с. 403].

**dol'an(in)ь* [1, вып. 5, с. 63]: МН в Греции и Албании — *Δολιανοί, Dolani*. Этот этноним и топоним неизвестен, видимо, только в восточнославянском.

**domovъ(ь)* [1, вып. 5, с. 71]: *домов, домови* 'домовый' [3, т. 1, с. 410].

**dogъ, *dori* (?) (в [1] не представлено): весьма проблематичная реконструкция, предполагающая пересмотр этимологии Ст. Младенова для *дорѹ* 'вплоть до, даже' < **дожи*, ср. [3, т. 1, с. 413], где указываются еще *дорѹ, дорѹм, дурѹ, дор* то же. Ввиду укр. диал. *дор* 'очень' мы склонны видеть здесь — в целом, вслед за [9, S. 47] — сложение **do* с частицей, этимологически тождественной н.-е. **г / -г*, выступающей, в частности, в балтийском (ср. лит. *kuř* 'где', *dařař* 'теперь' и т. п.). В таком случае, обращает на себя внимание полный параллелизм в парах слав. **do* 'до' — лит. *dá* 'еще', слав. **dogъ, *dori* — лит. *dář* 'еще'. О лит. *dář* см. [10, S. 78].

**dorga* [1, вып. 5, с. 74—75]: *дрáга* 'покатое место, уклон' (Болетино, Рекаанско) [3, т. 1, с. 418]. Вместе с с.-хорв. *dràga* 'долина', словен. *drága* 'ров, канава, межа, горное ущелье' отражает, как принято считать [11, S. 312], архаичное значение слав. **dorga*.

**dořьль(ь)* [1, вып. 5, с. 98]: редк. *dořben* 'дубовый (лес)' [3, т. 1, с. 453].

**drěкъ* [1, вып. 5, с. 108]: *дрэка* в выражении *стаде цел дрека* 'сильно вырос, вымахал' (Трынско) [3, т. 1, с. 424]. Лексема неизвестна восточнославянскому.

**driskъ(ъ)а/*dristъ(ъ)а* (в [1] не представлено): *дрѹсьльо, дрѹсьла* [3, т. 1, с. 428] и соответствующее ему укр. диал. *дрѹсьля* 'понос; растение *Galium verum* L.' *дрѹшьля* 'понос'.

**d(ъ)veka(ь)*: в [1, вып. 5, с. 188—189] находим лишь реконструкцию **d(ъ)veka*, слово, обозначающее различные виды вязкой, тестообразной массы, убедительно истолкованное В. А. Меркуловой [12] как производное числительного **d(ъ)va*, что мотивируется образом повторного пережевывания пищи. Фактически же **d(ъ)veka* есть лишь субстантивированная форма ж. р. прилагательного **d(ъ)veka(ь)*, как это следует из зафиксированного в [3, т. 1, с. 324] порядкового числительного *двэки* второй. Таким образом, **d(ъ)veka*, действительно, повторно пережеванная — буквально, вторая — пища.

**dьrtъ* (в [1] не представлено): *дэрт* 'старый' (пренебр. о человеке или вещи) [3, т. 1, с. 465] соответствует с.-хорв. *дрт* 'физически слабый'. Соотносительно с **dьrtъ* [1, вып. 5, с. 227].

**elepъ(ь)* [1, вып. 6, с. 20—21]: форма ж. р. в МН *Елэня бэра* [3, т. 1, с. 490].

**eľъапъ(ь)* [1, вып. 6, с. 25]: МН *Елшани* (Охридско) [3, т. 1, с. 493]. Остальные формы — исключительно восточнославянские.

**eľъъje* [1, вып. 6, с. 26]: МН *Елшье* (Свогенско), *Елшьие, Елшьье* (Трынско) [3, т. 1, с. 493].

**e zeriņa* [1, вып. 6, с. 33]: МН *Езерина* [3, т. 1, с. 462].

**e zerišče* [1, вып. 6, с. 33]: МН *Езерище, Езерища* [3, т. 1, с. 462].

*gaľatъ(jь) [1, вып. 6, с. 91]: субстантивированное прилагательное ж. р. *gáľata* 'вид винограда' [3, т. 1, с. 226] образует сепаратную изоглоссу с чеш. *halatý* 'полуголый'. Лексема *gáľata*, видимо, характеризует особенности данной разновидности винограда, ср. аналогичную мотивацию в других названиях растений, например, с.-хорв. *gòlica* 'безостая пшеница; сорт гладких персиков'.

*gan'ati [1, вып. 6, с. 100]: аргогич. *gánam* 'носить, подгонять', *ганам си* 'идти' [3, т. 1, с. 229], вероятно, исходящее из варианта *ganati.

*głomozъ [1, вып. 6, с. 137—138]: *гломбоз* 'стадо, толпа' (Видинско) [3, т. 1, с. 251] с ошибочным объяснением из рум. *glomoz*, которое само из славянского.

*gomotiti (в [1] не представлено): *гамбтя* 'бранить, ругать' (Коларовград) [3, т. 1, с. 229] и соответствующее ему русск. *гомотить* 'шуметь' [13, с. 355].

*gonica [1, вып. 7, с. 22]: *гоница* 'корова после случки' (Никополско) [3, т. 1, с. 263].

*gor(')акъ [1, вып. 7, с. 31]: *горяк* 'простак, горец' [3, т. 1, с. 264]. Восточнославянскому известно лишь укр. диал. *горяк* 'вид удара мячом'.

*gręzъpъ(jь) [1, вып. 7, с. 126]: название долины *Грезен* [3, т. 1, с. 278].

*grozdъpъ [1, вып. 7, с. 147]: *грбзден* 'виноградный' [3, т. 1, с. 284].

*gruzъ/*gruza [1, вып. 7, с. 158] (реконструируется только *gruzъ): *груза* 'ком' (Пазаржиско) [3, т. 1, с. 286].

*gvoľdъpъ(jь) [1, вып. 7, с. 186]: *гвозден* 'гвоздевой' [3, т. 1, с. 234].

*gъmota [1, вып. 7, с. 193]: *гмѹца* 'ком' (Дупнишко) [3, т. 1, с. 255].

Вероятно, преобразовано из *гмота под влиянием *буца* 'то же'. За вычетом данной формы представлено в западнославянском.

*gъrbaъ [1, вып. 7, с. 198]: *гърбач* 'бич' [3, т. 1, с. 287].

*gyzdъ [1, вып. 7, с. 223]: *гизд* 'красивый' [3, т. 1, с. 241].

*jьlovъ(jь) [1, вып. 8, с. 220]: *йлов* 'илистый' [3, т. 2, с. 64].

*jъzgorda [1, вып. 9, с. 30]: *изграда* 'ограда' [3, т. 2, с. 26].

*jъzгoъ (в [1] не представлено): *йзръч* 'рукой, руками' [3, т. 2, с. 52] соответствует др.-русс. *изручь* 'руками, вручную; врукопашную', русск. диал. *изръчь* 'рукой, руками'. О восточнославянских формах как отглагольных см. [1, вып. 9, с. 71] s.v. *jъzгoъiti.

*jъzvestъ [1, вып. 9, с. 93]: *йзвест* 'известие' [3, т. 2, с. 20].

*kadъne [1, вып. 9, с. 106]: архаичный генитив восстанавливается в [1] исключительно на основе русск. диал. *кадни, кадьни* 'недавно, на днях; несколько лет назад', *каводни* 'неделю или месяц тому назад'. Однако от *ka dъne (или, менее вероятно, от им. пад. *къ dъpъ) образовано и *кадънка* 'послеобеденная еда' (Старозагорско) [3, т. 2, с. 133].

*kadъpъ(jь) [1, вып. 9, с. 115]: в сочетании *кадън вечер* 'вечер, когда кадят ладаном' [3, т. 2, с. 134].

*kaľakъ [1, вып. 9, с. 119]: *каľак* 'свиное рыло' (Силистренско) [3, т. 2, с. 158] (едва ли верно предположение о заимствовании из тур. *kalka*).

*kalivъ(jь) (в [1] не представлено): *калив* 'заляпанный грязью' (Гоцделчевско) [3, т. 2, с. 154] с соответствующим ему чеш. *kalivý* 'загрязняющий, нечистый' (последнее упоминается в [1, вып. 9, с. 124], s.v. *kalivo).

*kalidlo [1, вып. 9, с. 120]: *кайло* 'смесь из грязи, воды и соломы' (Разградско, Силистренско) [3, т. 2, с. 155].

*kaľozъ (в [1] не представлено): *каľуз* 'венчик, который образуется на месте, где привита лоза' [3, т. 2, с. 177]. Вероятно, праславянский вариант слова *gaľozъ 'ветвь', см. [1, вып. 6, с. 95—96]. Возможно и преобразование *галуз, *галъз под влиянием лексем *кал* 'грязь'.

*kaľnikъ (в [1] не представлено): *каľник* 'дугообразная крышка, предотвращающая попадание грязи на колесо', *каľник* место, где замешивают грязь для кирпичей, МН *Калник* (многократно) [3, т. 2, с. 155—156] и соответствующее этим формам укр. диал. *кальник* 'место под лавкой или сосуд, где хранится белая глина'.

*каръ [1, вып. 9, с. 149—150]: редк. *кап.* 'апоплексический удар' [3, т. 2, с. 212].

*карътити (в [1] не представлено): *каптя* 'капать' [3, т. 2, с. 227] и соответствующее ему укр. диал. *каптіти* то же.

*karuga (в [1] не представлено): *карѹга* 'передник, фартук' (Родошы). Родственно *karužina [1, вып. 9, с. 154], восстанавливаемому на основе чеш. диал. *karužina* 'прут' с выделением префикса *ka- и корнем — из и.-е *reug- [14, с. 34—36].

*karužьka (в [1] не представлено): *карѹшка* 'связка, сноп' [3, т. 2, с. 257]. Уменьшительное к *karuga.

*kavъль [1, вып. 9, с. 167]: *кавал* в сочетаниях *кавал топка* 'игра в мячик, скатанный из коровьей шерсти' (Банско), *кавал кумнуф* 'шарик хмеля' (Банат) [3, т. 2, с. 121]. Имеется только в южнославянских языках.

*kларасъ (в [1] не представлено): *кларъч* 'болтун' (Банско) [3, т. 2, с. 420] и тождественное в словообразовательном плане укр. диал. *кларъч*, кличка собаки, а также, возможно, *кларъч* 'вид ножа'.

*klešćica [1, вып. 10, с. 22]: устар. *клещѹци* 'клещи' [3, т. 2, с. 446].

*kl'ушьпъ(жь) [1, вып. 10, с. 53]: *кльбчен* 'относящийся к ключице' [3, т. 2, с. 489].

*кошгъ (в [1, вып. 10, с. 105] объединено с континуантами *кошьгъ): *кбчур* 'кукурузный початок без зерен' [3, т. 2, с. 690].

*kokoль, *kokolati (в [1] не представлено): *кокбла се* 'лупить, таращить глаза' [3, т. 2, с. 536] и соответствующее ему имя в укр. диал. *кбкл* 'молчальник, нелюдимый человек'.

*kokoгъпъ(жь) (в [1] не представлено): в форме ж.р. в МН *Кокбрна бѹра* [3, т. 2, с. 537]. Ср. укр. диал. *ккѹрний* 'привлекательный, заманчивый'. Далее см. [1, вып. 10, с. 114—115] s.v. *kokoга/*kokoгъ.

*kolsatъ(жь) [1, вып. 10, с. 151]: *класѹт* 'колосистый' (Разложко) [3, т. 2, с. 422]. Отсутствует в западнославянском.

*kolsatъka (в [1] не представлено): *класѹтка* 'трава Bromus mollis' [3, т. 2, с. 422] (в [1, вып. 10, с. 151] *kolsatъ(жь) и соответствующее этому слову укр. диал. *колосѹтка*, *колосѹдка* 'вид осоки'.

*kolsovati (в [1] не представлено): *класѹвам* 'сбирать колоски, оставшиеся после жатвы' (Банат, Белослатинско) [3, т. 2, с. 423] и укр. диал. *колосувѹти* 'обмолачивать колосья (ячменя)', *колосовѹть* 'очищать ячменное зерно от мякины'.

*kopica [1, вып. 10, с. 183]: МН *Коница* [3, т. 2, с. 580].

*копъкъ [1, вып. 11, с. 8]: *конек* 'щавель' [3, т. 2, с. 578].

*kopiti (se) [1, вып. 11, с. 20—21]: *копѹ* 'копнуть' [3, т. 2, с. 625].

*kogaбъпъ(жь) [1, вып. 11, с. 49]: *кбръбен* 'корабельный' [3, т. 2, с. 626].

*kogl'evъ [1, вып. 11, с. 80]: *крѹлев* 'королевский' [3, т. 2, с. 713].

*kogl'evъstvo [1, вып. 11, с. 81]: *крѹлевство* 'королевство, королевская власть' [3, т. 2, с. 713].

*kogoждъ [1, вып. 11, с. 89]: *корояд* 'жук-короед' [3, т. 2, с. 625].

*korginъ [1, вып. 11, с. 118]: форма ср.р. в МН *Кравино* [3, т. 2, с. 701].

*kotikъ [1, вып. 11, с. 204]: *кѹтика* 'тачка с одним колесом' (Силистренско, Русенско, Разградско, Преславско), *кѹтига* (Шуменско) [3, т. 2, с. 675] предполагают *kotika, производное от *kotiti. Форма *kotikъ реконструируется в [1] на основе чеш. *kotík* 'лодыжка', укр. диал. *кѹтик* 'сустав'.

*котъкъ (в [1] не представлено): *кѹтек* 'вид ловушки для рыбы' [3, т. 2, с. 672]. Редкий словообразовательный вариант производного от *kotъ III [1, вып. 11, с. 211—212], ср. широко представленное в славянских языках *kotъсь [1, вып. 11, с. 214—215], в частности, в значении 'рыболовный закол'.

*kob(ъ)lati [1, вып. 12, с. 42—43]: арготич. *кѹблѹ* 'есть, кушать', (3 л. ед.ч.) [3, т. 3, с. 178].

*kodelica [1, вып. 12, с. 47]: *кѹдѹлица* 'кудель' [3, т. 3, с. 181].

*krajanъ [1, вып. 12, с. 86]: в МН Греции и Албании — *Krajan*, *Krajanj* [3, т. 2, с. 709]. В других южнославянских языках неизвестно.

*krasava [1, вып. 12, с. 98]: ЛИ *Красѹва* [3, т. 2, с. 717].

*kremenovъ(jь) [1, вып. 12, с. 116]: ЛИ *Кременов* (Ст. Загора) [3, т. 2, с. 731].

*kremenišće [1, вып. 12, с. 115]: МН *Кременище* (Михайловградско) [3, т. 2, с. 731].

*kričь [1, вып. 12, с. 150]: *крич* 'вид большого кузнечика, издающего громкие звуки во время жатвы' [3, т. 3, с. 14]. Экспликация значения допускает, как представляется, два альтернативных объяснения. Одно из них, принятое в [1], основано на громких звуках, издаваемых насекомым, и связывает *крич* с *kričь I 'крик, гомон'. Второе, которое предпочитаем мы, отождествляет *крич* с *kričь II (др.-русс., русск.-цслав, *кричь* 'кузнец'), ср. аналогичную мотивацию в русск. *кузнец* — *кузнечик*.

*krikuъ [1, вып. 12, с. 155]: *крикуъ* 'тот, кто подает голос или кричит' [3, т. 3, с. 155].

*kričovъ(jь) [1, вып. 12, с. 170]: *кривозъб* 'кривозубый' [3, т. 3, с. 6].

*kričovъka [1, вып. 12, с. 174]: *кривките* 'вид вышивки на нижней юбке' (Кюстендилско) [3, т. 3, с. 6].

*krojidlo [1, вып. 12, с. 179]: *кроило* 'инструмент для кройки' [3, т. 3, с. 23].

Приводимые далее примеры, как было сказано выше, выходят за пределы той части праславянского словника, которая пока охвачена в [1].

*kvečiti (se): *квѣча са* 'сидеть в неприличной позе, раздвинув ноги (о женщине)' (Пирдопско) [3, т. 2, с. 310] (с маловероятным предположением о развитии из **клевца са*) при словен. *kvečiti* 'сгибать, искривлять; вдавливать, уродовать'.

*lěxatъ(jь): *лехат* 'ленивый, слабый' (П. Р. Славейков), *лѣхат* 'несподручный, ленивый' (Еленско) [3, т. 3, с. 378—379]. По-видимому, может рассматриваться как оригинальный праславянский диалектизм ввиду словен. *lěhniti, lejhni* 'проходить, прекращать, переставать', *lěhet* 'убыток', на основе которых может быть восстановлено **lěxъniti*, **lěxъtъ*, см. [15, с. 78—79] (с реконструкцией **lěx* < **loiks*-).

*lěкъ: засвидетельствовано только в застывшей адвербиальной форме *лѣком* 'рядами (о деревьях)' [3, т. 3, с. 589] (едва ли из **вляком*). Образует сепаратную изоглоссу с русск.-цслав. *лѣкъ* 'остаток', см. далее [16, т. 2, с. 477].

*loziti: *лбзя* 'вертеть, крутить, искривлять' [3, т. 3, с. 459], с.-хорв. *loziti se* 'цепляться, взбираться (о горохе и т. п.)', чеш. диал. *loziti* 'лазить' ([17, с. 57; 18, с. 33] без болгарской параллели); [3, т. 3, с. 459] без сербохорватского слова.

*lъžika: *лъжиканин* 'лжец' (Тутраканско) [3, т. 3, с. 545]. Вслед за [3], мы признаем вторичность суффиксального оформления с помощью *-ан-ин* в данном случае. Однако в качестве исходной трудно признать форму типа **лъжак*. Более правдоподобно предполагать **лъжика*, которое, в таком случае, тождественно полаб. *lāzaikā* 'лжец'.

*maleкъ(jь): выступает в форме субстантивированного прилагательного ср.р. в *малеко* 'маленький ребенок' (Реканско) [3, т. 3, с. 623]; то же в форме м.р. — словен. *mālek* 'маленький человек, гном'.

*vavriti: *вѣвря* 'шевелиться, двигаться' (Банско) [3, т. 1, с. 110], *вѣвѣра* 'бродить, двигаться шумно и вразнобой' [3, т. 1, с. 200], н.-луж. *wawriś* 'говорить дичь, городить чепуху, молоть вздор, пустословить'; см. о последнем [19, с. 187]. Объяснение *вѣвѣра* в [3] как контаминации *вря* и *вѣвѣра* фонетически и семантически маловероятно.

*veгъza/*veгъžь: *вреж* 'стебель (тыквы, дыни)' [3, т. 1, с. 185], с.-хорв. *врѣжа* 'ползучий стебель, плеть', русск. диал. *верезжа* 'мережа' (о сербохорватском и русском словах см. [20, с. 50]).

*vъгъcati: *вѣрчи* 'сильно болеть; крутить' (Странджа) [3, т. 1, с. 213], с.-хорв. *vъcati* 'чесать (лен)'. Для *вѣрчи* предполагается семантическое развитие 'крутить' → 'болеть', ср. русск. *крутить* в близких значениях.

*vъгъgula, *vъгъgulъka: *вѣргъула* 'нарост на дереве' (Пловдивско), *вѣргъуло* 'точильный камень', *вѣргъулка* 'круглый камень' (Смолянско) [3, т. I, с. 210], с.-хорв. диал. *врѣгъулка* 'соломенная лента'. Разнообразие

значений объясняется семантикой исходного глагольного *vьrg- 'вертеть, крутить' (→ 'скрученная из соломы лента', 'точило', 'круглый камень, нарост').

*vьrgorь: *vьrзьbn* 'предмет, завязанный в (большой) платок; сноп кукурузы' (Коларовград) [3, т. 1, с. 210] (мысль о контаминации *vьрзвем* и *сноп* кажется нам спорной). Вероятно, архаичное суффиксальное образование типа *vьrgorь.

*vьrtoliti: *vьrtolé se* 'вращаться, кружить' (Банско). Сюда же относятся *vьртолия* 'водоворот' (с пометой СЗ), *vьртолѣш* 'напрасный труд' [3, т. 1, с. 212]. Ср., с другой стороны, укр. диал. *вертолиту* 'халтурить', *вертбла* 'халтурщик, плохой работник'. Очевидно, *vьrtoliti образовано от имени *vьrtola, которое, в свою очередь, к *vьrtѣti.

*zagorь: *zърук* 'угол комнаты; ниша в стене для мелких предметов' (Странджа) [3, т. 1, с. 609] (из **за-rog*). Сюда же и русск. диал. **зарог*, которое мы восстанавливаем, предполагая описку лексикографа, на основе единичной фиксации *заром делать* 'срубить три первых дерева для новой избы', ср. иначе [22, с. 54—55].

*zatѣva, *zatѣvьka: арготич. *затѣвка* 'особым образом зашитые края застежки на дрехе (вид пастушеской одежды)' [3, т. 1, с. 613], укр. диал. *затѣва* 'затяг' (далее — к *затѣвати*, *вѣтѣвати*).

*zilavь(jь): *жѣлав* 'жилистый' [3, т. 1, с. 545], укр. *жѣлавий*, *жѣлавий* то же.

*zilavьсь: *жилáвец* 'растение *Plantago*' [3, т. 1, с. 545]. укр. диал. *жѣлавець* 'твердый хлеб; вид мучного изделия'.

*žuknѣti: *жѣкнем* 'поправиться после болезни' (Самоков) [3, т. 1, с. 557], укр. *дѣжкнѣти* 'быстро поехать, убежать'.

*žmukьь: *жмѣкля* 'зажмурившийся человек' (Брезнишко) [3, т. 1, с. 552], словен. *žmúkelj žmokelj*, 'глыба, ком, куча, пучок', производное от *žmq, *žeti.

ЛИТЕРАТУРА

1. Этимологический словарь славянских языков. Праславянской лексический фонд. М., 1974—1985, вып. 4—12.
2. Меркулова В. А. О дополнениях к словарям праславянских словарей.— В кн.: Этимология 1984. М., 1986, с. 146—150.
3. Български етимологичен речник. София, 1971—1986, т. 1—3.
4. Трубачев О. Н. Рец. на кн.: Български етимологичен речник.— В кн.: Этимология 1964. М., 1965, с. 353—354.
5. Словарь русских народных говоров. Л., 1966, вып. 2.
6. Горячева Т. В. К этимологии восточнославянских метеорологических терминов.— В кн.: Этимология 1983. М., 1985, с. 69—82.
7. Lehr-Splawiński T., Polański K. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962, zesz. 1.
8. Словарь современного русского народного говора. М., 1969.
9. Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
10. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg — Göttingen, 1955, Bd. 1.
11. Popović I. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1961.
12. Меркулова В. А. Старославянское *двака* 'жвачка'.— В кн.: Этимология 1972. М., 1974, с. 100—102.
13. Словарь русских народных говоров. Л., 1970, вып. 6.
14. Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен.— В кн.: Этимология 1975. М., 1977, с. 29—41.
15. Куркина Л. В. Славянские этимологии II.— В кн.: Этимология 1972. М., 1974, с. 60—80.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973, т. 1—4.
17. Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии.— В кн.: Этимология 1970. М., 1972, с. 65—84.
18. Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.
19. Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря (проблемы и задачи).— В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 159—196.
20. Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике IV.— В кн.: Этимология 1975. М., 1977, с. 42—51.
21. Куркина Л. В. Изогlossные связи южнославянской лексики II.— В кн.: Этимология 1976. М., 1978, с. 17—31.
22. Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен II.— В кн. Этимология 1972. М., 1974, с. 42—59.

ГОВОРЯТ НАШИ ГОСТИ

(интервью в номер)

6—10 апреля 1987 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась международная рабочая встреча по теме «Возникновение и развитие марксистско-ленинской историографии в СССР и европейских социалистических странах».

Редакция обратилась к ее участникам — нашим зарубежным гостям с вопросом: как отражается тематика Великой Октябрьской революции в новейших работах историков братских стран.

Вот некоторые ответы.

Д-р Атилла Пок,
Институт истории ВАН

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала большое влияние на судьбу Венгрии по двум причинам. С одной стороны, правящие круги страны, в то время части Австро-Венгерской монархии, ожидали от революции ослабления врага. Однако Центральные державы потерпели поражение. С другой стороны, пролетариат Венгрии, ставшей уже самостоятельным государством, воодушевляясь примером Великой Октябрьской социалистической революции, связывал с диктатурой пролетариата осуществление своих классовых и национальных интересов. Венгерские историки опубликовали уже немало работ по этой тематике; богатство этого материала отражено в специальных библиографических изданиях: «Избранная библиография литературы, опубликованной в Венгрии о Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне» («A Nagy Októberi Szocialista Forradalom és a polgárháboru magyarországi irodalmának válogatott bibliográfiája». — Századok, 1967, № 5); «Литература о Великом Октябре на венгерском языке. Избранная библиография» («A Nagy Október magyar nyelvű irodalma. Válogatott bibliográfia». Budapest, 1977).

Среди публикаций последних лет выделяются обобщающая работа П. Дальманьоша «Триумфальный Октябрь. История Великой Октябрьской социалистической революции» (*Dolmányos I. Ragyogó Október. A Nagy Októberi Szocialista Forradalom története.* Budapest, 1979); сборники статей «Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917—1922 гг.», вышедшие параллельно на венгерском и русском языках в Будапеште и Москве (1980); «Октябрьские декреты и первая Советская конституция» («Az októberi dekrétumok és az első szovjet alkotmány». Szerkesztette és bevezette Kovács I. Budapest, 1980); «Руки прочь от Советской России!» («El a kezeket Szovjet — Oroszországtól!». Tanulmányok. Szerkesztette Jemnitz J., Surányi R., Tokody G. Bővezette Harsányi I. Budapest, 1979); «Исторический опыт государства диктатуры пролетариата» («A proletárdiktatura államának történeti tapasztalatai». Szerkesztette Kárpáti S. Budapest, 1984). Последняя из названных работ подготовлена венгерской частью Комиссии по многостороннему научному сотрудничеству академий наук социалистических стран по изучению Октябрьской революции.

Среди новых работ, подготовленных к 70-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, назовем в первую очередь несколько томов, которые находятся в печати в издательстве им. Кошута, всесторонне показывающих вождя революции Ленина (в книге под заглавием «Об Октябрьской революции» собраны заявления, высказывания в связи с первым пятилетием Октябрьской революции; в другой том включены работа В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» и отрывки из его писем, написанных между 1917—1922 гг.). Впервые выйдет в свет на венгерском языке однотомник мемуаров А. В. Луначарского за 1919—1931 гг., отражающих рабочее движение в России между 1894—1922 гг. (составитель М. Кун) с использованием редких и мало известных документов. Много раз издавалась у нас книга Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Теперь, к 70-летию Октября, впервые на венгерском языке издается репортаж другого американского журналиста Алберта Риса Вильяма.

К этому же событию приурочены две новые монографии — книга Т. Крауса о предреволюционном кризисе 1917 г. (убийство Распутина) и работа И. Лендела о первом периоде истории советской дипломатии до заключения договора в Рапалло в апреле 1922 г.

Значительная часть советской литературы 1920-х годов, вызывавшей во всем мире большой интерес, не была до наших дней известна венгерским читателям. Выходит сборник рассказов (составитель А. Геребен), где наряду с именами выдающихся, хорошо известных писателей и поэтов того времени — Е. Замятин, А. Толстой, О. Мандельштам, К. Федин, М. Булгаков, Д. Фурманов, М. Шолохов, Б. Пильняк, Л. Леонов, В. Каверин, К. Паустовский, И. Бабель, О. Форш, Ю. Олеша и т. д. — представлены имена авторов, современному читателю менее известных, но также оставивших свой след в истории советской литературы (Л. Лунц, Р. Ивнев, Н. Никитин, А. Неверов, Б. Четвериков, А. Югов и др.).

Среди научных мероприятий, связанных с годовщиной Великого Октября, следует выделить заседание Комитета венгерско-советского сотрудничества по общественным наукам в городе Баку (сентябрь 1987 г.).

Грабский Анджей Ф., *д-р ист. наук,*
профессор, Лодзинский университет,
Институт истории ПАН

Тематика Великого Октября изучается в народной Польше давно, в последние, однако, годы польских историков интересуют новые ее аспекты. Глубокий общественно-политический кризис, который разразился в нашей стране в начале восьмидесятых годов, активизировал не только различных противников марксизма-ленинизма, но также и историков, стоящих на марксистских и близких к марксизму позициях, усиливая их наступательность и побуждая к освещению новой, важной в познавательном и стержневой в идейном отношении проблематики. Именно к таковой, несомненно, относится проблематика Великой Октябрьской революции. Представляется, что в этой области исследований происходит существенное изменение направлений научных интересов: не отказываясь от проблем традиционных, которые наши ученые изучают давно, историки все интенсивней стали заниматься проблемами новыми, мало до сих пор исследованными. В этом сложном процессе проявляется характерная закономерность: польские ученые все в большей мере начинают исследовать общее значение Великого Октября, а не только его генезис и развитие; значение как для польской истории — концентрация польской историографии на собственном прошлом известна, — так и в общ историческом масштабе.

Польские историки имеют значительные достижения в изучении генезиса Великого Октября: особенно весомы заслуги недавно умершего профессора Варшавского университета (почетного доктора Московского уни-

верситета) Л. Базылёва. Уже его обобщающие труды по истории России, пользующиеся огромной популярностью, вызвали широкие обсуждения этой темы; их завершением была обширная монография «Свержение царизма» (*Bazyłow L. Obalenie caratu. Warszawa, 1976*), труд, превосходно написанный и высоко оцененный как специалистами, так и широкими массами читателей. В 1977 г. в Польше появилась коллективная работа (ее авторы — Л. Базылёв, В. Бортновский, М. Танты, М. Вильк, П. Вечоркевич), посвященная истории России в период первой мировой войны и Февральской революции. Не забудем о менее крупных, но тоже важных, публикациях. Довольно много внимания уделили также польские ученые ходу Октябрьской революции: наряду с книгой Х. Занд и М. Жиховского «Великий Октябрь» (*Zand H., Żychowski M. Wielki Październik. Warszawa, 1967*) и первым в польской литературе исследованием внутренних перемен в России в период революции «Год 1917 в России» М. Вилька (*Wilk M. Rok 1917 w Rosji. Warszawa, 1983*) написано много исследований, посвященных отдельным проблемам революции. Значителен вклад наших историков революционного движения, назовем для примера монографию Я. Собчака, посвященную начальному этапу революции.

Все большее значение приобретает сейчас ленинская проблематика. Еще в 1970 г. В. Бортновский опубликовал большую научную работу «Ленин как организатор Великой Октябрьской революции» (*Bortnowski W. Lenin jako organizator Wielkiej Rewolucji Październikowej. Kraków, 1970*). Ныне роль В. И. Ленина в революции привлекает повышенное внимание многих авторов: историков революционного движения, историков марксистско-ленинской философии и общественной мысли, наконец, специалистов, изучающих историю России и СССР. Не выдам, пожалуй, тайны, если проинформирую, что в печати находится подробнейшая биография В. И. Ленина, написанная М. Вильком. Это — первая такая всеобъемлющая, подготовленная польским историком книга, посвященная творцу революции.

Известным исследователем истории Великого Октября и истории страны Советов является у нас Р. Война, автор ценной монографии «Борьба за землю в России в 1917 г.» (*Wojna R. Walka o ziemię w Rosji w 1917 r. Warszawa, 1977*), книг о гражданской войне и интервенции, об экономических переменах в первые годы советской власти, исследований, опирающихся на серьезную архивную базу.

Особенно интенсивно польские ученые изучают историческое значение Великого Октября. На книжных полках появилось очередное издание теперь уже классической книги Г. Яблоньского о значении Октябрьской революции для обретения Польшей независимости. Понятно также, что наших историков весьма интересует вопрос участия поляков в революции: работ такого рода огромное множество, от источниковедческих и энциклопедических изданий, монографических публикаций, до работ более частных, но для специалистов чрезвычайно важных, таких как литературоведческие исследования о польской литературе в России в период революции, аналогичные поиски искусствоведов и историков кино (назовем хотя бы работу В. Евщевецкого о польских работниках кино в Октябрьской революции).

Проблематика Великого Октября занимает, наконец, достойное место в написанных в последнее время нашими историками обобщающих трудах по истории СССР. Назовем две работы, которые подготовлены в университетских кругах и адресованы главным образом — хотя и не только — студентам польских высших учебных заведений. В 1983 г. Лодзинский университет издал «Очерки истории СССР. 1917—1977» П. Хмелевского и М. Вилька (*Chmielewski P., Wilk M. Zarys dziejów ZSRR. 1917—1977*), в 1985 г. Познаньский университет им. А. Мицкевича — «Очерки истории СССР», написанные А. Киясом, Е. Може и Е. Охманьским (*Kijas A., Morze J., Ochmański J. Zarys dziejów ZSRR*).

Состояние и перспективы изучения польскими историками проблематики Великого Октября будут несомненно всесторонне обсуждены на юбилейной сессии Комиссии историков ПНР — СССР, которая состоится

вскоре в Советском Союзе. Там пойдет также речь об успехах и недостатках в исследовательской работе. Есть, несомненно, много тем, которым следовало бы уделить внимание, тем, до сих пор не изученных или из-за труднодоступности источников, или по иным, иногда вовсе не научным причинам. Многие, например, можно еще сказать по вопросам, касающимся отношения к революции польского общества: отдельных классов и общественных групп, общественно-политических движений и т. д. Для плодотворного развития в нашей стране исследований о Великом Октябре необходимо, чтобы польские историки имели возможность более широкого, чем до сих пор, доступа к советским архивным материалам, а также, чтобы интенсивней и многообразней развивалось научное сотрудничество с советскими учеными, занимающимися той же проблематикой.

Каменец Иван, *д-р философ. наук,*
Институт исторических наук САН

Словацкая марксистская историография уделяет постоянное внимание проблематике Октябрьской социалистической революции, особенно откликом на нее в словацкой политической жизни, а также в революционном рабочем движении. Перечисление изданных на сегодняшний день монографий, исследований и изданий документов, как и научных мероприятий, посвященных данной теме, было бы чрезвычайно обширным и вышло бы далеко за возможные пределы краткой информации.

Из недавних масштабных исторических трудов, затрагивающих тематику Великой Октябрьской социалистической революции и ее влияния на словацкое общество, можно назвать обобщающие работы «История Словакии», т. IV («Dejiny Slovenska», Bratislava, 1985) и «История Словакии», т. V («Dejiny Slovenska», Bratislava, 1986). В четвертом томе, охватывающем период 1900—1918 гг., дана краткая фактография Великого Октября, подробно воспроизводится непосредственное влияние социалистической революции в России на словацкое революционное и национально-освободительное движение, которое завершилось в октябре 1918 г. созданием Чехословацкой республики как первого независимого государства чешского и словацкого народов. В пятом томе, охватывающем период 1918—1945 гг., подробно рассматривается прямое и косвенное влияние октябрьских событий в России на развитие рабочего движения в Чехословакии, вершиной которого стало основание в 1921 г. марксистско-ленинской партии — КПЧ.

В 1987 г., когда мировая и чехословацкая общественность отмечает 70-летие Великой Октябрьской революции, в Словакии публикуется большое количество исторических трудов, организуется ряд научных мероприятий, посвященных этому эпохальному событию в новейшей истории человечества:

С. Цамбель издает расширенный и дополненный вариант своей удачной и имевшей успех монографии «Опыт Октября и последующих социалистических революций»;

проблематике Великого Октября посвящается весь пятый номер журнала «Historický časopis», где, помимо вводной статьи Цамбела, публикуется несколько научных исследований. Среди них обращают на себя внимание исследования Т. Байцуровой «Великая Октябрьская социалистическая революция в чехословацкой историографии» и Б. Главу «Опыт русских большевиков в аграрном вопросе до Великой Октябрьской революции»;

все специальные научные журналы и ежегодники намерены к этой знаменательной годовщине опубликовать еще ряд специальных исследований.

В связи с юбилеем Великого Октября активизировалась работа научно-популярного характера. Еженедельник ЦК КПС «Nové slovo» уже опубликовал несколько статей, воспроизводящих ход революционных событий

в России, и печатает популярную серию «Шаги революции», готовит следующий цикл популярных очерков «Чехословацкие красные legionеры». Научно-популярные статьи публикуются в газетах «Pravda», «Práce», «Lud» и других печатных органах Национального фронта. Проблематике Великой Октябрьской социалистической революции посвящены некоторые научные мероприятия.

В марте 1987 г. Институт исторических наук САН и Институт чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН провели симпозиум в Либлицах, посвященный Великому Октябрю. В сентябре Институт исторических наук САН, Институт марксизма-ленинизма ЦК КПС, Высшая политическая школа КПЧ и Университет им Я. А. Коменского организуют всесловацкую конференцию «Октябрь и чехословацкая революция».

Проблематике Великого Октября посвящается и научное заседание чехословацко-советской историографической комиссии в Ужгороде (сентябрь 1987 г.).

Свои научные конференции, посвященные знаменательной годовщине, организуют словацкие музейные работники, востоковеды, литераторы и искусствоведы. Конечно, эти мероприятия призваны не просто воспроизвести историю Великого Октября, но проанализировать его всестороннее влияние на общественно-политическое и культурное развитие страны, а также связать идеи Октября с актуальными потребностями современного этапа строительства социализма в Словакии и в Чехословацкой социалистической республике.

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

НОВАЯ РУБРИКА

Обдумывая возможности совершенствования нашего журнала, укрепления связей с читателями, редакция хотела бы привлечь к обсуждению этих вопросов представителей славистической науки. С этой целью мы попросили некоторых ученых высказать свое мнение по затронутым вопросам. Благодарим всех коллег, откликнувшихся на пожелание редакции конкретными предложениями по улучшению содержания, стиля и результатов работы «Советского славяноведения». Публикуя поступившие отклики, редакция надеется на продолжение начатого разговора, чему и призвана служить новая рубрика «Мнение читателя», — в ней предполагается публиковать разного рода предложения, критические замечания, отзывы на помещенные в журнале материалы.

* * *

Стремление к повышению научного уровня и «читабельности» журнала представляется мне вполне обоснованным и своевременным. Успех в этой борьбе невозможен без трезвой оценки существующего положения. Что касается предложенных вопросов, то хотелось бы высказать по ним следующие соображения.

Проблемы теоретического и методологического характера затрагивались в журнале nepозволительно редко. Сказанное относится как к отдельным дисциплинам славистического комплекса, так и к славяноведению в целом. Как историку, мне хотелось бы видеть в журнале аналитические статьи и историографические обзоры, освещающие разработку методологии истории в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, состояние этой отрасли знания в капиталистических странах, развернутые рецензии на появляющиеся книжные новинки (именно новинки, а не издания 2—3-летней давности). В теоретической сфере назвал бы следующие проблемы, которые кажутся мне особенно важными и актуальными: 1) противопоставление Востока Западу как теоретический постулат буржуазной историографии; 2) историческое познание и общественное сознание; 3) К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин о специфике исторического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы; 4) марксистско-ленинская теория о национальной культуре.

Мне кажется, что журнал мог бы содействовать повышению качества и интенсификации славяноведческих исследований, если бы:

а) шире и смелее организовывал обсуждение дискуссионных вопросов, как теоретических (о чем говорилось выше), так и конкретно-исторических;

б) старался рецензировать не случайно попавшие в поле зрения редакции, а важнейшие работы, относящиеся к профилю журнала, добиваясь, чтобы рецензии были не краткой аннотацией текста, а квалифицированным, при необходимости критичным разбором научной позиции автора или авторов; на издания же, которые журнал не может рецензировать по-настоящему, давать краткие (на 15—20 строк) аннотации;

в) помещал статьи, раздвигающие тематические рамки журнала, уделяя особое внимание междисциплинарным стыкам внутри слависти-

ческого комплекса, комплексным сравнительно-историческим темам; в частности я бы назвал: соотношение общественно-политической мысли с литературой, искусством, культурой, религиозными движениями и доктринами; различные аспекты социолингвистики; революционные, научные и культурные связи народов СССР и народов Центральной и Юго-Восточной Европы;

г) с большой научной результативностью использовал различные юбилеи, избегая повторения общеизвестных фактов.

Представляется возможным и полезным введение в журнале постоянных рубрик:

а) «Кратко о книгах и статьях» (наряду с рецензиями и аннотациями);

б) «Их памятники украшают столицы» — с научными заметками о национальных героях стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

в) Письма читателей и ответы на поступившие от них вопросы по содержанию публикаций журнала.

Дьяков В. А., д-р ист. наук, профессор, зав. сектором историографии и научной информации Института славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ АН СССР)

С моей точки зрения, в журнале почаще следует публиковать теоретико-обобщающие статьи, посвященные наиболее актуальным проблемам славяноведения. Например, для медиевистов большой интерес представляют проблемы этногенеза славянских народов, особенностей генезиса феодализма, формирования славянских народностей, введения христианства, разложения феодальных отношений и генезиса капитализма. Особо следует отметить необходимость публикации статей, раскрывающих значение творческого наследия основоположников марксизма-ленинизма для развития славяноведения.

В публикуемых работах должны быть определенная новизна, а не повторение уже известных оценок и фактов.

Большой интерес у читателей научных журналов вызывают дискуссии по спорным актуальным вопросам. Желательно почаще их проводить на страницах «Советского славяноведения».

Необходимы статьи историографического плана, разоблачающие антинаучные, реакционные фальсификации истории славянских народов.

По-моему, многие рецензии, публикуемые в журнале, практически подобны аннотациям. Отсюда следует их большой объем, фактологичность, отсутствие дискуссионности. Информационные моменты в рецензиях должны быть сокращены до минимума, особо подчеркнута новизна исследования. Сокращение объема рецензии позволит дать оценку значительно большему числу книг, чем в настоящее время.

Как преподавателя вуза, читающего курс истории южных и западных славян и ведущего соответствующие семинарские занятия, меня интересует обмен опытом в проведении вышеуказанных занятий в связи с реформой высшей школы, значительным сокращением лекционных часов, усилением самостоятельной работы студентов. Новая рубрика, посвященная перестройке учебной и учебно-исследовательской работы студентов по курсу истории южных и западных славян, несомненно вызовет благодарность со стороны вузовских работников.

В плане координации научных исследований по славяноведению, ликвидации нежелательного дуближа в журнале «Советское славяноведение» необходима оперативная информация о запланированных, ведущихся и завершенных исследованиях как в центре, так и на местах, тематике подготавливаемых по истории славян кандидатских и докторских диссертаций.

Захаров В. И., канд. ист. наук, зав. кафедрой истории средних веков и славяноведения Воронежского гос. ун-та

История культуры — одна из основных сфер интеграции усилий историков, филологов, искусствоведов, исследователей философской мысли. Это относится и к славяноведению.

Очень нужны в журнале статьи, в которых культуры отдельных славянских народов рассматривались бы в контексте их взаимосвязей с культурами других народов, как всех славянских, так и неславянских. Считается, что в славянских странах проблематика, относящаяся к истории, культуре, языку каждой данной страны, в понятие славяноведения не входит. Такой подход, возможно оправданный с практически-организационной точки зрения, ограничивает научный потенциал славистики. По сути исследователи ставят перегородки там, где в жизни их не было и нет. Думается, именно «Советское славяноведение» призвано вводить в общеславянский контекст достижения исследователей истории и культуры России, Украины, Белоруссии. И не только в общеславянский, но также и в общеевропейский и мировой.

Из тематических направлений, заслуживающих большего внимания славистов и их органа, назовем:

1. Формирование этнических территорий славянских народов, эволюция их расселения, демографические и этнические процессы.

2. Ареальные аспекты развития материальной и духовной культуры, быта. Формирование региональных культурных черт, взаимопроникновение и взаимообогащение культурных регионов.

3. Социальные проблемы типологии и истории культурных связей.

На последнем остановлюсь подробнее. Часто мы (отношу это и к своим работам) считали задачу выполненной, если удавалось установить новые факты о политическом и культурном общении народов. Вопрос о социальной сущности и роли связей либо вообще не ставился, либо решался декларативно. Нередко сваливались в кучу явления разного порядка. Уважение к памяти деятелей, служивших единению революционных и демократических общественных сил, несовместимо с идеализацией кругов, использовавших славянскую взаимность в реакционных целях. На нынешнем этапе недостаточная изученность реакционных течений и группировок отрицательно сказывается и на уровне исследования прогрессивных общественных движений.

Желательно разнообразить систему жанров и рубрик в журнале, она слишком жестка. Для каждого из жанров определен максимальный объем, выработались и общепринятые схемы построения материалов. А почему бы в случае необходимости не посвятить весь номер оперативной публикации одного-двух актуальных исследований. Или, наоборот, напечатать в журнале тезисы выступлений на совещании либо сокращенный его протокол. Вариантов может быть множество. Главное, чтобы форма служила содержанию, а не наоборот.

Нужно полнее информировать о новинках мировой славистики. Хорошо бы оперативно печатать «микрорецензии» или рефераты (они могут быть и критическими!) всех мало мальски важных славистических книг и сборников, выходящих в нашей стране и за рубежом. А большие рецензии публиковать в основном в тех случаях, если рецензент может противопоставить концепции автора свою.

На мой взгляд, расширению возможностей журнала, а в какой-то мере и его авторитета, способствовало бы увеличение объема даже за счет уменьшения периодичности. Журнал выходящий, скажем, два раза в год сможет вполне оперативно откликаться на события, если материалы не будут отлеживаться в портфеле редакции.

*Исаевич Я. Д., д-р ист. наук,
зав. отделом историко-культурных
памятников Института
общественных наук АН УССР,
Львов*

Охотно сообщаю свои пожелания к дальнейшей работе журнала «Советское славяноведение», который я высоко ценю. Мне хотелось бы видеть журнал престижным изданием мирового славяноведения, в точном соответствии с ролью нашей страны в славянском мире сегодня. На библиотечной выставке новых поступлений свежий номер нашего журнала не должен уступать славистическим изданиям других стран.

Огромный ресурс для развития «Советского славяноведения» — это вся хронологическая толща славянства, отчетливое предпочтение тонкого слоя XIX—XX вв. способно испортить любой гуманитарный научный журнал. Лучшие журналы по германистике, романистике, грецистике, ориенталистике это учитывают вполне.

Действующая классификация наук, согласно которой славяноведение охватывает все кроме восточных славян, вряд ли останется методологически убедительной на все времена и для всех народов. Лично меня, как автора, журнал «Советское славяноведение» никогда не обижал, не заставлял изымать восточнославянские компоненты из общеславистических рассуждений. Эту цельность подхода следовало бы распространить на само оглавление каждого номера журнала — тем более что аналогичного журнала по восточнославянским делам вообще не существует.

*Мурьянов М. Ф., д-р. филол.
наук, ст. научн. сотрудник
Института русского языка
АН СССР*

Разделяю Вашу озабоченность повышением научного уровня журнала. На мой взгляд, можно было бы учесть следующее:

1. Большого внимания заслуживают все вопросы, которые показывают бы комплексный характер славистики и тесную взаимосвязь различных ее компонентов — как содержательных (история, филология и проч.), так и страноведческих (т. е. полонистика, богемистика, сербистика и проч.). В частности, важны статьи методологического характера. При этом нужно в качестве сверхзадачи иметь широкое понимание славистики, т. е. всего комплекса наук о всех славянских народах (включая славянские народы СССР — русских, украинцев и белорусов). Понятно, что нужна мера — я бы акцентировал в данном случае на связях.

3. Освещать не только межславянские контакты, но и контакты с другими народами. Например, с угрофинским, тюркским, арабским этносами и т. д. Обращать внимание на типологические вопросы. Желательно помещать предложения по методике коллективных работ, чтобы создавать общественное мнение для решения кардинальных проблем. Среди них я считаю важным создание труда по истории культурных контактов между народами нашей страны и стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Такого труда до сих пор нет и это непростительный пробел. О некоторых методических аспектах такого труда говорилось на нескольких заседаниях Ленинградского отделения Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики — отчеты об этом в «Вопросах истории».

Существенную роль в усилении связей журнала с читателями сыграло бы введение дискуссий по тем или иным темам. Например, о характере славянского самосознания в средние века, о существовании понятия «национальное возрождение» и т. д. Дискуссии можно не затягивать, а привлекать участников, знакомя их с текстом основной статьи до ее опубликования (форма «круглого стола» — примеры есть в других журналах). Нужны рубрики типа «гипотезы», «загадки» и т. д.

Считаю также, что недостатком является малая информированность читателей о текущих конференциях. Информационно-библиографические сведения и просто необходимы, причем с минимальным интервалом после самих конференций. Такого рода информация должна по возможности отражать творческую жизнь не только Москвы, но различных славяноведческих центров страны.

Я бы обратил внимание и на введение специального раздела рефератов: вышла новая книга, не обязательно давать развернутую рецензию — реферат на 1—1,5 с. машинописного текста достаточен для экспресс-информации. Это повысило бы источниковедческую ценность журнала и — естественно — сразу же расширило бы круг читателей.

Таковы некоторые суждения, которые возникают при ознакомлении с вопросником. Хорошо, что редакция решила его разослать.

*Мыльников А. С., д-р ист. наук,
председатель Ленинградского от-
деления Научного совета АН
СССР по комплексным пробле-
мам славяноведения и балкани-
стики, зав. отделом этнографии
народов СССР Ленинградского
филиала Института этногра-
фии АН СССР*

Говоря о задачах и перспективах нашего журнала, хотелось бы прежде всего подчеркнуть особую важность и необходимость публикации на его страницах творческих портретов отечественных и зарубежных славистов, очерков биографического плана о видных деятелях славянской культуры. Такое предложение, вероятно, вряд ли вызовет у кого-либо возражения, ведь именно люди творили и творят историю, культуру, и каждый из нас сразу же назовет целый ряд таких славных имен, которые вызывают интерес и уважение (таковы, например, имена Кирилла и Мефодия, Крижанича и Константина Костенянского, Караджича и Обрадовича, В. И. Григоровича, П. А. Ровинского и др.). Бесспорно также, что в этом плане уже кое-что сделано в нашем славяноведении, но до обидного мало. Но сейчас хочется сказать о том, что такие творческие портреты и биографические очерки должны появляться не только в связи с юбилеями соответствующих лиц, более того — нельзя ограничиваться лишь наиболее крупными, «знаменитыми» и «маститыми». Ведь для понимания процессов развития исторической мысли и культуры нередко очень важна и фигура, казалось бы, «рядовая», но проявившая себя очень ярко в своих произведениях (именно как представитель целого направлений, больших течений: примером могут быть и С. Пишчевич, Г. Зелич), наконец, и фигура анонимная (что зачастую бывало в средние века) — в том числе автор «Летописи попа Дуклянина» или же безвестный составитель первой «Хроники сербских князей» (IX—X вв.). Создание таких портретов, замечу, особенно нужно именно для более полного представления о развитии историографии и культуры, — в отличие от анализа основных процессов этносоциальной, демографической, экономической сферы истории славянских стран.

*Наумов Е. П., д-р ист. наук, ст.
научн. сотрудник ИСБ АН
СССР*

Славяноведение, и, в частности, славянское языкознание изобилует нерешенными конкретными проблемами. Одни из них требуют интердисциплинарного подхода, к другим применимы узкоспециальные методы.

Ряд проблем не получил пока должного освещения, хотя это совершенно необходимо. Это такие вопросы, как древние языковые и культурно-исторические связи славян с соседними этносами (за вычетом сравнительно подробно изученных славяно-германских отношений); дославянские субстраты на территории расселения славян; фонетика и морфология праславянского языка раннего периода (от балто-славянского к позднему праславянскому); абсолютная и относительная хронология фонетических процессов после распада праславянского языка; перераспределение диалектного членения славянского континуума в связи с культурно-полити-

ческой историей славянских народов (проблема исключительной трудности и актуальности).

Есть и такие вопросы, которые анализировались в научной литературе более чем подробно. Возможно, именно в этом одна из причин, почему они пока не получили решения (а оно, надо думать, достижимо). Речь идет о такой классической проблематике, как славянская прародина, хронология распада праславянского языка, балто-славянские языковые отношения, этнолингвистическая принадлежность ряда древнеславянских памятников письменности. Вряд ли могут быть сомнения в том, что эти проблемы не получают решения отнюдь не из-за слабости методологической или теоретической базы, а — что значительно серьезнее — из-за дефицита достаточно аккуратных (и непредвзятых) конкретных работ.

Оба названных выше типа проблем и есть то, что может заинтересовать читателя. Замечу, что в славянском языкознании имеются и такие конкретные (или более общие) проблемы, которые не нуждаются ни в решении, ни в публикациях, потому что они не существуют на самом деле. К сожалению, проблемы такого рода то и дело обсуждаются на страницах журнала. Выполненные на вполне квалифицированном уровне, статьи на фиктивные, «несуществующие» темы не несут практически никакой новой информации, т. е. не выполняют прямого своего назначения. Читателю предлагается, например, бесконечные описания грамматики рода в каком-либо славянском языке или простого глагольного сказуемого в еще одном славянском языке, или обзор румыно-албанских лексических параллелей, ничем не отличающиеся от предшествующих публикаций. Вряд ли воспламеняет потенциального читателя и сугубо конъюнктурные статьи. Единственный способ избавиться от подобных материалов — определенная журнальная политика, позволяющая редакции заказывать статьи (а еще лучше, циклы статей) по определенной тематике, желательно — у представителей разных научных школ и направлений, т. е. с прицелом на дискуссии, даже на ожесточенную полемику.

О методологии. По-моему, в славяноведении теоретико-методологическая проблема одна — это проблема предмета славяноведения и соотношения в его рамках различных научных дисциплин (проблема комплексности). Для нашей науки, славистики, в этом нет ничего обидного или унижительного, как нет ничего обидного для теории машин и механизмов в том, что она не решает глобальных проблем физики, космогонии и натурфилософии.

Представляются необходимыми не только и не столько изменения в тематике, сколько перемены в самом подходе к научным проблемам. Их обсуждение остается мертвенно скучным, пока начисто отсутствуют дискуссии, в которых сталкивались бы различные и даже несовместимые точки зрения.

В плане жанровых модификаций кажется желательной публикация большего числа менее пространных, чем сейчас, научных сообщений, приближающихся по сжатости — к рефератам, а по степени остроты — к устным выступлениям. Необходимо поощрять и публиковать полемические письма в редакцию.

Одна из ключевых проблем журнала — рецензионный отдел. За последние десятилетия наряду с большим числом ценных научных трудов вышло много посредственных и не меньше откровенно плохих славяноведческих исследований. Журнал никак не отозвался на этот поток халтурных сочинений, из которых можно было бы составить особую библиотечку. Погоду делают хвалебные отзывы, сочиняемые по давно сложившемуся (и отжившему) канону, нередко — по заказу самих авторов, отзывы, пересказывающие содержание рецензируемого труда и завершающиеся «магической» одобрительной формулой.

Необходимо также, чтобы за бортом редколлегии не оставались известные ученые, формирующие целые научные направления.

*Орел В. Э., канд. филол. наук,
научн. сотрудник ИСБ АН
СССР*

Целесообразно было бы ввести в журнал новые жанры публикаций, рассчитанные на преподавателей, студентов, популяризаторов и посвященные замечательным людям славянских стран, крупнейшим событиям в их истории и культуре, причем приуроченные не только к юбилейным датам.

Журнал украсила бы публикация новых материалов, архивных документов, рассказов о любопытных фактах, выявленных исследователями. Подобного рода материалы могли бы помещаться в особой рубрике «Новые факты и документы».

*Стахеев Б. Ф., канд. филол. наук,
ст. научн. сотрудник ИСБ АН
СССР*

«Советское славяноведение» относится к тем журналам, чтение которых для меня обязательно. Не скажу, однако, покрывив душой, что читаю здесь все ... В первую очередь ищу в журнале статьи о взаимодействии национальных литератур, их формировании на первоначальном этапе, ищу исследования методологического, междисциплинарного характера, наконец — публикации неизвестных ранее материалов. И с досадой откладываю номер, если в нем ничего этого нет. Я понимаю, что на всех не угодишь — особенно при нынешней узкой специализации. Однако, по моему мнению, в первую очередь в журнале должны печататься статьи, представляющие интерес для различных «категорий» славистов. Статьи проблемные, дискуссионные, содержащие новый фактический материал. Впрочем — почему обязательно статьи? Иногда достаточно и краткого, реферативного изложения, заметки, реплики.

Несколько более частных замечаний и пожеланий. Мне кажется, что в редакции часто забывают, что украинцы и белорусы — тоже славянские народы, что существуют еще и лужицкие сербы, и кашубы, и ... Маловато интересных материалов о деятелях славянской культуры, «будителях» славянских народов, о зачинателях славистики. Наконец, не понимаю, почему в последнее время со страниц журнала исчезла славистическая библиография — повседневный «хлеб» исследователя. «ИНИОНовские» издания ее не заменяют.

Пусть же волна обновления всколыхнет и «Советское славяноведение»

*Мальдис А., д-р филол. наук,
зав. отделом Института литературы
им. Янки Купалы АН БССР*

* * *

Итак, важный разговор начат. Редакция ждет от читателей новых откликов.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

E. VORÁČEK. *Československo-sovětské hospodářské vztahy. 1945—1948.* Praha, 1985, 191 s.

Э. ВОРАЧЕК. *Чехословацко-советские экономические отношения. 1945—1948*

Рецензируемая монография — практически первый обобщающий труд по данной тематике, основанный на глубоком изучении материалов чехословацких и советских архивов, современной прессы, публицистики и историографии проблемы. Э. Ворачек не ограничивает себя хронологическими рамками первых послевоенных лет. Автор попытался также определить место буржуазной Чехословакии в международном разделении труда и осветить основные этапы развития экономических связей между ЧСР и СССР в довоенный период.

Большое внимание уделено в монографии анализу концепций послевоенного сотрудничества Чехословакии с СССР, разрабатывавшихся чехословацкой эмиграцией в период второй мировой войны. Рассматривая концепции буржуазного крыла эмиграции, Э. Ворачек подчеркивает, что ее глава президент Э. Бенеш был одним из первых буржуазных политических деятелей, который понял будущую решающую роль СССР в Европе. Э. Ворачек в то же время показывает, что в действительности Э. Бенеш и его окружение предполагали, что торговля Чехословакии с СССР не должна превышать 15—20% общего внешнего товарооборота республики (с. 47), т. е. СССР должен был, в сущности, занять место Германии, при том только в качестве поставщика сырья. Таким образом, классовая сущность концепций Бенеша была неизменной — сохранить позиции буржуазии и связи с Западом.

Коммунисты резко критиковали подобные планы, подчеркивали объективную необходимость теснейшего экономического сотрудничества с СССР, раскрывали классовую сущность теоретических построений лидеров буржуазной эмигра-

ции. В результате в политических кругах Чехословакии уже накануне ее полного освобождения выкристаллизовались два основных направления в определении внешнеполитических приоритетов страны: первое, возглавленное КПЧ, исходившее из принципов пролетарского интернационализма, считало союз с СССР и тесные экономические связи с ним основой государственного суверенитета Чехословакии; второе, конъюнктурное, охватывавшее либерально-буржуазные круги, считало такой курс временным.

Эти две линии с особенной силой проявились во внешнеэкономических связях республики после 1945 г. Внешняя торговля Чехословакии в 1945—1948 гг. находилась в руках частных фирм, а министерство внешней торговли возглавляли лидеры буржуазных партий. Они прилагали все усилия к тому, чтобы привязать чехословацкую экономику к Западу, а СССР и страны народной демократии использовать в качестве источников сырья и рынков сбыта неконкурентоспособных на Западе товаров. Создалась, как пишет Э. Ворачек, парадоксальная ситуация. В то время как военно-политический союз ЧСР и СССР креп и развивался в атмосфере начатой империалистическими кругами США «холодной войны», в экономическом отношении Чехословакии оставалась тесно связанной с Западом. Доля СССР во внешнеторговом обороте ЧСР упала с 25% в 1945 г. до 4,7% в 1947 г. (с. 84).

После отказа от участия в «плане Маршалла», пишет Э. Ворачек, углубление экономических связей Чехословакии с СССР стало важным политическим вопросом. Поэтому осенью 1947 г. в Москве активно шли переговоры о заключении долгосрочного торгового соглашения меж-

ду двумя странами. Автор в связи с этим уделяет значительное внимание анализу экономических и политических аспектов Договора о торговле и судоходстве, подписанного в Москве 11 декабря 1947 г., Соглашения о товарообороте и платежах и Соглашения о научно-техническом сотрудничестве, подписанных на следующий день. Э. Ворачек подчеркивает, что эти документы создавали устойчивую перспективу для дальнейшего планомерного развития чехословацкой экономики, укрепляли ее стабильность, поскольку плановое советское хозяйство гарантировало заказы крупных партий машин и оборудования на длительный срок, надежные источники сырья, высокую занятость в стране. Соглашения послужили стимулом к постепенному изменению структуры чехословацкого экспорта в пользу продукции тяжелого машиностроения. Наряду с этим, указывает Э. Ворачек, они имели огромное политическое значение. Это был чувствительный удар по замыслам империалистической реакции, которая пыталась использовать экономические трудности Чехословакии и предполагала, что растущие проблемы в эконо-

мике усложнят внутривнутриполитическую ситуацию в республике и подготовят почву для захвата власти буржуазией. Значительную выгоду, отмечает автор, экономические соглашения с Чехословакией представляли и для СССР. Поставки чехословацкого промышленного оборудования способствовали переоснащению советской промышленности новой техникой в восстановительный период, помогли решить проблему снабжения населения СССР в трудное послевоенное время. Советско-чехословацкие экономические соглашения, подчеркивает Э. Ворачек, стали важной победой в борьбе против попыток реакции как в Чехословакии, так и за ее пределами ослабить советско-чехословацкое сотрудничество. Это была материализация нового соотношения классовых сил в Чехословакии, решающей роли рабочего класса и развития отношений между двумя странами на принципах пролетарского интернационализма. Поворотным пунктом в развитии экономических связей нового типа между Чехословакией и СССР стал победный Февраль 1948 г.

Пол И. И.

В. ПАСКАЛЕВА. Средна Европа и земите по Долния Дунав през XVIII—XIX в. (социально-икономически аспекти). София, 1986, 317 с.

В. ПАСКАЛЕВА. Централна Европа и страни Нижнего Дунаја в XVIII—XIX вв. (социально-икономически аспекти)

Известный болгарский историк В. Паскалева взяла для изучения обширный ареал, в пределах которого возникли прочные экономические связи между регионами с различным характером социально-экономического развития. Один из регионов, которому были присущи «внутренние ведущие социально-экономические закономерности» (с. 5), — Австрия, Чехия, Саксония, относительно быстро развивавшиеся в капиталистическом отношении. К ним тяготели области, сохранявшие преимущественно аграрный характер: Венгерское королевство, Трансильвания, также игравшие большую роль в связях с Юго-Востоком Европы. Другой регион — Нижнедунайский бассейн, связывавший Европу с Балканами и Ближним Востоком. Речные порты на территории Болгарии и Румынии являлись центрами большой аграрной и ремесленной округи.

Среди источников наиболее важными явились архивы болгарских торговых колоний и пароходного общества в Вене.

В. Паскалева внесла существенный вклад в сравнительное изучение истории Центральной и Юго-Восточной Европы, рассмотрев этапы их перехода от феодализма к капитализму и стадии в развитии экономических связей между ними. Оба региона сформировались в XVIII—XIX вв. как экономическая общность с присущими ей разделением труда и внутренними противоречиями. Стадии становления экономических связей Австрийской монархии со странами Нижнего Дуная определялись сменой форм капиталистического производства, развитием судоходства по Дунаю и, наконец, политическими событиями.

В опустошенные войной области в конце XVII в. (после ухода османских войск из Центральной Европы) направлялись

выходцы с Балкан с товарами и подчас значительными средствами. Некоторые не только организовывали торговые колонии, но и пытались создавать мануфактуры (например, в Трансильвании), сохраняя при этом связи с родиной. Таким образом, как показано в книге, инициатива в экономических связях между регионами принадлежала Юго-Востоку. Болгары, сербы, греки, валахи скупали продукцию балканского сельского хозяйства и ремесла, способствуя развитию здесь товарно-денежных отношений, развивая связи этого региона с Центральной Европой, а также внутрорегиональные контакты. Делается вывод, что на мануфактурной стадии капитализма в Центральной Европе выходцы с Балкан способствовали развитию экономики Австрии, тогда как условий для их активности в Османской империи, ввиду отсутствия гарантии безопасности и возможностей для широкого перехода от ремесла к мануфактуре, не было (с. 98); намечавшиеся здесь тенденции перехода к капитализму в 40—80-х годах XVIII в. не реализовались.

Межрегиональный обмен находился преимущественно в руках выходцев из Юго-Восточной Европы до 30-х годов XIX в., когда в условиях промышленного переворота в Австрии началось паровое сообщение по Дунаю. С 40-х годов отмечается интенсивная экспансия австрийской промышленности в район Нижнего Дуная. С другой стороны, до середины 70-х годов 30—40% сельскохозяйственного экспорта стран Нижнего Дуная направлялось в Австрию и через нее далее в Европу (с. 243). В связи с этим автор касается проектов «тотального» подключения Нижнедунайского региона к «Срединной Европе» (Ф. Лист) и монархии Габсбургов (Л. Брук), «экономиче-

ской ассимиляции» южных славян, наконец, планов оккупации Боснии и Герцеговины. В 50—70-х годах обострилась конкурентная борьба капиталистических держав в Нижнедунайском бассейне. В этих условиях разорение ряда отраслей местного ремесла сопровождалось лишь очень медленным ростом мануфактурного производства. Эта социально-экономическая ситуация стимулировала освободительную борьбу против османской власти. В. Паскалева подчеркивает, что несмотря на противоречивость экономических отношений между Центральной Европой и странами Нижнего Дуная, ставшими поставщиками продовольствия и сырья, в целом эти связи были прогрессивны — «всякое оружие против старых закостенелых форм феодального строя полезно» (с. 179). Автор отмечает, что лишь после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. государства Юго-Восточной Европы, преодолевая трудности, добились заметных успехов в защите национальной промышленности.

Как видим, в книге рассмотрено возникновение узла противоречий крупных держав в Юго-Восточной Европе, столь остро проявившихся в XX в. Другой комплекс противоречий возник здесь вследствие стремления иностранного капитала подчинить себе этот регион, что вызывало все более энергичный отпор со стороны населяющих его народов.

В исследованиях болгарской марксистской исторической школы социально-экономические проблемы всегда занимали первостепенное место (в послевоенный период — труды Ж. Натана, Н. Тодорова, Х. Христова и др.). Монография В. Паскалевой, в которой решены многоплановые задачи, продолжает и обогащает эту традицию.

Фрейдзон В. И.

E. SARNOWSKA-TEMERIUŠ. Zarys dziejów poetyki. Od starożytności do końca XVII w. Warszawa, 1985, 670 s.

Э. САРНОВСКАЯ-ТЕМЕРИУШ. Очерк истории поэтики. От древности до конца XVII в.

Необходимость в обобщающих трудах, посвященных европейской поэтике, ощущается нашей литературоведческой наукой, диктуется требованиями историзма при подходе к любому литературному тексту прошлых эпох.

Э. Сарновская-Темериуш, известная своими трудами по исторической поэтике,

позабрала объектом своего обширного исследования наиболее важные с ее точки зрения факты из истории греческой и римской поэтики, затем новолатинской и возникавшей в национальных вариантах разных стран Европы. Решая столь масштабную задачу, исследователь вынужден был ограничить материал — в данном

случае в рамки рассмотрения оказалась включена философия поэзии и общая теория поэзии, в то время как элементы нормативной поэтики и литературной критики освещены лишь в незначительной степени. В предисловии говорится: «Сосредоточив внимание на том, что думали о генезисе, условиях возникновения поэзии, ее природе, функциях и целях, о сущности творчества, произведения, поэтического вымысла, а также о поэте — субъекте творческой активности, спорадически и попутно я затрагиваю другие проблемы: жанровые, стилистико-языковые, версификационные» (s. 8).

Автор стремилась сбалансировать интерес к отдельным видным теоретикам и освещение общих теоретических проблем. Периодизация истории поэтики в целом совпадает с существующей периодизацией истории культуры и литературы. Автор учитывает как длительный процесс функционирования античной традиции, так и процесс формирования новой науки о литературе XVII—XVIII вв.

В 14-и главах труда материал сгруппирован по проблемно-хронологическому принципу, начиная с представлений о поэзии, существовавших в Греции до воз-

никновения поэтики и отраженных в мифологии, поэтических текстах, философских концепциях, и кончая исследованиями по поэзии периода Просвещения. Отдельные главы отведены взглядам Платона на поэзию, поэтике Аристотеля, эллинистическому и римскому периодам, средневековью, Ренессансу, воззрениям этой эпохи на сущность творца и поэтического творчества, поэтике Скалигера, барочной поэтике в целом и таким ее представителям, как М. К. Сарбевский и Г. И. Фоссиус, теориям и доктринам, а также поэтической практике XVII в.

Сложную — при таком огромном объеме изучаемого материала — проблему библиографии автор разрешает путем отказа от постраничных ссылок, давая сжатый список важнейших изданий поэтик, обобщающих трудов, специальных исследований, монографий, статей по теме в конце книги (s. 650—656).

Масштабная работа Э. Сарновской-Темериуш — серьезный вклад в исследование и осмысление исторической поэтики, важное подспорье в литературоведческих изысканиях.

Мочалова В.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Г. П. МУРАШКО. Политическая борьба в Чехословакии в 1944—1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986, 321 с.

Рецензируемую монографию известного советского историка-слависта Г. П. Мурашко, посвященную памяти П. И. Резонова, подобно ряду других оригинальных работ этого автора, вышедших ранее¹, можно, безусловно, причислить к числу новаторских.

Новым, как представляется, является прежде всего нетрадиционное отношение автора к осмыслению, анализу, трактовке, а также оценке острейших политических конфронтаций, отличавших общественную жизнь страны на начальных рубежах переходного от капитализма к социализму периода. Комплексный, сравнительно-типологический подход к исследуемым проблемам позволил сразу же выделить несколько «срезов» исследования: политический, социально-экономический и региональный на основе их взаимозависимости, взаимообусловленности и взаимодействия.

Сложность в подходе к изучению темы заключалась в том, что в чехословацкой марксистской историографии до настоящего времени, несмотря на значительное число исследований, посвященных периоду 1945—1948 гг., изученными были лишь отдельные его аспекты; внимание чехословацких историков концентрировалось прежде всего на вопросах, связанных с формированием программ в антифашистском движении Сопротивления, с борьбой

рабочего класса Чехословакии за конституции в 1946—1947 гг.; достаточно полно были рассмотрены и вопросы принятия декретов о национализации в октябре 1945 г. [1]. Целостная картина сложной и крайне напряженной политической борьбы в чехословацком обществе вокруг проблем национализации, если не считать работы К. Каплана, написанной с открыто ревизионистских позиций (1968), фактически отсутствовала.

Исследование, предпринятое Г. П. Мурашко, ликвидирует этот пробел. При этом важно отметить, что автор строит свою работу на основе тщательного изучения разнообразных по своему характеру источников: печатных изданий, действовавших в послевоенной Чехословакии политических партий, основных законодательных актов, принятых правительством и Национальным Собранием ЧСР в 1945—1948 гг., стенографических протоколов заседаний Национального собрания и Словацкого национального совета, а также ряда фондов — Архива Федерального собрания, Архива Государственной плановой комиссии, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПС и др.

В рецензируемой работе политическая борьба в Чехословакии за социальную направленность национализации средств производства, составлявшая одну из стержневых линий развития революционного процесса в стране во второй половине 40-х годов, представлена на широком историческом фоне. Тщательно проанализировав социально-экономическое и политическое развитие в протекторате и Словацком государстве, автор указывает на неадекватность эволюции чешского и словацкого общества в годы войны, прежде всего, на различия в степени их радикализации, на неоднородность факторов, влиявших на усиление антифашистских настроений, на социально-классовые от-

¹ В 1974—1985 гг. читатели познакомились с целым рядом статей Г. П. Мурашко, опубликованных в советских и зарубежных изданиях, с разделом в коллективной монографии «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», вышедшей в 1977 г. и уже выдержавшей два издания. И, наконец, с увидевшей свет в 1979 г. фундаментальной монографией «Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы».

ношения. Этот один из важнейших принципиальных выводов служит своеобразным ключом к пониманию специфики тех напряженных классовых противостояний политических сил, которые имели место в двух регионах народно-демократической Чехословакии в 1945—1948 гг.

Другим важным выводом автора является положение о том, что уже в годы второй мировой войны, когда решался вопрос о политическом лидерстве в движении Сопротивления, когда два его центра при всей полярности их классовых интересов и целей, по существу, «шли навстречу друг другу», со всей четкостью и определенностью обозначились две альтернативы социально-экономических концепций послевоенного устройства Чехословакии — революционная и реформистская. Анализируя корни будущих острейших разногласий политических представителей рабочего класса и буржуазии (пока еще, на этапе национально-освободительной борьбы, искусно камуфлируемых партнерами КПЧ по движению Сопротивления), Г. П. Мурашко пишет, что в конкретно-исторических условиях Чехословакии под национально-патриотическими лозунгами борьбы с фашизмом, оккупантами и коллаборационистами революционным силам открылась возможность осуществить радикальное вмешательство в сферу капиталистической собственности и провести национализацию основных отраслей промышленности. Буржуазия и ее представители в антифашистском движении предлагали ограничить намечавшиеся существенные преобразования в сфере производства национализацией собственности только германских монополий (с. 287).

Рассматривая формирование политической линии Коммунистической партии Чехословакии за осуществление социально-экономических преобразований в сфере промышленного производства, автор раскрывает главные причины, обусловившие пересмотр коммунистами своей стратегической линии в области экономической политики летом 1945 г. Выработанная коммунистами новая программа революционных преобразований в системе промышленного производства, впервые введена в научный оборот и в книге детально проанализированна. Автор показал, что предлагаемый коммунистами комплекс мер, при условии их последовательной и совокупной реализации, неизбежно привел бы к существенному сокращению сферы деятельности капиталистического уклада в экономике страны.

Наряду с национализацией ведущих отраслей промышленности и банков важнейшим направлением нового политического курса КПЧ являлось установление контроля над сохранявшимся частно-капиталистическим сектором, осуществляемого рабочим классом и его массовыми организациями — профсоюзами. Г. П. Мурашко подчеркивает, что именно сформулированное коммунистами предложение об обобществлении ключевых звеньев экономики в форме передачи государству и явилось той гранью, которая отделяла экономическую программу, предлагаемую политическими представителями рабочего класса, от программ буржуазных партий (с. 122).

На обширном документальном и архивном материале автор прослеживает ход борьбы революционных сил за подготовку, принятие и реализацию декретов о национализации ключевых звеньев экономики, указывается также, что революционными силами под руководством коммунистов удалось добиться включения в проект декрета практически всех своих важнейших программных требований, направленных на ликвидацию экономических позиций крупного монополистического капитала (с. 143).

Победой Коммунистической партии Чехословакии на выборах в Законодательное Национальное собрание в мае 1946 г. заканчивается первый период борьбы рабочего класса за овладение экономическими позициями в государстве.

Конфронтация политических сил, выразивших, с одной стороны, интересы рабочего класса, а с другой — буржуазии, развернувшаяся вокруг реализации декретов о национализации, составляет содержание исследуемого в монографии второго периода, который охватывает время от майских выборов 1946 г. до Февраля 1948 г. Акцентируя внимание на сути разногласий между политическими партиями Национального фронта чехов и словаков после принятия декретов о национализации, автор показывает, что столкновение и противоборство политических сил Чехословакии теперь шли по вопросам о характере будущего общественного сектора и о принципах его организации. По-новому интерпретируется в книге разработка и реализация «Созидательной программы» правительства К. Готвальда.

Изучение развития событий конца 1946 — первой половины 1947 г. приводит автора к выводу о фактическом отказе буржуазных партий от достигнутой

ранее с политическими представителями рабочего класса договоренности по вопросам, связанным с осуществлением двухлетнего плана. «Такая их позиция,— отмечает Г. П. Мурашко,— существенно ограничивала возможности политического сотрудничества между партиями Национального фронта, а отсутствие законодательства, дававшего народно-демократическому государству возможность направлять и контролировать деятельность частнокапиталистического сектора, не позволяло ослабить деструктивную деятельность частного капитала, что ставило под угрозу успешное выполнение двухлетки и способствовало ухудшению условий жизни трудящихся. В этой сложной ситуации компартия оказалась перед необходимостью разработки и принятия новой политической линии» (с. 239).

Внутренний источник резкого нарастания социальной напряженности в стране во второй половине 1947 г. автор объясняет прежде всего незавершенностью важнейших социально-экономических преобразований, осуществлявшихся в условиях разделения политической власти в стране между рабочим классом и буржуазией.

Автор доказывает неизбежность острых социально-классовых столкновений сил, делящих политическую власть в государстве по вопросу об углублении социально-экономических преобразований. При этом все основные положения подкрепляются анализом фактического материала, подавляющая часть которого почерпнута из архивов ЧССР и вводится в научный оборот впервые.

На завершающем этапе революционного процесса 40-х годов в борьбе со спекуляцией и саботажем, а также с теми политическими силами, которые покрывали

эти негативные явления, КПЧ выдвигает новую, открыто антикапиталистическую программу социально-экономических преобразований, получившую решительную поддержку рабочего класса и подавляющей части трудовых слоев чешского и словацкого общества, что и продемонстрировали события Февраля 1948 г.

Не все проблемы охвачены в работе с достаточной полнотой и сбалансированностью. Следовало бы, на наш взгляд, больше внимания уделить освещению политической борьбы вокруг национализации акционерных банков; эта тема по сравнению с исследованием вопросов национализации промышленности освещена более скупо. Безусловно, большее место в работе следовало отвести раскрытию роли в революционном процессе 40-х годов городских непролетарских слоев, довольно значительных по численности в чехословацком обществе.

В целом же нужно подчеркнуть, что монография Г. П. Мурашко, написанная с подлинной научной увлеченностью, на высоком профессиональном уровне, являет собой значительный вклад советской исторической науки в разработку проблем народно-демократической революции в Чехословакии.

Задорожник Э. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bouček M., Klimeš M., Vartíková M. Program revoluce. Ke vzniku Košického vladného programu. Praha, 1975; Felcman O. Český proletariát v boji za vítězství socialistické revoluce. Praha, 1984; Hlušíčková R. Boj o průmyslové konfiskaty v Československu v letech 1945—1948. Praha, 1983; Vrablic E. Revolucia a znárodnenie na Slovensku. Bratislava, 1975 и др.*

Книга Беларуси: 1517—1917. Зводны каталог. Мінск, 1986, 616 с., илл.

Книга Белоруссии: 1517—1917. Сводный каталог

В мировом славяноведении специальные работы, посвященные изучению истории и культуры белорусского народа, появились сравнительно недавно. Вплоть до конца XIX столетия белорусский язык и литература даже не признавались некоторыми учеными самостоятельными, изучались в контексте других культур.

Исследования видных белорусоведов — И. И. Носовича, Н. Я. Никифоровского, М. В. Довнар-Запольского, Е. Ф. Карского и других — перевернули эти ошибочные представления. И хотя современное белорусоведение еще очень молодо, оно имеет серьезные достижения в изучении языка, культуры, литературы и исто-

рии. К ним можно причислить прекрасно оформленный «Свод памятников истории и культуры Белоруссии»¹. Впервые в нашей стране выходит свет и национальная мисс готомная «Энциклопедия литературы и искусства» [2]. Значение этих работ для мировой славяноведческой науки, а также для развития современной национальной культуры трудно переоценить. Это корпус тех богатств Белоруссии, ее народа, которые удалось сохранить, изучить, сделать доступными как для специалистов, так и для широкого читателя. Специфика развития белорусской культуры такова, что в результате инокультурных влияний, порой даже прямой экспансии, белорусский язык, бывший в XV—XVII вв. государственным языком Великого княжества Литовского, постепенно утрачивал свои позиции, становился лишь одним из письменных языков белорусов. Обычными, обиходными являлись польский и латинский языки, реже немецкий, а чуть позднее и французский. На этих языках белорусами написано значительное число произведений уже в XVI столетии, в XVII их становится необозримо много, а в XVIII в. почти вся белорусская литература иноязычна. Печатная книжность белорусов, печатная литература, древнейшая, самая первая в нашей стране, с момента своего появления в начале XVI в. и до начала XIX в. претерпевает разительные метаморфозы. Доктор Франциск Скорина, один из образованнейших деятелей своего времени, основавший первую на территории СССР типографию (ок. 1522 г.), печатает первые у нас книги. Почти все они на старобелорусском языке. К концу XVI в. число белорусских типографий заметно увеличивается, в них выходят издания уже на нескольких языках, преимущественно «славянском» (церковнославянском), старобелорусском, польском и латинском. В XVII в. удельный вес польско- и латиноязычных изданий неизмеримо возрастает.

В XIX в. и начале XX в. положение усложняется. В этот период в Белоруссии печатается огромное число книг на русском, а также польском, латинском, еврейском и других языках. Для белорусскоязычных изданий используется и латинская графика, латинский шрифт, получивший здесь очень широкое распространение. Как видим, история белорусской печатной литературы, печатной

книжности весьма сложна, запутана, порой противоречива. Народ, напечатавший в начале XVI в. первую в нашей стране книгу, и притом книгу на родном языке, практически вернулся к книгопечатанию на белорусском языке лишь в XIX в.

Все эти непростые особенности пятивекового развития белорусской печатной книжности и отражает настоящий каталог. Составлялся он в течение многих лет. Можно с полной основательностью утверждать, что каталог является итогом работы не только главных его составителей, но и всех белорусских историков, филологов, книговедов. Отныне мы имеем репертуар белорусской книги 1517—1917 гг., выходящей на «славянском», старобелорусском, белорусском и русском языках. Каталог выпущен под грифом Государственной библиотеки БССР им. В. И. Ленина издательством Белорусская Советская Энциклопедия. Его открывает предисловие составителей (с. 5—8) — известного белорусского историка феодального периода Г. Я. Голенченко и научных сотрудников сектора белорусской литературы республиканской библиотеки Т. В. Непорожней и Т. К. Радзевич. Предисловие, как и все дальнейшие пояснительные тексты к разделам каталога, напечатаны на белорусском и русском языках.

Первый раздел каталога (с. 9—192) посвящен старопечатным изданиям кирилловского шрифта. Здесь описано 390 позиций, относящихся к XVI—XVIII вв., начиная от пражских изданий Франциска Скорины и до русских старообрядческих изданий, печатавшихся в белорусских типографиях, а затем нелегально ввозившихся в Россию. Во введении к разделу (с. 10—36) его составитель Г. Я. Голенченко дает краткую историко-типологическую характеристику книгопечатания кирилловским шрифтом, подчеркивает общие особенности этого книгопечатания, а также рассматривает основные принципы, взятые за основу данного описания. Наиболее подробно в разделе описаны издания Франциска Скорины, а также белорусских типографий XVI и отчасти XVII вв. (всего 187 изданий). Составитель приводит название книги, как правило, общеупотребляемое, унифицированное, а не взятое с титульного листа, из послесловия или колофона; сообщает о месте и времени издания, печатниках, типографах, владельцах типографий; затем практически полностью воспроизводит тексты титульного листа, предисловия, послесловия или колофона,

¹ Первым в этой серии был издан том, посвященный памятникам Брестской области [1].

содержащие наиболее важные сведения об издании; указывает формат, размер полосы набора, наличие сигнатур и кустод, количество листов. Затем следует роспись состава изданий, сделанная во многих случаях достаточно подробно; сообщается об орнаментике и гравюрах, местах хранения экземпляров, даются библиографические ссылки. Издания XVIII в. описаны в отдельных случаях не так подробно. Из их общего числа (203) большинство составляют старообрядческие издания. Они печатались в различных белорусских типографиях, некоторые из этих изданий, имеющих указание на выход в свет в Белоруссии, на самом деле напечатаны в России в тайных старообрядческих типографиях. В настоящий момент порой совершенно невозможно атрибутировать то или иное старообрядческое издание, имеющее указание в выходных данных на напечатание в Гродно или других местах, конкретной типографии, так как применяемый для этого метод анализа орнаментального материала в данной ситуации далеко не всегда подходит. Русские старообрядцы, заказывавшие для себя книги в белорусских типографиях, привозили с собой не только бумагу, но также и некоторые орнаментальные материалы. Поэтому этот «кочевой» типографский материал, перевозимый из одной типографии в другую, практически путает всю картину, делает почти невозможным использование здесь метода анализа орнаментального материала, особенно для изданий конца XVIII — начала XIX вв. Крупнейший советский знаток старопечатной книги кирилловского шрифта, А. С. Зернова, долгие годы использовавшая этот метод для атрибуции старообрядческих изданий, в конце своей жизни вынуждена была признать: «Орнамент в этих поздних изданиях обычно уже не дает указания на определенную типографию, пропадает возможность по орнаменту отнести издание к определенной типографии; может быть, доски переходили из одной типографии в другую, или, может быть, соединялись в одной типографии» [3]. Как видим, изучение старообрядческих изданий еще впереди. До сих пор не существует даже специального их краткого списка². И это не только для

² Составлен лишь каталог таких изданий, напечатанных в Супрасле, см. [4], а также предварительный список старообрядческих изданий клинцовских типографий — см. дипломную работу А. Паскаля, защищенную в 1986 г. в Москов-

XIX и начала XX вв., но и для XVIII в., когда, по нашим предварительным подсчетам, было выпущено в свет в России и за ее рубежами примерно 300 таких изданий. Для XIX — начала XX в. эта цифра увеличивается по меньшей мере в шесть раз и составляет около 2000 только набранных типографским способом книг, не считая многочисленных листовок и брошюр. Сотни старообрядческих изданий были осуществлены и с помощью средств «малой полиграфии» — гектографа, литографии и других. Все эти издания представляют собой пока почти неизученный пласт русской книжности, значение которого в истории культуры еще до конца не раскрыто [5]. Старообрядческие издания, увидевшие свет в белорусских типографиях, — это и очень благодарный материал для историка русско-белорусских и белорусско-русских культурных связей [6]. Именно здесь, на белорусских землях, в течение более века белорусскими типографами издавались для русских крестьян, купцов и мещан так необходимые им книги.

Помимо книг кирилловского шрифта в разделе описаны девять изданий гражданского шрифта, напечатанных в Белоруссии в самом конце XVIII в. (с. 189—192).

Второй раздел каталога «Издания на белорусском языке XIX — начала XX вв.» (с. 193—272) регистрирует около 600 отдельных и периодических изданий этого времени, полностью или частично изданных на белорусском или старобелорусском языках гражданским, кирилловским, латино-польским и латино-белорусским шрифтами. Многие наиболее известные в истории издания описываются очень подробно — раскрывается их содержание, порой они даже кратко аннотируются. Однако есть и некоторые пропуски. Так, например, не указана перепечатка очень редкого сейчас белорусского периодического издания «*Mižuskaja graŭda*», нелегально издававшегося в Белостоке Кастусем Калиновским в 1862—1863 гг. [7]. Ссылка на эту перепечатку очень важна для литературоведа, историка, философа, литератора, словом, для всех, кто изучает белорусскую культуру и историю времен восстания начала 1860-х годов.

В третьем разделе «Издания на русском языке XIX — начала XX вв.» (с. 273—569) описано более 6500 изданий, напе-

ском государственном историко-архивном институте.

чатанных в Белоруссии. Это самый объемный раздел каталога, и описания здесь, естественно, самые сокращенные. Конечно же, далеко не вся эта литература равноценна. Наряду с различными обстоятельными исследованиями в раздел вошли описания небольших оттисков и брошюр, а также различных чисто служебных материалов, напечатанных в Белоруссии, например, уставов обществ, касс, товариществ и т. д. Общее число таких уставов превышает полтысячи.

К каталогу приложены очень подробные указатели, составляющие целую систему, чрезвычайно удобную для читателей, а также различные вспомогательные списки, в том числе и список используемой литературы на нескольких языках.

Оценивая каталог в целом, можно сказать, что эта, изданная в лучших, «скорининских» традициях книга, несомненно крупное достижение белорусских исследователей, от которых мы теперь будем ждать продолжения прекрасно начатой работы. На повестке дня вопрос о создании полного репертуара белорусской дореволюционной книги, в котором должны быть отражены не только издания на старобелорусском, белорусском и русском языках, но и издания на польском, латинском и других языках, увидевшие свет в Белоруссии. Подобная

работа уже отчасти проделана на Украине, и результаты ее налицо [8].

Лабинцев Ю. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Брэсцкая вобласць. Мінск, 1984.
2. Эцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Т. 1—4. Мінск, 1984—1987.
3. Зернова А. С. Методика описания старопечатных книг кирилловской печати. — В кн.: Труды Гос. биб-ки СССР им. В. И. Ленина. Т. 4. М., 1960, с. 246.
4. Лабинцев Ю. А. Кирилловские издания Супрасльской типографии. М., 1978.
5. Лабинцев Ю. А. Памятники древнерусской письменности в изданиях старообрядческих типографий XVIII—XX вв. — Книга: Исследования и материалы. Т. 39. 1979, с. 173—179.
6. Лабинцев Ю. А. Памятники древнерусской литературы в старообрядческих изданиях Супрасльской типографии. — ТОДРЛ, 1981, т. 36, с. 209—215.
7. Prasa tajna z lat 1861—1864. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, cz. 1, s. 318—329.
8. Запаско Я., Ісаевич Я. Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Книга перша (1574—1700). Львів, 1981; Книга друга. Частина перша (1701—1764). Львів, 1984; Книга друга. Частина друга (1765—1800). Львів, 1984.

ТЕАТР И ДУХ ВРЕМЕНИ

Европейский общедоступный театр эпохи Просвещения — прямой предшественник современного театра. Более двух столетий отделяют их друг от друга, однако их роль в обществе (театр — трибуна передовых взглядов), их место в системе культуры (театр — самостоятельный институт) во многом сходны. Насущной необходимостью театра в эпоху Просвещения становится национальное содержание — проблема, актуальная и поныне; организационные основы театра, заложенные в ту пору, также близки нынешним. Лишь на первый взгляд может показаться, что, изучая просветительский театр, погружаясь в его атмосферу, мы отходим от современности; напротив, обращаясь к истокам, мы получаем ответ на многие вопросы, волнующие нас се-

годня. Еще один урок, еще один «подсказ», из тех, что постоянно дает нам история.

Новая книга Л. А. Софроновой [1], как и предыдущая — «Поэтика славянского театра XVII—XVIII вв.», — труд не театроведа, а исследователя культуры. Автор рассматривает театр с позиций культурной антропологии, ее интересует художественный феномен театра, прежде всего, в соотношении и взаимодействии с явлениями внеэстетическими: социальными, культурными, бытовыми. Стремясь воссоздать самый дух времени, Л. Софронова «вписывает» театр в общественную жизнь, захватывает множество ее «координат». Исходный пункт и конечная цель ее исследования — человек эпохи Просвещения. Творец театра, сцени-

ческий персонаж, потребитель искусства — все они суть герои книги Л. А. Софроновой.

Просветительский театр предстает в работе как бы в двойном отражении: он и «зеркало» и «школа» жизни. Мы видим, сколь активно участвовал театр в формировании общественных и идеологических процессов, в подъеме национального самосознания, в воспитании общественного вкуса.

Л. А. Софронова исследует театральную культуру эпохи Просвещения не как изолированную синхроническую систему, а в ее тесной связи с прошлым (с магнатским театром, придворным, школьным, с народным творчеством) и с будущим (главным образом, с театром начала XIX в., развивавшим эти традиции).

Много ценных наблюдений содержится и в анализе идейной программы просветительского театра (общефилософская и этическая направленность, стремление совершенствовать социальный и моральный порядок, «исправлять поврежденные нравы») и в раскрытии его поэтики: использование барочных канонов и классицистских схем, актуализируемых национальным содержанием, преобладание идеи над формой, воспитательной задачи над художественной, нравственного чувства над эстетическим (вспомним знаменитую формулу «красота — служительница добродетели»).

Театр и драматургия для историка культуры — неопенимый источник информации о нравах и быте, тем более, просветительский театр с присущим ему дидактизмом (тогда как более поздний театр глубже выразил социальную жизнь человека и его духовные искания). И все же это документ несовершенный: связь между действительностью и искусством не прямая, а опосредованная. Драматургия и театр могут стать подлинным документом культуры лишь в случае, если их «читать» с помощью определенного шифра.

Л. А. Софронова владеет этим шифром. У нее есть четкое понимание «нормы» и «отклонений», всей иерархии значений различных элементов социальной и нравственной жизни людей в эпоху Просвещения; есть безошибочная ориентация в искусстве XVIII в., знание ведущих принципов художественного преображения реальности, моделирования мира; есть ощущение жанровой специфики, структуры и функции произведений, своеобразия коммуникативной ситуации. Словом, она до тонкостей знает «правила»

(и «антиправила») Просвещения. Это и позволяет ей за внешними приметамы быта и нравов, запечатленными в драматургии и театре, разглядеть духовные ценности, обрисовать духовный портрет эпохи.

Реконструируя театральную культуру эпохи Просвещения, Л. А. Софронова оперирует прежде всего объективными данными: это драмы, публицистические и критические статьи, афиши, свидетельства о театральной жизни, зафиксированные в дневниках, письмах, воспоминаниях того времени, архивные описания костюмов и реквизита... В анализ также включены суждения о театре, содержащиеся в самих драматических текстах. Использование в научном исследовании этого необычно истолкованного приема «театра в театре» дает интересные результаты. Заметим, однако, что значительно меньше внимания уделяет автор постановочному решению спектаклей, актерской игре, сценографии, музыкальному оформлению, т. е. всему тому, на что нет документальных (в строгом смысле) подтверждений. А на субъективные оценки современников Л. А. Софронова не полагается, она словно не доверяет им. Вряд ли это верно. Будь автор в этой теме посвободнее, театр как синтетическое искусство предстал бы в книге полнее.

Несомненно, книгу обогащают многочисленные ассоциации и аналогии с русской театральной культурой. Тем самым в просветительском театре выделяется частное (национальные особенности) и общее (фундаментальные основы этого типа культуры). Именно благодаря тому, что польский материал осмыслен автором теоретически, книга может представлять интерес для каждого, кто занимается эпохой Просвещения, независимо от региона и вида искусства.

Как бы подтверждая сказанное, в конце 1986 г. пришла весть о том, что работа Л. А. Софроновой высоко оценена польской общественностью: книга была удостоена премии журнала «Polska» как наиболее ценное зарубежное издание, посвященное польской тематике.

Итак, вслед за театром эпохи барокко, Л. А. Софроновой освоен еще один пласт культуры — театр эпохи Просвещения. Будто поднят «занавес», ярко освещена «сцена» и приоткрыты «кулисы» — перед нами предстают во всем их многообразии идеи и формы просветительского театра, а также сложнейшие, преломленные в бесконечном количестве граней

механизмы взаимодействия театра и общества.

Крайне интересными могли бы оказаться результаты исследования — с применением аналогичных критериев, хотя, конечно, с поправкой на изменения в экономической, социально-политической и духовной жизни — последующих этапов эволюции театра и драматургии. Тогда мы бы имели своеобразную исто-

рию формирования и развития современной польской культуры и современного поляка — историю, написанную сквозь призму театра.

Медведева О.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Софронова Л. А.* Польская театральная культура эпохи Просвещения. М., 1985, 271 с.

Studia polono-slavica-orientalia. Acta Litteraria IX.
Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź, 1985, 219 s.

Польско-восточнославянские исследования

IX выпуск серийного издания «Польско-восточнославянские исследования» посвящен польско-белорусским культурным связям. С предыдущим томом его связывают статьи В. Шершуновича — «Казимеж Анджей Яворский как переводчик и популяризатор белорусской поэзии» и В. Стохеля — «Максим Танк и Казимеж Анджей Яворский в переписке». Названные работы удачно дополняют ту впечатляющую характеристику выдающегося польского поэта-переводчика, которая была дана ему в предыдущей книге, впервые по-настоящему познакомившей с этим преданным служителем идеи духовного единения славян. Очерк В. Шершуновича посвящен анализу 145 поэтических переводов Яворского из М. Чарота, М. Танка, Я. Купалы, Я. Коласа и других белорусских поэтов и сопровождается приложением «Белорусская поэзия в переводах К. А. Яворского на польский язык. (Библиография за 1935—1973 гг.)». Убедительно заключение В. Шершуновича, который справедливо считает, что, хотя на послевоенные 1945—1973 гг. приходится свыше 90% переводов, сделанных Яворским из белорусской литературы, однако наиболее значительный этап в его переводческой и популяризаторской деятельности составили 1935—1939 гг., когда ему, поэту и издателю журнала «Катена», приходилось почти в одиночку, невзирая на угрозы и нападки реакции, прокладывать первые тропинки к внедрению в польскую культуру достижений западнобелорусской, а также советской литературы (с. 110). Особенно тесные связи были у него с М. Танком, чему посвящена публикация В. Стохеля

с приложением фотокопий шести писем белорусского поэта к польскому.

В статье «Белорусское литературное наследство Владислава Сырокомли» пера В. Мархеля (БССР) уточняется датировка и аутентичность некоторых белорусскоязычных сочинений Сырокомли. Так, стихотворение «Добрые вести», которое он считает откликом поэта на первые веяния Весны Народов, Мархель датирует 1848 г. (с. 24). В то же время он ставит под сомнение гипотезу З. И. Тальвирской, указавшей на Сырокомлю как на автора анонимной пропагандистской брошюры на белорусском языке «Беседа старого деда». Согласно Мархелю, есть больше оснований считать автором этой безымянной агитки бывшего секретаря и соратника Сырокомли — В. Коротыцкого (с. 37). Соображения Мархеля действительно имеют некоторые преимущества перед аргументами Тальвирской, однако приближают ли они нас к истине, можно будет сказать лишь после окончательного выяснения этого спорного факта.

Безусловно интересна статья В. Монаха «Приграничные диалектизмы и восточнославянские лексические и фразеологические элементы в языке сочинений Ожешко», содержащая компетентную констатацию о том, что почти все произведения писательницы обнаруживают при их языковом анализе связь с фольклором (с. 40). Не менее ценны для литературоведческой науки наблюдения автора над различными функциями белоруссизмов в языке Ожешко, позволяющие существенно конкретизировать ее реалистический стиль. Тем досаднее некоторые неточности, вроде той, что «Ожешко, пред-

ро черпая из народного источника, первая в нашей (польской. — В. Ж.) литературе ввела в свои произведения белорусский язык» (s. 40). Что Ожешко «ввела в свои произведения белорусский язык», вряд ли кого удивит, но то, что ей вручается пальма первенства среди всех польских писателей, может удивить любого, кто хотя бы бегло просмотрит предшествующую статью, где говорится о билингвизме Сырокомли, или внимательно прочтает самого В. Монаха, который мимоходом касается белорусизмов в поэзии Я. Чечота, А. Мицкевича и др. (s. 43).

Статья Е. Туронэка «Из истории белорусского издательского движения в 1902—1905 гг.» проливает свет на поэзию и роль ППС в деле белорусского национально-культурного возрождения, на значение издательской деятельности В. Ивановского, С. Богусевского и др. Она отличается строгой объективностью и содержательностью. Особую ценность это исследование, насыщенное фактическим материалом, представляет для историков революционного движения в Белоруссии.

М. Чурак в вебольшой, но емкой статье «„Белорусский народ“ Михала Федоровского и польская народная сказка» исследует вопрос о польско-белорусских контактах на материале сказок, записанных видным польским этнографом. Основой для сопоставления различных белорусских и польских сюжетных вариантов служит ей язык сказок. Согласно выводу М. Чурак, некоторые из сказок — безусловно польского происхождения, некоторые — белорусского, часть же носит сугубо локальный, местный характер и могла возникать как в польской, так и в белорусской среде. «Зато несколько сказок, записанных Федоровским и причисленных Кшижановским к польскому народному творчеству, имеет европейский, а иногда даже внеевропейский ареал. Решение вопроса о принадлежности данного текста к фольклору того или иного народа является проблемой неизмеримо трудной, а иногда попросту неразрешимой, так как народное творчество, особенно на этническом пограничье, обладает большой способностью к взаимопроникновению и очень часто составляет

общее достояние нескольких народов» (s. 142—143).

«Сказки на Вилейщине в межвоенный период» — так назвал свою работу Ф. Селицкий. Как и предыдущая статья, помещенная в VIII томе (1984), она основана на личных воспоминаниях автора, уроженца тех мест. Сказочный репертуар здесь был преимущественно белорусским. Ф. Селицкий проводит учет сказок, служащий сравнительному их изучению: им указаны и их аналогии в польских, украинских и русских сказках» (s. 161). Ф. Селицкий выражает надежду, что со временем будут развернуты широкие польско-восточнославянские исследования в области прозаических фольклорных жанров.

«Белорусские обрядовые песни по случаю рождения на Белосточчине» М. Гайдука являются продолжением публикации фольклорного материала, начатой в его предыдущей работе «Белорусские обрядовые весенние песни на Белосточчине» (помещена в VII выпуске, 1981 г.). В рецензируемой статье Гайдук приложил к приводимым им песням нотную запись, что, несомненно, повышает ее ценность. Можно только приветствовать появление сразу трех фольклорных работ в одном выпуске.

Статья Э. Висьневской «Восточнославянские литературы на страницах „Wiadomości Literackie“» посвящена популяризации в межвоенной Польше русской классики и русской советской литературы. На мало известных материалах убедительно показано, что все усилия польской реакции прервать культурное общение Польши с «большевистской Россией» оказались тщетными. Потребность широких кругов польского общества в сношениях со страной Советов была столь велика, что даже названное буржуазно-либеральное издание вынуждено было проявлять незаурядное искусство и настойчивость в деле популяризации русской, в том числе и советской литературы в межвоенной Польше.

Остается лишь упомянуть о статье А. Мальдзиса «Традиции польского Просвещения в белорусской литературе XIX столетия», впрочем публиковавшейся ранее (1972) в советской белорусской печати.

Жук В. А.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА В ПЕРЕХОДНЫЙ ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ ПЕРИОД»

Названная конференция состоялась 13—18 апреля 1987 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ) в рамках целевой программы «Переходный от капитализма к социализму период в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы». В ней приняли участие: Институт истории СССР АН СССР, Институт экономики АН СССР, Институты истории АН Эстонской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР, Институт истории БАН, Институт истории ВАН, Университет экономических наук им. К. Маркса (ВНР), Институт всеобщей истории АН ГДР, Университет им. К. Маркса в Лейпциге, Институт истории ПАН, Институт социалистических стран ПАН, Советско-чехословацкий институт ЧСАН, Институт чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН, Институт истории САН.

Открывая конференцию, акад. Д. Ф. Марков (ИСБ) обратил внимание присутствующих на важность переживаемого странами социализма исторического периода, связанного с перестройкой всех сфер жизни социалистических обществ, с ускорением их социально-экономического и политического развития, отметил взаимосвязь изучения переходного периода в СССР и европейских социалистических странах, актуальность этой проблемы, призвал участников заседания к открытому обмену мнениями по обсуждаемому вопросу.

С главным докладом «Динамика и противоречия социально-классовой структуры в переходный от капитализма к социализму период (некоторые выводы из сравнительного анализа опыта европейских социалистических стран)» выступил авторский коллектив ИСБ (д-р ист. наук Г. П. Мурашко, д-р ист. наук А. Ф. Носкова, канд. ист. наук Э. Г. Задорожнюк, канд. философ. наук В. Д. Кузнецев-

ский). Авторы высказали мысль о том, что главным в изучении истории переходного периода европейских социалистических стран следует считать реальные достижения народов этих стран в строительстве социалистического общества, выдержавшие проверку временем, опыт экономического, социально-политического, идеологического и культурного развития на основе общих закономерностей социалистического строительства. Эти достижения, отмечено в докладе, не достались в готовом, так сказать, чистом виде. Они — результат огромных усилий и напряжения, преодоления противоборствующих сил и собственных ошибок, порой кризисных явлений и кризисов. Высказано мнение, что без глубокого и всестороннего анализа всех этих процессов (позитивных и негативных) переходного периода весьма затруднительно решать последующие задачи социалистического строительства.

Исходя из важности периодизации строительства нового общества для решения практических проблем социализма, авторы, основываясь на сравнительном анализе опыта европейских социалистических стран, пришли к выводу, что переходный период должен делиться по крайней мере на три подэтапа: зарождается еще в недрах народно-демократических революций, затем, после победы социалистической революции, начинается строительство основ социализма, за которым следует период, так сказать, достройки до полной и окончательной победы социализма. Т. е. переходный период, по мнению авторов доклада, не совпадает со строительством основ социализма — он шире по времени и богаче по содержанию. Разумеется, считают авторы, этот вывод не следует понимать очень жестко. При определенных условиях построение основ социализма может и совпадать с пе-

реходным периодом, все зависит от «стартовых» позиций той или иной страны. Следующий вывод таков — одним из важнейших критериев завершения переходного периода и вступления в качественно новый этап развития следует считать наличие объективных предпосылок для перехода от в основном экстенсивного типа функционирования всех основных сфер жизнедеятельности общества (когда его прогресс и поступательное развитие обеспечивается в основном за счет вовлечения в оборот новых материальных и людских ресурсов) к в основном интенсивному, когда новое качество общества укрепляется и растет на базе социалистических форм собственности, за счет использования преимуществ социалистической организации и наиболее полного задействования всех потенциальных возможностей, заложенных в социализме. Существенную, важную роль играют и субъективные предпосылки (уровень сознания общества, рабочего класса, марксистско-ленинской партии, наличие и проявление воли класса, партии, ее руководящего ядра и высшего звена), но действие последних не столь однозначно, как объективных. Субъективный фактор может играть не только прогрессивную, но и тормозящую роль. И тогда он задерживает раскрытие потенциала, заложенного, созданного трудом народа, того, что составляет объективные предпосылки, может надолго затормозить переход общества от экстенсивного типа к интенсивному.

В соответствии с этими посылками авторы доклада предложили рассматривать и движение социально-классовой структуры общества, которая представляется как динамичное противоречивое явление, развивающееся через многообразие интересов классов, социальных слоев и групп, через проявление и разрешение противоречий в этой области интересов. Авторы попытались раскрыть сложность осуществления ведущей роли рабочего класса с учетом его социальной, мировоззренческой неоднородности. Особо рассмотрен вопрос о степени готовности рабочего класса участвовать в управлении обществом в переходном периоде, о возникающем иногда несовпадении воли рабочего класса и отдельных его отрядов с волей его политического авангарда, о выходе из этих ситуаций. При освещении сложного, слабо разработанного в теории вопроса о взаимоотношениях рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, мелкотоварных производителей в пере-

ходном периоде и дальше высказано мнение, что пришло время отказаться от некоторых стереотипных представлений о месте и роли мелкотоварных слоев в городе и в деревне, рассматривания этих слоев лишь как временных союзников, полезных только в ходе революционной борьбы пролетариата за власть, а после победы революции обреченных на элиминирование. Эти слои, подчеркнуто в докладе, в целом могут и должны участвовать в создании новой системы социальных отношений, в процессе чего изменяется их статус, положение и природа, их возможности в строительстве социализма. Поэтому мелкое производство, и его носителей было бы неправильно характеризовать как генетически неполноценных, противостоящих социалистическому обществу. Напротив, они призваны дополнять это общество и для них следовало бы найти новый интегральный термин.

На конференции были заслушаны доклады проф. Р. Андорки (ВНР), проф. З. Козика (ПНР), канд. ист. наук Х. О. Ротса (Ин-т истории АН Эст.ССР), проф. Х. Кестнера (ГДР), д-ра ист. наук В. П. Дмитренко (Ин-т истории СССР АН СССР), д-ра М. Марченко (ГДР), д-ра О. Фельцмана и д-ра Л. Слезака (ЧССР), канд. ист. наук М. Н. Кузьмина (ИСБ), проф. М. Барновского (ЧССР), д-ра Д. Копейтковой (ЧССР), д-ра Д. Луджева (НРБ), д-ра Б. Васильевой (НРБ), а также выступления канд. филол. наук М. Б. Ешича (ИСБ), проф. Г. А. Шаджюса (Ин-т истории АН Лит.ССР), проф. В. Н. Савченко (Ин-т истории АН Латв.ССР), д-ра И. Фридриха (ГДР), д-ра эконо. наук Н. К. Фигуровской (Ин-т экономики АН СССР) и др.

В дискуссии наиболее активно обсуждался тезис о периодизации переходного периода. Д-р М. Стжижевская-Каминьская (ПНР) и Н. К. Фигуровская (СССР) высказали мнение, что между окончанием переходного периода и строительством развитого социализма действительно существует, как сказано в главном докладе, водораздел, однако мало констатировать наличие такой границы, следует вычленивать более конкретные критерии завершения переходного периода. В связи с этим ученые из ЧССР поставили вопрос о том, что следует более четко показать, в чем состоит содержание «основ социализма», а в чем — «переходного периода» в целом, какие между ними различия.

Ученые из ГДР познакомили коллег с результатами своих исследований в области выравнивания уровней развития

отдельных социалистических стран, обратив внимание, что и после переходного периода различия между социалистическими странами, обусловленные их национальными, культурными и другими историческими традициями и формами развития и т. д. не только сохраняются, но углубляются. В связи с этим поставлен вопрос о необходимости сравнительного анализа и параллельного изучения обеих тенденций, выравнивания и углубления различий. Было высказано общее мнение, что проблему переходного периода нельзя рассматривать, исходя только из внутренних условий; надо обязательно принимать в расчет и международный фактор, соотношение сил социализма и капитализма в особенности.

В ходе дискуссии высказывались точки зрения, вызвавшие полемику. В. Дмитриченко подверг резкой критике точку зрения о трех подэтапах переходного периода, высказав мнение, что все закономерности переходного периода были раскрыты в опыте СССР в 30-е годы и ясно и четко сформулированы в партийных документах ВКП(б) того периода и что в СССР переходный период был завершен во второй половине 30-х годов. Большинство участников обсуждения высказали мнение, что вопросы переходного периода невозможно решить на опыте только одной страны, разработка этих вопросов обязательно должна вестись с учетом опыта европейских и других стран социализма, в развитии которых выявилось много новых важных моментов, уточняющих, конкретизирующих за-

кономерности, открытые первой в мире страной победившего социализма. Было высказано мнение, что партийные документы при всей их безусловной важности и определяющей роли не могут заменить собой теорию. Именно об этом четко было сказано на XXVII съезде, в других документах КПСС. Обществоведение имеет и свои задачи, выявлять и решать которые призывает партия.

Оживленную дискуссию вызвало выдвинутое Д. Луджевым положение о том, что в нынешнем развитии стран социализма обнаружилось противоречие между двумя процессами, восходящими к переходному периоду: между модернизацией и социализацией. Выступившие с возражениями участники обсуждения (М. Н. Кузьмин, Н. К. Фигуровская, В. Д. Кузнецовский и др.) обратили внимание на то, что противоречия здесь нет, так как речь практически идет о совершенно различных понятиях — о теории модернизации (безотносительно к ее социально-политической основе) и о теории социалистического строительства (социалистического преобразования старого общества).

Интенсивному обсуждению были подвергнуты также теоретические позиции и тезисы о содержании переходного периода, имевшиеся в работах советских ученых в 20-е годы.

Материалы конференции предполагается опубликовать в специальном сборнике.

Колесов Вл.

РАБОЧАЯ ВСТРЕЧА СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

В рамках многостороннего сотрудничества между обществоведами социалистических стран на 1986—1990 гг. по теме «Становление и развитие марксистско-ленинской историографии в СССР и европейских социалистических странах» 7—9 апреля 1987 г. в Москве состоялась первая рабочая встреча представителей НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР. Было заслушано 13 докладов и сообщений.

С приветственным словом к собравшимся обратился академик Д. Ф. Марков. В докладе д-ра ист. наук В. А. Дьякова

(ИСБ) были высказаны соображения советской стороны о постановке темы и основных исследовательских задачах сотрудничества, а также выдвинуты на обсуждение вопросы: о понимании терминов «историография», «марксистская историография», «становление марксистской историографии»; о хронологических рамках темы, о взаимодействии марксистского направления с другими течениями исторической мысли в каждой из изучаемых стран.

Д-р ист. наук В. А. Дунаевский (Научный совет АН СССР по историогра-

фии и источниковедению) рассказал о мероприятиях партии и правительства 30-х годов, способствовавших утверждению марксизма в советской исторической науке в противодействии вульгарному социологизму в условиях культа личности И. В. Сталина. Канд. ист. наук А. Н. Горяинов (ИСБ) затронул проблему освоения марксистской методологии старшим поколением советских историков-славистов в 30-е годы; д-р ист. наук Е. П. Наумов (ИСБ) подчеркнул важность для современной науки обращения к научному наследию Н. С. Державина, В. И. Пичеты, Б. Д. Грекова и других зачинателей советского славяноведения. В сообщениях канд. ист. наук Т. А. Покивайловой (ИСБ) и канд. ист. наук З. С. Ненашевой (МГУ) говорилось о современном состоянии изучения проблемы становления марксистской историографии в европейских социалистических странах, отраженном, в частности, в новом учебном пособии МГУ: «Историография истории южных и западных славян» (М., 1987).

Проф. В. Шмидт (Ин-т истории АН ГДР) осветил в общих чертах четыре периода развития марксистской исторической науки в ГДР после 1945 г., а его коллега д-р ист. наук Х. Хаун раскрыл содержание одного из них — периода «консолидации», происходившей в 60-е годы. В докладе д-ра ист. наук Д. Мичева и канд. ист. наук К. Петровой (Ин-т истории БАН) было показано, как в процессе формирования марксистской историографии в Болгарии преодолевались упрощенные и односторонние представления о ее историческом наследии. Канд. ист. наук И. Каменец (Ин-т ист. наук САН) детально охарактеризовал процесс проникновения марксизма в словацкую общественную мысль межвоенного периода и формирование в ней первых марксистских концепций национальной истории. Канд. ист. наук И. Штайф (Ин-т чехословацкой и всемирной истории ЧСАН) дополнив доклад коллеги, рассказал о последующих периодах развития марксистской историографии в Чехословакии,

сложный процесс становления которой, по его мнению, завершился примерно к 1963 г. Акцент в выступлении проф. А. Грабского (Ин-т истории ПАН) был направлен на обоснование необходимости изучать марксистскую историографию с учетом внутренних противоречий развития стран социализма, ПНР в частности. Он поддержал идею В. Шмидта о важности изучения немарксистских корней марксистской историографии и внимательном отношении к прогрессивному наследию буржуазных историков. Солидарность с А. Грабским по этому вопросу выразили И. Штайф и канд. ист. наук А. Пок (Ин-т истории ВАН), последний высказался также за необходимость изучения марксистского направления в историографии капиталистических стран.

По итогам встречи подписан заключительный Протокол, ориентирующий на совместные исследования истории становления и начального периода марксистской исторической науки в каждой из стран, начиная от распространения марксизма и материалистического понимания истории до превращения марксистской исторической мысли в самостоятельное историографическое направление, обеспеченное научными кадрами и институционально оформленное; на рассмотрение марксистской историографии во всех ее многообразных проявлениях и сложных взаимосвязях с другими историографическими направлениями в каждой стране и за ее пределами; на изучение прежде всего мировоззрения ученых и их методологии; на выявление общих закономерностей и национальной специфики в развитии марксистской исторической мысли.

Было условлено посвятить два ближайших симпозиума предыстории марксистского этапа в историографии (первый — с конца XIX в. до 1917 г., второй — межвоенные десятилетия); два последующих — периоду социализма; на специальной встрече подвести научные итоги разработки темы и решить вопрос о публикации результатов исследования.

Досталь М. Ю.

III. МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ БОГЕМИСТОВ

С 17-го по 25-е августа 1986 г. в Праге проходил III Международный симпозиум богемистов (МСБ) на тему «Чешский язык и литература за рубежом». Организатором этого традиционного мероприятия является философский факультет Карлова университета совместно с Институтом славистики (ИС), входящим в состав данного факультета¹. Программа симпозиумов предусматривает рассмотрение вопросов, актуальных как в плане их научно-теоретической разработки, так и для совершенствования методики преподавания чешского языка и литературы. Симпозиумы хронологически пересекаются с Летней школой славистики, проводимой Пражским университетом (в этом году отмечалось ее тридцатилетие), поэтому слушатели школы и участники симпозиума имеют возможность принимать участие в обоих мероприятиях.

Присутствие практически во всех докладах сопоставительно-типологического аспекта логически обусловлено не только изначальной конфронтационной заданностью докладов, но и тем, что осмысление фактов чешского языка и литературы у зарубежных исследователей исподволь осуществляется на фоне родного языка. Среди 30 участников МСБ было 7 чешских ученых и 23 специалиста из 12 стран: Алжира, Великобритании, ГДР, Египта, КНР, НРБ, ПНР, Румынии, СССР, СФРЮ, Швейцарии, Японии. Наиболее многочисленной была советская делегация, включавшая ученых из АН СССР (Институт славяноведения и балканистики АН СССР — С. В. Никольский, Г. П. Нецименко; Институт мировой литературы АН СССР — Р. Л. Филиппчикова), Ленинградского университета (В. М. Мокиенко, Н. К. Жакова), Всесоюзной Академии внешней торговли (В. Уваров).

На заседаниях было заслушано 30 докладов, в оживленной дискуссии выступило 43 человека.

На открытии выступил заместитель декана философского факультета Карлова университета проф. К. Соучек. Уча-

стников симпозиума принял ректор университета проф. Эд. Чешка. На всех заседаниях симпозиума присутствовал и председательствовал директор Института чешского языка ЧСАН, председатель Лингвистической коллегии ЧСАН чл.-корр. ЧСАН проф. Я. Петр. В своем докладе он высоко оценил значимость деятельности зарубежных богемистов для пропаганды чешского языка и достижений чешской культуры за рубежом, особенно подчеркнув важность сопоставительного и типологического подхода как в исследованиях, так и при выработке методики обучения, создании учебников.

Программа III МСБ прежде всего была ориентирована на взаимный обмен информацией о развитии богемистики в ЧССР и других странах. Для иностранных богемистов были полезны сведения о деятельности ИС, сообщенные директором института проф. Я. Таксом. Основной задачей ИС является преподавание чешского языка как иностранного. Особое значение придается пропаганде знания чешского языка, литературы, истории, изучению процессов, происходящих в современном обществе. Разнообразна и практическая деятельность ИС — публикация сборников, методических пособий, составление фразеологического словаря, оказание методической помощи преподавателям чешского языка, работающим за рубежом. Деятельность ИС освещалась и в докладе д-ра А. Бителя, подробно охарактеризовавшего состав слушателей, методику преподавания чешского языка как иностранного, акцентировавшего, в частности, необходимость учета в практике преподавания специфики современной чешской языковой ситуации. Важную информацию о развитии отечественной богемистики и в том числе о деятельности крупнейшего в ЧССР центра по изучению богемистики Института чешского языка (ИЧЯ) ЧСАН, содержали доклады д-ра Я. Корженского, заместителя директора ИЧЯ ЧСАН и д-ра Эд. Главсы, одного из ведущих сотрудников этого института. Я. Корженский сообщил о тематике и структуре недавно завершенной фундаментальной трехтомной «Академической грамматики современного чешского языка», созданию которой предшествовал ряд монографических исследований. Грамматика ориентирована на

¹ Первый симпозиум по зарубежной богемистике был проведен в 1976 г., второй — в 1979 г. Материалы симпозиумов были опубликованы в виде отдельных сборников.

широкую читательскую аудиторию. Эд. Главса остановился на развитии богемистики в ЧССР, назвав эталные работы и отметив преобладание синхронных описаний, интерес к проблемам социолингвистики. В основе всех этих исследований находится системный подход, основные постулаты которого были успешно разработаны Пражской лингвистической школой и получили развитие в трудах современных ученых. Докладчик подчеркнул эффективность контактов с советскими учеными.

О развитии чешского национального самосознания в период немецкой оккупации и его выражении посредством фольклорных и полуфольклорных произведений (листочки, песни и пр.) говорил Я. Куклик. Основные этапы развития чешской и словацкой этнографии и фольклористики были освещены в докладе А. Робека. В. Рзоуек проанализировал состояние современной чешской литературы и критики. Доклады чешских ученых содержали ценную, тематически разнообразную информацию, столь важную для зарубежных богемистов, для их ориентации в современной научной жизни ЧССР.

Доклады зарубежных богемистов по большей части содержали информацию о развитии богемистики (лингвистической и литературоведческой) в странах славянского и неславянского регионов. Принципы методики преподавания чешской литературы в Софийском университете им. Климента Охридского были рассмотрены в докладе И. Павлова, отметившего, что преподавание чешской литературы здесь ведется в широком хронологическом спектре; идет работа над созданием Истории чешской литературы. С. Иванчев охарактеризовал специфику преподавания чешского языка в том же университете (чешский здесь преподается с 1888 г., существует факультет славянской филологии, где преподаются славянские языки). В докладе Я. Бачварова была поставлена исследовательская задача — рассмотрение функций *totiž* в чешском языке и возможностей его эквивалентной передачи в болгарском.

М. Басай (ПНР) отметил, что богемистика изучается в Варшавском, Краковском и Силезском университетах. Большое внимание польские богемисты уделяют сопоставительным исследованиям. Ведется большая публикаторская деятельность по чешскому языку, истории чешской литературы: готовятся «Энцик-

лопедия чешской литературы», чешско-польский валентный словарь (как составная часть Сопоставительной грамматики чешского и польского языков), Большой словацко-польский словарь и т. п.

Информацию о деятельности лектората чешского и словацкого языков в Люблинском университете содержал доклад А. Липовцовой.

Анализу чешско-немецких культурных связей посвятили свои выступления члены делегации ГДР. М. Енихен затронул вопрос о взаимосвязи между чешской и немецкой литературой, отметив возрастание интереса к современной чешской литературе. Плодотворно сотрудничество по изучению теории реализма, социалистического реализма (при участии ИСБ АН СССР), по теории перевода. О методике преподавания чешского и русского языков, подготовке кадров переводчиков в Берлинском университете им. Гумбольдта говорила М. Целински. Важность сопоставительных исследований отмечал проф. Б. Кенитц из Лейпцигского университета, где подготавливаются кадры переводчиков, издаются пособия по изучению чешского языка с учетом современной языковой ситуации. В выступлении главного редактора серболужицкого издательства «Домовина» П. Фелкеля был затронут вопрос о переводах на немецкий и серболужицкий язык произведений чешской литературы XIX в. (Я. Неруда, Б. Немцова) и XX в. (С. К. Нейман, Я. Дрда, Ю. Фучик, М. Пуцманова и т. д.) и о переводах с других славянских языков (русского, польского, болгарского, македонского).

О большом интересе к славистике и, в частности, к чешскому и словацкому языку и литературе в Китае говорила преподаватель факультета восточноевропейских языков Пекинского университета Чу Мей Жу.

Современное состояние богемистики в Румынии охарактеризовала Т. Александру (Бухарестский ун-т). Изучение славистики здесь имеет длительную традицию (в 1821 г. была основана кафедра славистики, с 1934 г. преподается чешский язык), большое внимание уделяется подготовке кадров переводчиков.

О преподавании чешского языка в ряде университетов Великобритании говорил Д. Шорт (Лондонский ун-т).

О длительной традиции преподавания славянских языков в Швейцарии говорила И. Стегли-Панкова (ун-т в Цюрихе).

По сообщенным ею сведениям, русский язык учат в ряде школ страны. Кафедра славистики в Цюрихе была открыта в 1961 г., преподавание чешского языка ведется с 1965 г., с 1924 г. издается журнал по славянской филологии.

Изучение богемистики в Японии, — говорилось в докладе профессора Токійского ун-та Э. Чино, — не имеет длительной традиции, однако фронт проводимых ныне исследований достаточно широк. В отличие от периода, предшествовавшего второй мировой войне, ныне перевод произведений чешской литературы осуществляется непосредственно с чешского языка, а не через язык-посредник. Это стало возможным благодаря подготовке кадров в Пражском университете, преподаванию чешского в самой стране (активно используется для этой цели и телевидение). Ведется большая публикаторская деятельность — издаются учебники по чешскому языку, словари, научный журнал, ожидается открытие кафедры славистики в Токійском университете.

О развитии богемистики в АРЕ и Алжире информировали И. Ажан (Алжир), М. Эль-Олейми Эль-Балши (АРЕ), А. Сатар Эль-Шабрави (АРЕ). Как отмечалось, главной задачей является подготовка кадров переводчиков. В Алжире издается альманах «Панорама чешской литературы», ведется сопоставительное изучение чешского и арабского языков.

Доклады членов советской делегации, помимо информативно-методических, решали и исследовательские задачи. С. В. Никольский рассмотрел проблему взаимодействия чешской и советской культур (по приведенным им данным за послевоенное время переводы с чешского и словацкого на русский вышли общим тиражом около 112 млн экземпляров). Докладчик привел красноречивые примеры этого взаимодействия: параллель между Швейком Я. Гашека и Василием Теркиным А. Твардовского, постановка монооперы о Ю. Фучике в Ереване и т. д. Исследования чешской культуры в СССР ведутся широким фронтом. В докладе Р. Л. Филиппчиковой анализировались произведения чешской прозы о второй мировой войне и их переводы на русский язык. Проблем теории

перевода и культурных контактов касался доклад Н. Жаковой, сопоставившей произведения Пушкина и Галека.

Лингвистической проблематике были посвящены доклады В. М. Мокиенко, Г. П. Нецименко и В. Уварова. Мокиенко проинформировал о деятельности коллектива ленинградских лексикографов, работающих над созданием словаря М. Пууймановой. Докладчик показал значимость лексикографии для изучения стиля писателя. В докладе Нецименко были рассмотрены некоторые специфические особенности чешского и русского языков, выявляемые в практике переводческой деятельности. Предметом особого внимания явилась тенденция так называемой языковой экономии, по-разному проявляющейся на различных уровнях языковой системы, а также в различных языках. В докладе Уварова рассматривалась категория обращения и способы ее выражения.

На всех заседаниях симпозиума развертывалась оживленная дискуссия, свидетельствующая о большой заинтересованности участников в обсуждении рассматриваемых проблем.

Для участников симпозиума была подготовлена интересная культурная программа, в частности, посещение этнографического музея в природе, замка Кршивоклат, где состоялся концерт старинной музыки, музея национальной письменности на Страгове (где также состоялся концерт), музея К. Чапека на Стржи. После заключительного заседания, проходившего в замке Добржиш, состоялась встреча с известными чешскими писателями — В. Адловой, О. Дубом, И. Марекком, Б. Ржигой, поделившимися своими творческими планами.

III МСБ явился важным научным событием, внесшим вклад в укрепление контактов и творческого содружества ученых различных стран. Организаторы симпозиума своим гостеприимством и вниманием всемерно содействовали успеху научного мероприятия. Закрывая симпозиум, проф. Я. Петр высоко оценил деятельность зарубежных богемистов, высказав мысль о необходимости поиска новых форм контактов между чешскими и зарубежными учеными.

Нецименко Г.

CONTENTS

The October Revolution Ideas Are Immortal." *Butenko A. P.*, *Kiselev V. P.* Revolutionary Strategy of Renewal of Socialism. *Budagova L. N.* Inspiration of the October Revolution (About Nature of Analogies in the Socialist Literature). *Birman M. A.* Kirkov and Revolutionary Russia in 1917. *Tsybenko E. Z.* Some Regularities of Polish-Russian Literary Ties in the Second Half of the XIX-th Century (After 1864). *Bogatyrev K. K.* Relics of Protoslavlic Accent Relations at the System of Coastal Area Verb: Long *i*-Verbs. *Golovacheva A. V.* Problems of Modelling of Constructions with Names of Body Parts (On the Material of Western Slavic and Russian Languages). *Orel V. E.* To the Reconstruction of Protoslavlic Vocabulary. Our Guests Speaking (An Interview to the Issue) 3

READER'S VIEW

New Heading 85

NOTES ON RECENT BOOKS

Pop I. I. E. Voráček. Československo-sovětské hospodářské vztahy. 1945—1948. *Freidson V. I.* В. Паскалева. Средна Европа и земите по Долния Дунав през XVIII—XIX в. (социално-икономически аспекти). *Mochalova V. E.* Sarnowska-Temierusz. Zazys dziejów poetyki. Od starożytności do końca XVII w. 92

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

Zadorozhnyuk E. G. Г. П. Мурашко. Политическая борьба в Чехословакии в 1944—1948 гг. и национализация средств производства. *Labyntsev Yu. A.* Книга Беларуси: 1517—1917. Зводны каталог. *Medvedeva O.* Theatre and the Spirit of Times. *Zhuk V. A.* Studia polono-slavica-orientalia. Acta litteraria IX . . . 96

SCIENTIFIC LIFE

Kolesov Vl. The International Conference «The Changes of Social Class Structure of Society at Transition Period from Capitalism to Socialism». *Dostal M. Yu.* A Meeting of Specialists on the History of Historical Science of the European Socialist Countries. *Neshchimenko G.* The Third International Symposium of Bohemists 105

Технический редактор *Е. В. Силицына*

Сдано в набор 11.06.87	Подписано к печати 30.07.87	А-07136	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. вр.-отт. 12,2	Уч.-изд. л. 11,8
Тираж 1200 экз.		Зак. 554	

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В-17

В ОРДЫНКА 34/38-40

ТОЯСТОМУ И И

70891

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891